

Наталья Сапункова

ЖЕНА
ЧУДОВИЩА

16+

Наталья Сапункова

Жена Чудовища

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67067226

SelfPub; 2022

Аннотация

Из-за злого колдовства второй сын герцога Нивера родился чудовищем, похожим на неведомого зверя. Однако вышло так, что именно он должен обеспечить семью наследником. И не так уж сложно найти жену Чудовищу, если предложенная плата достаточно высока...

Юная Тьяна, дочь барона из дальней провинции, согласилась на такой брак. И не пожалела об этом...

Мотивы сказки «Красавица и чудовище» с собственным сюжетом.

Содержание

Глава 1. Нежданная невеста	4
Глава 2. Помолвка	16
Глава 3. Немного холодной воды...	37
Глава 5. Свидание с женихом	74
Глава 6. Свадьба	99
Глава 7. После свадьбы	120
Глава 8. Печали свои и чужие	143
Глава 9. Первый бал и ненужные новости	170
Глава 10. Предсказание гадалки с бубном	198
Глава 11. Незванный гость	222
Конец ознакомительного фрагмента.	225

Наталья Сапункова

Жена Чудовища

Глава 1. Нежданная невеста

Во дворе замка стояли кареты, много карет, словно не две невесты уже явились в Нивер, а двадцать две.

– Ты дрожишь, Тин, – леди Фан накрыла своей рукой руку Тьяны, – можем прямо сейчас уехать.

– Не можем, тётя, – упрямо возразила Тьяна, – мы не затем добирались так долго.

Только упрямство у неё и осталось, потому что, по правде говоря, остальные чувства в дороге иссякли. Иссякли мужество, страх грядущей бедности, дочерний и сестринский долг, и голос крови, который твердил, что отцовский замок и земли надо сохранить за своей семьей. И любопытство, которого, прямо скажем, было совсем чуть-чуть...

Увидеть своими глазами Чудовище замка Нивер.

Лет десять назад она услышала про него впервые, рассказал кто-то из гостей отца: о том, что один из сыновей герцога Нивера похож на зверя, а не на человека. Он воистину кошмарен на вид. Доказано, что это результат колдовства. Должно быть, герцогская семья серьезно провинилась перед Всевышним...

Все слушали и ужасались, а юной Тин, которая тоже ужасалась, очень захотелось увидеть этого несчастного хотя бы в щёлочку. Только чтобы он, конечно, её не заметил. Говорят, не стоит дразнить судьбу неуместными желаниями – теперь она приехала сюда в качестве одной из невест лорда Валантена Айда. Который и есть то самое Чудовище.

Кто-то стукнул снаружи в окно кареты:

– Баронесса Рори?

Тётя приоткрыла дверцу:

– Я леди Фан, сопровождаю эссину Тяну Рори.

– Понятно. Добро пожаловать в Нивер, леди.

На встречающем была шляпа с узкими полями и зеленый кафтан поверх такого же зеленого камзола.

– Меня зовут Доннан, леди, я помощник управляющего. Соболаговолите следовать за мной, ваш сундук отнесут, – он с вялым любопытством скользнул взглядом по Тяне.

Мощёный тесаным камнем двор оказался мокрым, кое-где стояли лужи и пришлось подбирать подола, чтобы не запачкать – недавно прошел дождь. Впрочем, небо уже очистилось и воздух был приятным и свежим.

– К сожалению, вы припозднились, леди. Две невесты прибыли вчера и уже встретились с лордом Валантеном, – заметил между делом помощник управляющего.

– И что же, как прошла их встреча? – не удержалась леди Фан.

– Очень хорошо, леди. Лорд Валантен очарован, э... обе-

ими невестами очарован, леди. Пожалуйте сюда, — он опять коротко взглянул на Тяну, пропуская их в высокие, окованные начищенной медью двери.

Они прошли коридором, поднялись по лестнице и оказались на просторной галерее, выходящей открытой стороной... о, там было море, голубое, спокойное, бескрайнее. Доннан невозмутимо шёл дальше, за ним леди Фан, а Тяна, не удержавшись, остановилась у перил.

Великолепно. На море, должно быть, можно смотреть бесконечно долго. Неужели их окна тоже будут выходить на море?

С противоположной стороны на галерею вышли несколько человек: мужчина, толстый и важный, в строгом костюме из тонкой чесучи, две женщины в шитых серебром платьях, и девушка, прелестная, с золотистыми волосами, в пышном дневном платье из шуршащего шёлка. Собственно, не слишком интересное зрелище представляли собой эти четверо, чтобы оторвать ради них взор от прекрасной морской дали, но Тяну словно толкнули в бок, и она посмотрела. Конечно, мимо шествовала ещё одна невеста Чудовища... лорда Валантена, то есть. Соперница. Это так же понятно, как если бы было вышито на корсаже её платья.

Такая красивая, такая нарядная была эта девушка. Незнакомая. Так гордо она проплыла мимо. Тяна в своем простом дорожном костюме рядом с ней смотрелась служанкой. Спутники незнакомки снисходительно мазнули взглядами

по Тяне и леди Фан, не найдя в них ничего стоящего внимания. Они прошли, тётя проводила их взглядом и пожала плечами, как бы говоря Тяне: ну а чего ты хотела, глупенькая? Думала, тебя ждут с распростертыми объятьями?

Кстати, издалека девушку можно было бы принять за Дивону, если бы не такое чудесное платье. Неужели все невесты, выбранные королем для Чудовища, почти на одно лицо?

– Следуйте за мной, леди, – сказал Доннан с некоторой досадой, – прошу, не отставайте.

Видно, тоже не сомневался, что ей тут делать нечего. Одно беспокойство для прислуги, вот кто они сейчас в замке Нивер.

Окна их покоев не выходили на море, но это мелочи, конечно. Леди Фан первым делом уселась за стол, выдернула из бювара чистый лист и, обмакнув перо в чернила, принялась писать. Потом она вызвала горничную.

– Передай это скорее герцогу, пожалуйста, – она вручила девушке записку вместе с мелкой монеткой, загодя извлечённой из кошелька, – постарайся. И скажи там заодно кому следует, чтобы нам принесли горячей воды.

Видимо, девушка постаралась, потому что воду скоро принесли, а саму леди Фан пригласили к его милости герцогу – та едва успела умыться и переодеться из дорожного платья в строгое и чуть кокетливое шёлковое, уместное для такого визита. Это было красивое платье, и оно очень нра-

вилось Тяне... уже лет пять или шесть, как нравилось. Мамина сестра леди Фан, или всегда неунывающая тётя Элла, не была так стеснена в средствах, как семейство Рори, но и она нечасто покупала себе шёлковые платья.

Вернулась леди Фан с плохой вестью.

– Тин, девочка моя, – она взяла Тяну за руки, – невеста уже выбрана. Мы опоздали. Зато мы остаёмся на праздник... будет бал, потом свадьба и снова бал... ты только представь! И ещё охота, прогулки, ты развеешься, повеселишься, познакомишься с множеством благородных господ. Как хорошо, что мы приехали, правда?

– Замечательно! – обрадовалась Кора. – Эссина Тин, вы не должны отвечать за всех! За чужие глупости... простите, миледи, – девушка смутилась, но упрямо закончила, – это было бы несправедливо. Зато на балу всё равно побываете, раз уж у вас новое платье!

За новое бальное платье заплатила тётя Элла. И шилось оно на сестру, на Тяну пришлось спешно его подгонять, и хорошо ещё, что она тоньше Дивоны – надо было всего лишь ушить, а не расставлять корсаж. И чтобы приехать сюда, они заняли сто дреров у ростовщика. Да уж, замечательно...

Ещё недавно всё было хорошо. Их доходов хватало, чтобы жить сообразно положению, ездить иногда в гости к соседям и принимать их у себя, выбираться на Большой Королевский турнир раз в год, весело справлять Новогодье с большим костром, с поездкой на охоту и на бал в Ратушу.

Что поделаешь, когда-то предкам Рори достались не самые плодородные земли.

Отец умер, бароном стал старший брат, и в первую же зиму, сбежав праздновать Новогодье вдали от матушкиных наставлений, он проиграл в кости их пятилетний будущий доход. Теперь брат в долговой тюрьме, сломлен и болен, а матери, которая бросилась занимать деньги на любых условиях, их просто никто не давал. Это было рискованно, у брата нет наследника, так что после его смерти титул и майорат уйдут к дальней родне, а баронесса с дочерьми останутся ни с чем.

Они уже почти свыклись с нуждой и отчаяньем, научились скрывать их, насколько возможно, тем более что главные беды всё-таки ожидались в дальнейшем. Пока они ещё жили в своем замке и были хозяевами на своей земле.

Три месяца назад в Рори привезли письмо от короля. Привез двоюродный брат отца, служивший на небольшой придворной должности в столице. В письме его величество Клайдергар предлагал баронессе Рори доставить старшую дочь, эссину Дивону Рори, в замок Нивер для представления герцогу Ниверу, который подбирает супругу для младшего брата.

Все сначала изумились: с чего бы герцогу брать в невестки дочь небогатого барона? А Тьяна сразу вспомнила ту давнюю историю. Что второй сын герцога родился похожим на покрытого шерстью зверя.

– Супругу для Чудовища? – спросила она неосторожно.

– Придержите язык, юная эссина! – поморщился дядя, – лорд Айд родной брат герцога. Обращать внимание на недостатки внешности таких особ – дурной тон.

Дивона, побледнев, медленно сползла по стенке – она тоже сразу поняла, о ком речь. Мать и тётя Элла, как раз гостившая в Рори, бросились к ней и принялись приводить в чувство, прибежала Кора с холодной водой в чашке...

Дивона с Тяной немало вечеров посвятили болтовне про лорда Чудовище и фантазиям, на какого зверя тот на самом деле похож. Тяна даже рисовала его угольком. Ей всегда нравилось рисовать.

– Портрет Дивоны понравился королю, – сказал дядя, обращаясь теперь больше к Тяне, которая так и застыла посреди комнаты, не участвуя в суматохе, – он считает, что и лорду Айду она тоже понравится.

– Ох, – мать закрыла руками лицо, – мы ведь можем сказать, что Дивона уже помолвлена и день свадьбы назначен?

– Вы глупые курицы, – тихо сказал дядя, – уберите отсюда девочек, давайте сначала поговорим. Зачем их вообще позвали?

– Да, действительно, – леди Фан просительно посмотрела на Тяну, – дорогая, уведи сестру, успокой её и сама не тревожься.

Та сразу послушалась, вдвоем с Корой вывела Дивону из комнаты, но сразу за дверью шепотом велела служанке справляться самостоятельно. А подслушивать необязатель-

но под дверью, в соседней каморке есть окошко, закрытое со стороны комнаты старым гобеленом. Было отлично и слышно, и видно.

– У лорда Айда уже было две жены, если не ошибаюсь? – сказала тётя Элла.

– Ошибаешься, кузина, – отрезал дядя. – У него была всего одна жена. Бедняжка умерла от родов. А вторая... они ещё не успели пожениться. Она ехала домой после помолвки, и карета опрокинулась на мосту. Такое случается.

Тьяна застыла в ужасе. Да, это именно так и следует понимать: жён лорда Айда преследует рок! Или то самое заклятье, которое обезобразило само Чудовище?

– Десять тысяч золотых дреров, – спокойно и четко сказал дядя. – Повторить? Десять тысяч. Золотом. Получит семья следующей супруги лорда Валантена Айда. Вы поняли, кузины? Десять. Тысяч. Ты, Мерит, заплатишь долги своего никчемного мальчишки и назначишь какое-никакое приданое остальным девочкам. Помнишь, дорогая, что кроме Дивоны у тебя их ещё четыре? Какая жизнь их ждёт после того, как вы потеряете Рори? А ещё твой сын харкает кровью, говорят. Так что потребуются деньги и на его лечение, и на то, чтобы его женить и не выпускать отсюда, пока он не произведёт наследника мужского пола. Потому что в противном случае вы всё равно рано или поздно потеряете Рори.

Мама заплакала, закрыв ладонями лицо.

– Не надо так, прошу, кузен, – сказала тётя.

– Почему же не надо, кухня? Всё именно так и есть. И вот что ещё, дорогая: король послал такое предложение по меньшей мере семи девушкам, чтобы у лорда Айда был выбор. Невеста должна быть привлекательной, девственной, хорошо воспитанной, её отец должен иметь титул не ниже баронского. Так что ваше теперешнее согласие – лишь попытка, которая даёт шанс получить десять тысяч дров!

Мать и тётя молчали, мать продолжала плакать.

– Наконец, стать матерью будущего герцога Нивера дорогого стоит, – добавил дядя.

– Что, кузен?.. – голос тёти дрогнул.

– А как вы думали, зачем нужен этот брак? Ради наследника Ниверов! – дядя понизил голос, – ходят слухи, что сам герцог не может иметь детей. После детской болезни. А прибегать к услугам колдунов в этом вопросе они не желают, есть, видимо, причины. Вся надежда на лорда Валантена.

– На Чудовище?!

– А что? Его жена умерла родами. Ребенок тоже умер, но он был обычным младенцем без признаков проклятья. Значит, лорд Валантен может иметь здоровых и красивых детей, если его супруга сумеет произвести их на свет. Так что же вы думаете, войти в такую семью, заполучить такую родню и такие связи – это пустяк?

Мама перестала плакать, тётя Элла прошлась по комнате, сказала задумчиво:

– Мне рассказывали, что его никто не видел, он прячется

от людей. И что он не очень похож на человека.

– И всё равно, рискнуть одной дочерью, чтобы спасти остальных – разве оно того не стоит? – сказал дядя уже как-то устало.

Тьяна отодвинулась от окна. Она услышала достаточно.

– Послушай, это будут смотрины! – сказала она потом удручённой сестре. – Это не предложение лично тебе. Ты можешь не понравиться. Зато съездишь в Нивер. Тебе не надоело сидеть в Рори и носа никуда не высовывать? Я бы съездила.

Конечно, денег на поездку не было. Но раз их всё равно придётся достать, чтобы исполнить приказ короля?..

– Так поезжай. Я не хочу рисковать, – помотала головой Дивона. – Я лучше прыгну с башни, чем выходить за Чудовище.

Тем же вечером Тьяна предложила заменить сестру в поездке. Нет, тогда она не собиралась жертвовать собой, а всего лишь хотела побывать в Нивере, развлечься и взглянуть на Чудовище. Но её предложение решительно отвергли, – раз король выбрал Дивону, то ехать должна Дивона и никакие замены тут неуместны.

Сестру уговорили, впрочем. Убедили. Она сдалась и на всё согласилась. Дядя сам ссудил им часть денег. Дивоне заказали платья и белье, купили кое-какие вещи, чтобы не было совсем уж совестно показаться в герцогском замке. К тому времени уже было известно, что невест осталось только

пять.

За десять дней до отъезда Дивона сбежала со своим давним поклонником, вторым сыном соседнего лорда, который пока не сватался официально и женихом не считался. Его семья тоже не одобряла случившееся. Тем временем Тьяна о многом успела передумать, а ещё неожиданно подешевели сено и шерсть, продажа которых давала Рори основной доход, пал любимый вороной конь покойного отца, приехал староста из деревни и слезно просил баронессу пригласить хорошего колдуна из города, потому что у крестьян начал болеть скот. Письмо от брата, которое все они трепетно ожидали со дня на день, тоже не обещало приятных известий.

– Я поеду в Нивер и постараюсь выйти замуж за Чудовище, – решительно заявила Тьяна.

Теперь она не думала о том, что поездка будет прогулкой. Она собиралась именно быть выбранной, выйти замуж. Как?..

Это Тьяна представляла себе смутно. Но она постарается.

– Тин, Тин, не уезжай, пожалуйста! – закричала Кая, сама младшая сестра.

– Но ты ведь не Дивона, девочка моя, – мама опять заплакала.

– Нас не выгонят, я думаю, – покачала головой леди Фан, – в крайнем случае пригласят на бал. Не пропадать же новым платьям. Но это слишком серьезный шаг, понимаешь, Тин? С трудностями можно справиться как-то иначе.

– Не пропадать же новым платьям! – отважно улыбнулась Тьяна.

Хотя новые платья, оставленные сестрой, беспокоили её меньше всего. А невест теперь было только три, считая с ней, с эссиной Рори – об этом написал им дядя из Гарратена. Из-за платьев они и задержались, и теперь получили бесповоротный отказ. Невеста уже выбрана.

– Тётя, а давай спустимся в парк? – предложила Тьяна, – интересно, тут можно выйти к самому морю?

– Через парк?.. – тётя пожала плечами, – не думаю, милая. И мне нужно написать письма, скоро уходит почтовая карета. Если хочешь, пройдишь одна, но не сходи с главной аллеи.

Уже другая горничная проводила Тьяну вниз, к выходу в парк.

– Пожалуйста, эссина. Видите вон ту башню? Перед ужином на ней поднимут синий флаг, а чуть позже пробьют в барабан. Хорошей вам прогулки, – девушка поспешно закрыла дверь и убежала, это было хорошо слышно.

Тьяна оглянулась. По лестнице поднимался молодой человек, привлекательный, хорошо одетый. Он без интереса посмотрел на Тьяну и скрылся в дверях. Это от него горничная сбежала, как испуганная белка?

Глава 2. Помолвка

Гулять по главной аллее было скучно. Тяня свернула на боковую дорожку и не спеша дошла до ажурной кованой калитки в каменной стене. Дорожка продолжалась и за ней, но уже не казалась такой ухоженной, как по эту сторону забора. А калитка была приоткрыта...

Пологий спуск превратился в своего рода лестницу из широких каменных плит – несколько шагов вперед, один вниз, опять несколько вперед. Но идти было легко, и Тяня отбросила сомнения – она всегда успеет быстро вернуться. К тому же море показалась внизу, вот ещё немного...

Скоро она очутилась на широком каменистом берегу, кругом были нагромождения скал, к воде вёл узкий проход. И никого, совсем никого вокруг. Высоко подобрав юбку и осторожно, чтобы не споткнуться, Тяня принялась пробираться к воде. И вдруг...

Какое-то массивное тело легко и почти неслышно спрыгнуло откуда-то сверху прямо перед ней, в нескольких шагах. От неожиданности Тяня отпрянула, всё-таки споткнулась и упала, и закричала, и даже постаралась отползти немного, с ужасом глядя на животное, которое...

На животное?..

Его мохнатая бурая шкура с рыжими подпалинами была мокрой, с неё ещё стекала вода. Он медленно оглянулся...

да, только что ловкий и подвижный, теперь, услышав Тяну, он двигался очень медленно.

Его морда... нет, его лицо тоже было покрыто короткой шерстью. И это, конечно, было никакое не животное. Глаза... Тяна вздрогнула, когда со звериного лица на неё глянули никак не звериные, а человеческие глаза: зеленоватая радужка, с двух сторон окруженная белым, как у людей.

Чудовище.

Так же медленно человек-зверь отвернулся, и Тяна услышала:

– Вам уже лучше, эссина? – голос был низкий, немного хриплый, но, определенно, человеческий, – сможете встать самостоятельно?

– Да-а... – выдохнула Тяна и поднялась сначала на колени, потом на ноги, придерживаясь за камень, это вышло ничуть не изящно и недостойно благородной эссины.

Человек-зверь всё же наблюдал за ней искоса.

– Теперь повернитесь и уходите отсюда той же дорогой, которой пришли, эссина. Сможете по пути не упасть в обморок? – явная усмешка в его голосе разозлила Тяну.

– Простите, милорд, – наконец она сообразила обратиться, как должно, – я не хотела. Это получилось случайно. Мне очень жаль, поверьте.

– Вы понимаете, в какую сторону вам сейчас следует идти, эссина?

– Да, милорд, – кожаная подошва туфли скользнула по

камню, отчего Тяна опять чуть не упала.

– Гм. Дышите глубже, – заметил лорд Айд. – И не бойтесь так. Я не кусаю юных дев, хоть они, возможно, и вкусные, – и он ещё вздумал шутить...

– Я не боюсь, милорд! – Тяна невольно повысила голос. – И не падаю в обмороки. Я просто оступилась. Ещё раз простите, милорд, мне действительно очень жаль.

– Я вас уже простил. Вы собираетесь уходить или нет?

Тяне, по правде говоря, не хотелось уходить вот так, даже не поглядев толком на брата герцога. Раз уж им повезло случайно встретиться. И почему он сразу её прогоняет? Почему бы им не поговорить немного? Он разговаривает, как благородный человек. Будет хотя бы что рассказать сестрам...

– Простите, милорд, – она кашлянула, чтобы голос стал звонче, – простите, но я ехала сюда, как ваша возможная невеста, и была готова не бояться вашей... не совсем обыкновенной внешности, милорд. Я испугалась, потому что не ожидала никого здесь встретить, а вы появились так внезапно. И я немного разочарована, что вы отказали мне даже в официальном свидании, а ведь нам пришлось проделать немалый путь, причём по вашему приглашению. Так почему бы нам сейчас... я хочу сказать, просто не поздороваться, хотя бы?

– Гм... – вот теперь в его голосе появилась некоторая растерянность, – вы тоже невеста? Эссина Рори, верно? – и вдруг он коротко рассмеялся. – Хорошо. Пройдите немного

вперед, прошу вас. Только не оборачивайтесь. Мне нужно одеться.

Тьяна послушно прошла несколько шагов вперед. Мгновением позже она судорожно вздохнула и ощутила, как щеки наливаются жаром...

Да, он ведь был раздет. Он встал спиной к ней, потому что...

О, Пламя Творящее!

Она донимала разговорами неодетого мужчину, который перед этим недвусмысленно попросил её удалиться?

Но в том-то и дело, что Тьяна не отнеслась к нему, как к мужчине, потому что он не похож на обыкновенных мужчин. И она даже не подумала, что он раздет, ведь он одет своей шкурой, одет так, что не видно и кусочка голой кожи. И тем не менее он – мужчина, за которого она собралась выйти замуж. И который предпочёл ей другую. И уж конечно, себя он воспринимает не как зверя.

– Пожалуйста, повернитесь ко мне, эссина Рори, – услышала Тьяна тот же низкий, чуть глуховатый голос. – Тут мало места, мне не хотелось бы нечаянно вас задеть.

Она повернулась, не без опаски взглянула вскользь. Лорд Айд остался босиком, но надел штаны и легкую, просторную полотняную куртку с завязкой на поясе, похожие по крою куртки, только шерстяные, носили в холода работники в Рори.

Ничего удивительного, если тесный, по нынешней моде

камзол ему не по вкусу.

– Итак, добрый день, эссина Рори. Надеюсь, вы простите мне некоторую вольность в одежде. Я не ждал гостей.

– Конечно, милорд, – сказала она тихо.

– И мою неосторожность тоже простите. Я вас сразу не заметил. Здесь не должно быть посторонних, так что я не смотрел по сторонам.

– Я понимаю, милорд.

– Нас должны бы представить друг другу, эссина, но раз обстоятельства сложились именно так, что же... Я, как вы поняли, лорд Валантен Айд, – он наклонил голову.

– Меня зовут Тьяна Рори, я дочь барона Рори, из Скарата, милорд.

– Тьяна Рори? – удивился он. – Здесь ждали Дивону Рори, насколько я помню.

– Дивона моя сестра. Старшая сестра. Она не смогла приехать, поэтому я её заменила.

– Гм... – лорд Айд внимательно смотрел на неё. – Я не только не отказывался от свидания с вами, я даже не знал о вашем приезде. Теперь понятно, почему. Тьяна – это прекрасное имя, эссина, но, боюсь, оно никому здесь не нравится. Тьяной звали мою покойную мать, которая, как считают, принесла несчастье роду Айдов.

Действительно, это что-то объясняло.

– Я поняла, милорд, – она совсем растерялась и не решалась поднять на него взгляд. – Простите, мы не знали этого.

– А как вы сюда попали, эссина Тьяна? Не через забор же перелезли? И зачем?

– Нет, конечно, я не лезла через забор. Калитка была открыта. Я просто хотела к морю.

Внезапно Тьяна разозлилась на собственную робость. Она ведь не виновата, что носит именно это имя. В том, чтобы заменить сестру при брачном предложении, нет ничего особенного. Она не годится в жены этому... лорду Айду? Ну и замечательно. Он тоже не мужчина её мечты!

Но он ни в чём не виноват. И действительно не кусается.

И она посмотрела прямо ему в... лицо. Это не было мордой зверя, даже подумать так ей показалось нелепым, потому что человеческие глаза смотрели на неё с пониманием и легкой усмешкой. И она не содрогнулась и не захотела сразу отвернуться. Скорее, стояла и разглядывала его, стараясь запомнить облик – потом можно будет нарисовать. Даже пожалела, что прямо сейчас под рукой нет бумаги и рисовального угля.

Волосы на его голове были густые и длинные, до середины спины, и немного вились, хотя от остальной шерсти они отличались разве что длиной. Узкий, почти человеческий нос, тонкая темная, почти черная кайма губ, немного раскосые глаза и человеческая посадка головы. Шея была довольно толстой, а плечи широкими, слишком развернутыми, слишком человеческими. Фигура же в целом – мощной, угловатой какой-то, босые ступни ног – просто огромными, с немного

загнутыми темными когтями. Он на её глазах ловко спрыгнул с высокой скалы. Он очень странно выглядел и для человека, и для зверя, этот лорд Айд. Как будто кто-то с помощью злого колдовства перемешал, сплавил вместе в одном котле черты разных зверей и добавил к ним человеческие...

Хотя почему «как будто»? Скорее всего, так оно и было. И вот что ещё: с некоторым замешательством Тяна поняла, что вовсе не считает этого лорда-зверя ни кошмарным, ни уродливым, ни просто неприятным. Он был даже в чем-то привлекательным – но по не по-человечески. Не как мужчина, за которого нужно выйти замуж. Но ведь от неё этого уже и не требуется, правда?

Их взгляды встретились, и Тяна вдруг увидела в глазах Чудовища удивление. Да-да, он был удивлен.

– Вы больше не хотите подойти к воде? – спросил он и посторонился, давая дорогу, – пойдемте. Заодно можем поговорить. Я ведь должен вам свидание и беседу? Не бойтесь меня, эссина Рори.

Это всё было вопиющим нарушением приличий. Им нельзя встречаться наедине, их должны были официально представить друг другу. Только теперь-то к чему об этом беспокоиться?

Она прошла мимо Чудовища, к морю.

У самой воды была полоса мелкой разноцветной гальки шириной в несколько шагов. А море... оно раскинулось пе-

ред Тяной, тихое, спокойное, блистающее легкой рябью, прозрачное у самых её ног и дивное в своем смещении синевы и зелени – дальше, до самого горизонта. Оно было таким разным – где-то освещенное солнцем, где-то в тени туч, скопившихся теперь в одном месте, справа у дальнего края неба, – как сор, который горничная смела веником.

От моря, даже такого послушного и ласкового, шаловливым котенком норотившего достать туфельку Тяны, всё равно веяло невероятной мощью, словно кто-то большой, опасный, сильный прилег отдохнуть тут и пообещал вести себя хорошо.

Морю-котенку, видно, надоело попусту дразнить Тяну, и очередной волной оно достало её, плеснуло на подол и на туфельку.

– Идите сюда, эсси́на, – позвал её лорд Айд.

Он уже принес откуда-то темный шерстяной плащ и постелил на плоский камень.

– Вот, присядьте. Прошу вас.

Она села на плащ, стараясь спрятать мокрый подол. Похоже, туфля тоже промокла.

– Вы не против, если я сяду позади вас, и мы поговорим?

– А почему позади, милорд? – простодушно удивилась она, – разве так нам будет удобно разговаривать?

– Гм... то есть, я не смущаю вас своим видом? И не пугаю?

– О нет, милорд, – она спокойно посмотрела ему в лицо, давая понять, что пугаться тут нечего.

И это было действительно так, в конце концов.

– Хорошо, эсси́на, – он сел перед ней в паре шагов, прямо на гальку, непринужденно обхватив рукой колено.

Его ноги были почти по-человечески длинные. А в целом это был большой, расслабленный, сильный зверь, и при этом готовый, кажется в любой момент прыгнуть. Зверь с очень выразительными человеческими глазами... это единственное, что немного смущало. Точнее, это дарило ощущение, что перед Тяной сидел человек в маске и карнавальном костюме.

А цвет глаз лорда Айда был смесью синевы и зелени. Как цвет моря там, где на воду падают солнечные лучи.

– Эсси́на, почему не приехала ваша сестра, Дивона Рори?

– У неё был жених, милорд, хотя помолвку и не заключали. Они поженились без согласия родителей, – опустив голову и осторожно подбирая слова, объяснила она.

И увидела, как он быстро улыбнулся, показав клыки гораздо длиннее остальных зубов. И невольно вздрогнула. Он заметил и слегка нахмурился, сжал губы. Потом сказал:

– Говоря проще, они убежали. Но вашему семейству нужны деньги, поэтому решили не упускать такой случай. И пришлось приехать вам. Да, видите ли, я интересовался своими «невестами». Единственный и любимый брат очень вас подвёл.

Она стиснула в кулаке ткань юбки и посмотрела прямо ему в глаза.

– Да, милорд. Всё именно так.

– Вы сразу согласились быть проданной, или долго плакали, убивались и в конце концов позволили себя уговорить?

Вот это уже было грубо. И обидно. Разве она дала ему повод?..

– А вы как думаете, милорд? – она постаралась взглянуть на него как можно холоднее.

– Я хочу услышать ответ. Пожалуйста, эссина.

– Я сама захотела ехать вместо сестры. Как вы верно заметили, нам очень нужны деньги. Рори – майорат. Вся надежда на брата.

– Я понимаю. Говорите, что решили ехать добровольно? Вам этого даже не предлагали? Не уговаривали?

– Не предлагали. Ведь сам король выбрал сестру, – пробормотала Тьяна, – я сразу сказала, что могу заменить её, но об этом и слышать не хотели.

– Да, король выбрал, – кивнул лорд Айд, – взял на себя этот труд. Он считает, что знает всё о моих предпочтениях. Я ему благодарен за заботу, конечно.

Кажется, в его глазах мелькнуло веселье.

– А он... знает? – зачем-то уточнила Тьяна и опять покраснела.

Станный, неправильный у них получался разговор!

– Да, пожалуй.

То есть он сейчас однозначно сообщил Тьяне, что она ему не нравится.

– Значит, вы сами предлагали себя на место сестры? А почему, эссина?

Тьяна вздохнула. Он желает слышать правду? Хорошо, пусть получает.

– Потому что я боялась вас намного меньше, чем Дивона, милорд, – она теперь смотрела на него прямо, не опуская глаз. – И потом, раз невест много, то шансы выйти за вас замуж были не слишком велики. Зато мне хотелось приехать в Нивер. Мы последнее время редко где бывали, милорд.

– Я понял, – и он беззвучно рассмеялся, запрокинув голову.

Опять показались клыки, но не испугали Тьяну – она уже знала о них.

– Вы боялись меня намного меньше, – задумчиво повторил лорд Чудовище.

– Прошу, не обижайтесь, – вздохнула Тьяна, – сказать, что я совсем не боялась вас было бы ложью, конечно. Вы ведь понимаете, какие слухи ходят о вас по Грету, – она внезапно умолкла, раскаиваясь, что сказала лишнее, – простите, милорд.

Он взглянул на девушку, его глаза по-прежнему смеялись, и она перевела дух, улыбнулась.

– И всё же я не очень понял, вы намеревались ни в коем случае не стать моей избранницей? Или вы отважная маленькая птичка, решили пожертвовать собой ради семьи и всё же выйти за меня замуж?

В конце концов, это было ужасно с его стороны, говорить с ней так прямо и откровенно!

Он внимательно и вместе с тем требовательно смотрел на Тяну, ждал ответа. А ей не хотелось его обманывать.

– Я хотела выйти за вас замуж, милорд, – со вздохом признала она. – Да, чтобы помочь семье. Вы знаете, почему.

– Значит, вы всё же отважная маленькая птичка. Хотите навеки отдать себя мне, кошмарному созданию, немного напоминающему человека. И всё это ради ваших близких. Вы спасёте их ценой себя, и они никогда не смогут вернуть вам этот долг. Скорее, забудут о нём уже скоро. Вы уверены, что они действительно не выживут без вашей жертвы?

– Не надо так говорить, милорд, – попросила Тяна, которой было очень неприятно это слышать. – Многим девушкам приходится выходить замуж так, как решат родители, их желания не берут в расчет. Так что выйти замуж не такая уж жертва.

– Даже если нужно выйти за меня? Вы искренни, эссина?

– Милорд, я встречала людей более неприятных, – быстро сказала она, не успев подумать, стоит ли.

Его глаза опять ей улыбнулись... только глаза, показывать клыки лишний раз он остерегался.

– Это правда, милорд, – добавила она.

Это было правдой. Чем дольше смотрела она на лорда Айда, тем менее отталкивающим он ей казался. Хотя, нет, неправильно, отталкивающим он не был с самого начала.

Его спокойные, плавные, точные движения – он не был неуклюжим, несмотря на громоздкую фигуру. Его глаза, умеющие выражать так много. Его спокойный низкий голос, и манера обо всём говорить легко и кратко. Кажется, за всю свою жизнь Тьяна никогда так не разговаривала ни с кем из мужчин. И сейчас бы не решилась, будь лорд Айд просто мужчиной.

Что сразу отвратило бы её от него, так это запах, запах зверя. Но от него ничем таким не пахло. Здесь, на берегу, крепко пахло лишь морем – терпко и пряно, необычно. И ничего похожего даже на запах пота или немытого тела.

– Видите ли, эссина, – лорд Айд поднял камешек и подбросил его на ладони, – в своем будущем браке я не жду ничего такого, о чём поют в балладах. Должно быть, вам известно, что это будет брак ради детей. Ради наследников Айдов. Этот брак просто сделка, эссина. Видите, подход у нас одинаковый – просто сделка. Я не испытываю желания ввязываться в это ради каких-то своих удовольствий. А стремление короля подобрать для меня подходящую, по его мнению, жену... – вот тут он опять показал клыки, – не стоило ему беспокоиться. Мне нужна невеста благородного происхождения и с хорошим здоровьем, и её родственницы по женской линии должны благополучно справляться с родами, об этом наводили справки, – он коротко взглянул на Тьяну.

– Я понимаю, – спокойно кивнула она.

Такие вещи не обсуждают с юными эссинами, но, похоже,

лорду Чудовищу было наплевать на приличия.

– Конечно, она не должна быть уродливой, но и только, – продолжал он, – чтобы не испортить внешность будущим поколениям Айдов, ведь мы считаемся довольно-таки красивым семейством. Если не включать в него меня, разумеется, я отдельный случай, – в его голосе опять звякнула усмешка, – вы слышали про проклятье, которым наградили мою матушку?

– Да, милорд, – ровным голосом ответила Тьяна.

– Очень хорошо, – он провёл ладонью по камешкам, сгребая их, и когти на его коротких толстых пальцах на несколько мгновений удлиннились почти вдвое, оставляя борозды.

Тьяна невольно вздрогнула и отвела взгляд.

– Ваша невеста очень красивая, милорд, – сказала она за чем-то, – я видела её сегодня.

– Моя невеста? – переспросил он удивленно, – ах, да, леди Нила. Как считаете, ей идет её исключительная бледность? – его глаза опять смеялись.

– Не знаю, милорд...

– А вы были когда-нибудь влюблены, эссина? У вас нет, случайно, жениха или возлюбленного, по которому вы стали бы грустить? – теперь в его глазах было только внимание.

– Нет, милорд, – уверенно ответила Тьяна.

– И никто никогда не разбивал вам сердце? Вы не были оскорблены ничьим пренебрежением?

– Нет, милорд!

– Не сердитесь, – попросил он мягко. – Ваша сестра хорошо сделала, что сбежала с женихом. Мне и с большой доплатой не нужна супруга, которая будет страдать по какому-нибудь другу детства.

– О, я понимаю вас, милорд.

– А также мне не хотелось бы видеть рядом женщину, которой я буду причинять страдания уже тем, что существую. Это мне было бы неприятно. Из двух моих «невест» одна сразу свалилась в обморок, и я больше её не видел. Другая, леди Нила, выдержала наше знакомство, но ничего не ест, бледна как сама смерть и её постоянно поят укрепляющим и выгуливают в парке. Однако мне придётся жениться на ней, если вы не примете моё предложение, эссина Рори, – его внимательный взгляд теперь спрашивал и ждал, – вы выйдете за меня замуж?

– Что вы сказали, милорд? – изумилась Тьяна. – Но ведь... герцог... ваша невеста... и моё имя...

– К демонам герцога. Сейчас решаем мы с вами. И каков же ваш ответ?

Тьяна молчала, и у неё зазвенело в ушах.

– Значит, вы были сейчас такой милой, поскольку считали, что предложение уже сделано другой и вы его не получите? – опять насмешка и грусть во взгляде.

– Да, милорд, – сказала она, перед этим глубоко вздохнув, – то есть нет! Да – это мой ответ. Я согласна выйти за вас замуж. Но почему?... – не удержалась она.

Откуда-то сверху приглушенно зарокотал барабан.

– Повторите ещё раз, эссина, прошу вас. Вы согласны стать моей женой и матерью моих детей? – он протянул ладонь... точнее, руку ладонью вверх, и Тяна не без некоторой дрожи подала ему свою, он тут же мягко её сжал.

Его ладонь была широкой, коричневой и немного жесткой от мозолей, но без шерсти и теплой, а когти он спрятал, и они казались просто ногтями, крупными и темными.

– Да, милорд. Я согласна стать вашей женой.

– За десять тысяч дреров?

– Конечно, милорд, – она решилась улыбнуться кокетливо.

– Благодарю, эссина, – он не спешил выпускать её руку. – Хотя что-то хорошее случилось сегодня, я рад. А почему? Я же только что объяснил. Лишь в ваших глазах нет отвращения. Да, и ещё. Вы понимаете, в чём заключаются супружеские обязанности женщины? А именно те, которые приводят к рождению детей? Хотя бы приблизительно? Вам что-то уже объяснили?..

– Милорд! – вот теперь она смутилась.

Нет, он не должен был говорить с ней об этом сейчас!

Ей никто ничего не объяснял. Не сочли нужным касаться этой темы раньше времени, видимо. Ну а приблизительно...

– Очень приблизительно, милорд, – сказала она. – Если это похоже на то, как...

Вот это она зря начала. Надо было как-то увернуться...

– На что?

– Как это бывает у лошадей, – через силу выговорила Тьяна, её щеки теперь пылали.

Он просто кивнул.

– Вы всё понимаете верно. Пообещайте мне и при этом не падать в обморок, а я со своей стороны ручаюсь, что не принесу вам большего вреда, чем любой мужчина на моем месте. Я буду осторожен. И вообще... вам нечего бояться.

– Конечно, милорд.

– Благодарю вас. Я очень рад, – он погладил пальцем её ладонь. – Нет, не рад, я счастлив. Это просто подарок какой-то. Вы мой подарок, эссина. Пойдемте, – он сделал приглашающий жест.

Некоторое время они шли по гальке вдоль прибоя, потом пришлось подниматься по каменным ступеням вверх, эта лестница вывела их на каменную галерею. Тут тоже был замок – стены, башня...

Карликовый замок, вросший в прибрежные скалы.

– Когда-то очень давно это и называли замком Нивер, – пояснил лорд Айд, заметив, что Тьяна удивленно осматривается, – сейчас это Нижний замок, мои владения, – он распахнул дверь.

Они миновали коридор, потом открытую галерею над морем и поднялись по лестнице вверх, в большую квадратную комнату с узкими окнами. Здесь у стены стояли низкие кресла, обитые потертым гобеленом, в любое из которых,

пожалуй, свободно поместился бы лорд Чудовище, и сундуки, окованные медными полосками, очень старые на вид, по своему изящные, хорошей работы. Большой и высокий, тоже массивный стол-секретер, возле него – широкая скамья, накрытая пятнистой шкурой.

Похоже, обыкновенные стулья здешнему хозяину не нравились.

Тьяна, которой не предложили присесть, осталась стоять посреди комнаты. Лорд Айд достал из секретера маленькую шкатулку, а из неё – кольцо с ярким зеленым камнем размером с крупную горошину.

Приблизился он мягко, неслышно, медленно.

– Вы не передумали, эссина?..

Кольцо скользнуло ей на палец и пришлось впору. Тонкий ободок, скромная оправка и великолепный камень.

– Вот. Мне не хочется рисковать, – сказал лорд Айд. – Это один из знаменитых изумрудов Айдов, их всегда носили женщины нашей семьи. Решение принято, помолвка состоялась. Вы можете и передумать до свадьбы, но скажите об этом лично мне и мне же верните кольцо. Понятно?

– Да, милорд.

– А теперь возвращайтесь в Верхний замок. Вас проводят.

– Да, благодарю, милорд. Моя прогулка затянулась, – Тьяна неловко улыбнулась, – я опоздала на ужин.

– Это пустяки, моя леди, – обращение он выделил голосом. – И да, не бойтесь моего брата. И тем более его жену. И

вообще, никого не бойтесь. И носите кольцо всюду и всегда, начиная с этого вечера.

– Хорошо, милорд, – Тьяна невольно ощутила холодок между лопатками.

Ей, как избраннице лорда Айда, будут не рады? Он об этом только что её предупредил?

В конце концов, её пригласил сам король. Пусть и не её, а сестру. Но ту бледную леди Нилу уже обнадежили... точнее, её семейство уже обнадежили.

Чудовище дернул шнурок звонка, и через минуту заглянул пожилой слуга. Увидев Тьяну, он даже дернулся от неожиданности, но поклонился.

– Милорд.

– Ривер, проводи мою леди... то есть мою невесту эсси-ну Рори до её комнат в Верхнем замке. И погоди минуту, я черкну записку для герцога.

Записку лорд Айд написал очень быстро, отодвинув ногой скамью и нагнувшись над столом. Удивительно, как легко он управлялся с пером своими неуклюжими на вид пальцами. Слуга спрятал бумагу в кожаный футляр и поклонился теперь Тьяне.

– Пожалуйста за мной, миледи.

– До свидания, Тьяна, – сказал лорд Айд. – Кстати, мне нравится это имя.

– До свидания, милорд.

Нижний замок был не замком в полном смысле слова, а

небольшой его частью, перестроенной, видно, не так давно: собственно дом, мощный, высоко вознесённый над пляжем, пара отдельно стоящих башен и кусок ещё одной стены, упирившейся в берег, на этой стене был устроен крытый переход. Тяна с Ривером поднялись ещё на этаж и оттуда по переходу вышли в парк. Слуга ключом открыл калитку. Скоро стало понятно, что они оказались на главной аллее, но много дальше того места, где Тяна свернула.

– Скажите, Ривер, во владения лорда Айда нельзя попасть свободно, из парка?

– Нельзя, миледи, – бесстрастно ответил тот.

– Я не леди. Не называйте меня так, – возразила она из непонятного упрямства, – я эссина Рори.

Слуга и бровью не повел.

– Раз милорд сказал, что вы его леди, значит, я буду так вас называть.

И немного погодя неожиданно добавил:

– Те, которые «не леди», не носят изумрудов Айдов, миледи. Ничего, вы скоро привыкнете. До свадьбы осталось два дня, – и быстро улыбнулся Тяне.

Она ответила робкой улыбкой.

Необычно, что слуга говорил такое. Но он явно отнесся к ней с симпатией, и Тяна была ему за это благодарна.

До свадьбы два дня. Завтра – официальное объявление о помолвке, потом один день будет пропущен, поскольку помолвка по закону не может длиться менее одного дня, и на

следующий день уже свадьба!

Теперь ощущение холода между лопатками не проходило долго, всё то время, пока они шли по аллее, поднимались по лестнице. Потом прошло, может быть, от вида рассерженной тети Эллы, нервно расхаживающей по холлу.

– Тин, как можно! – воскликнула тётя, и точно сказала бы что-то ещё, если бы не чужой слуга рядом.

– Прошу прощения, миледи, – Ривер поклонился, – мне приказано проводить невесту моего лорда до её покоев.

– Да, тётя, – быстро сказала Тьяна, – лорд Айд сделал мне предложение, я согласилась, – и показала кольцо.

Леди Фан вдохнула, выдохнула, и... ничего не ответила.

Ривер с невозмутимым видом проводил их до самых дверей, опять поклонился и удалился.

Глава 3. Немного холодной воды...

Леди Фан, разом обессилев, упала в кресло.

– Девочка моя. Как можно?.. Как ты этого добила?

– Случайно, тётя. То есть мы встретились случайно. И я не упрашивала его на мне жениться, если ты об этом. Он сам попросил.

– Он очень... ужасен?

– Вовсе нет. Он вообще не ужасен. Но...

– Но – что?

– Ничего, тётя. Пожалуйста, не мучай меня! – взмолилась Тьяна.

Действительно, не хотелось ни говорить об этом, ни думать. Хотя бы пока. Завтра – может быть. Она ведь и сама ещё не верила. Вот только это кольцо на пальце...

– Мы всё решили, – сказала она. – Это ведь хорошо.

– Хорошо! – леди Фан вздохнула. – Давай, помогу тебе переодеться. Кору я отправила в прачечную. Может, лучше пока снять кольцо?

– Лорд Айд просил носить с сегодняшнего вечера.

Они опоздали, ужин был в разгаре. Герцог и герцогиня сидели на хозяйских местах по обеим концам длинного стола. Чтобы просто услышать друг друга, им пришлось бы кричать. Гости, с одной стороны мужчины, с другой – женщины.

Рядом полагается сажать жениха с невестой или новобрачных, здесь, вероятно, таковых нет.

Конечно, на вошедших посмотрели, но и только. И посмотрели-то не всё. Больше всего внимания уделил герцог – он кивнул и знаком предложил занять места за столом.

– Идите сюда, леди! – герцогиня помахала им и показала на свободные стулья близко от себя.

Пришлось опять поклониться, улыбнуться, стараясь, чтобы улыбка была счастливой, а движения – безукоризненными. Сесть аккуратно. И спрятать кольцо! Не готова была Тьяна демонстрировать его прямо сейчас. Да, называйте это трусостью.

А может, осторожностью? Или любопытством? Она послушает, что будут говорить эти блестящие дамы, не зная, что именно она – невеста лорда Айда.

– Жаль, леди, что ваша дорога оказалась долгой, – сказала герцогиня, – из-за этого вы не познакомитесь с лордом Валантенем.

– Да, ваша милость, мы крайне огорчены, – с чуть наигранной грустью признала тётя, – но ведь возможность ещё представится?..

Обычная застольная беседа в высоком обществе. Не чувства, а их изображение. Искренность и непосредственность здесь скорее удивят и вызовут улыбку.

– Нет, что вы. Валантен слишком нелюдим, чтобы знакомиться с кем-то без нужды. Но уверяю, вы ничего не потеря-

ли. Скорее наоборот. Свадебные торжества куда интереснее. Вы будете довольны, леди!

– О, да, ваша милость. Мы уже предвкушаем эти удовольствия.

В положении Тяны как младшей были свои преимущества: она могла молчать, пока к ней не обратились. Говорить следовало тёте.

Герцогиня сделала знак лакею, чтобы тот подлил вина в её бокал. Тяна пригубила из своего. Вино было светлое, пахло медом и ещё чем-то очень приятным.

– Вам нравится в Нивере, эссина Рори? – герцогиня сияла улыбкой, её глаза блестели.

– Мне очень нравится, ваша милость. Очень.

– Вы не огорчены, что избежали представления лорду Айду?

– Вовсе нет.

Именно так, Тяна совсем не была огорчена. Возможно, в официальной обстановке, в присутствии других людей их знакомство было бы совсем другим. Не исключено, что просто ужасным.

– Вы очень сдержанная и разумная девушка, эссина Рори?

– Вовсе нет...

Она была очень красивая, леди Овертина Айд, герцогиня Нивер, раз увидишь – не забудешь. Высокая, стройная, грациозная, её платье из синего шёлка дивно оттеняло глаза, а тонкая диадема на золотистых волосах, уложенных в

затейливую прическу, сверкала. Герцогиня тоже была блондинкой, их тех, что должны нравиться лорду Валантену. Её лицо... она была похожа на фею из тех историй, что в Рори рассказывали у камина зимними вечерами. Изумруд в её кольце был точно такой, как у Тяны.

Бледная леди Нила сидела напротив Тяны и ничего не ела.

– Я пытаюсь утешить милую леди Нилу, – сказала герцогиня. – Знакомство с моим деверем её слегка напугало. Да, дорогая графиня? – теперь она обращалась к нарядной даме рядом с леди Нилой. – Совсем немного. С непривычки, это ничего, правда? Ваша дочь уже сама смеется над своим страхом.

– Конечно, конечно, герцогиня!

Её дочь сидела, вцепившись в край стола, и выглядела жалко. Тяне просто из сострадания к ней захотелось немедленно показать всем кольцо. Леди Нила, наверное, обрадуется и сможет поесть.

– А вы испугались бы лорда Валантена, если бы вас ему представили, как считаете, эссина Рори? – продолжала забавляться леди Овертина.

Вероятно, она выпила уже немало этого душистого вина, иначе Тяна не могла объяснить, зачем было выбирать для застольной беседы такую неудачную тему.

– О, наша Тяна тоже довольно пуглива, – весело сказала леди Фан, делая попытку помочь племяннице. – Когда-то она

долго не могла простить одного из своих кузенов, когда тот в шутку напугал её в темноте.

Тьяна деликатно улыбнулась. Да, было такое, и если «полдня не разговаривать» означает «долго не могла простить», то всё правильно.

Вдруг она встретилась с заинтересованным взглядом девушки, сидящей рядом с графиней-матушкой. До сих пор эта девушка помалкивала и смотрела только в свою тарелку. Темноволосая, белокожая, тоже сверкающая драгоценностями...

– О, так вас зовут Тьяна? Поразительно! Но уже неважно, – герцогиня рассмеялась, – моя дорогая, вам удивительно повезло. Уверяю вас, всё, кроме лорда Валантена, в Нивере достойно восхищения.

– Вы не должны так говорить, Овертина, – с учтивым упрёком заметила темноволосая. – Валантен брат герцога и друг короля, он достоин уважения.

Она обратилась к герцогине по имени – как член семьи?..

– Да, Уна? – идеально ровные брови герцогини на секунду взлетели вверх. – Но разве я говорю о нём без уважения? Если вам так показалось, то прошу меня простить. А вы, эссина Рори, тоже считаете, что наш дорогой лорд Валантен достоин уважения, поскольку он друг короля и брат моего супруга?

Непонятно, чего добивалась герцогиня, приставая к ней с такими вопросами. Возможно, просто продолжала начатую

беседу. Возможно, это было прелюдией к шутке. А Тяне вдруг стало обидно за лорда Айда. Он сказал ей недавно, что их помолвка – то хорошее, что случилось с ним сегодня. И он сделал ей предложение лишь потому, что не увидел отращения в её глазах...

Это несправедливо. И ей, как невесте, лучше сразу дать понять всем этим господам, что она на стороне будущего мужа и не желает слушать оскорбления в его адрес.

– Безусловно, ваша милость, – она прямо взглянула в лицо леди Овертины. – Как мне кажется, лорд Валантен добрый и умный человек, и достоин уважения прежде всего поэтому. К тому же в его положении несложно быть умным, но добрым быть много сложнее, чем всем прочим. За это он достоин уважения вдвойне, как я понимаю.

– О, вот как, – герцогиня поставила кубок на стол. – Браво, браво, эссина. Вы безусловно заслуживаете знакомства с моим дорогим деверем.

– Думаю, эссина не захочет рисковать, – заметила полная пожилая леди в пурпурном шёлке, сидящая поблизости, – вдруг лорд Айд передумает и обратит свой благосклонный взор на неё?

Видимо, шутку сочли остроумной, потому что волна смешков прокатилась по «дамскому» краю стола. Тётя Элла ободряюще посмотрела на Тяну и показала взглядом на её спрятанную руку. Действительно, пассаж следовало завершить. И да, попросив её носить кольцо, лорд Айд вовсе не

имел ввиду, что его нужно прятать!

– А кто же отрекомендовал вам его добрым и умным, эссина? – сладко улыбнулась герцогиня.

Все внимали, предвидя развлечение.

– Это моё впечатление, ваша милость, – сказала Тьяна. – Надеюсь, оно не изменится и в дальнейшем, – и она отважно протянула над столом руку с кольцом, взяв с блюда крылышко запеченной утки.

Ничего не произошло, никто не обратил внимания на изумруд. Тьяна ополоснула пальцы в чашке с розовой водой, переставила свой кубок с вином, потом быстро отхлебнула из него, поискала взглядом воду для питья. Как-то разом в горле пересохло, не вином же утолять жажду! И есть не хотелось, по крайней мере эту утку.

Тут Уна заметила изумруд и раскрыла глаза в немом удивлении. И графиня-матушка тоже замерла с приоткрытым ртом, глядя на руку Тьяны.

– Это действительно так, – Тьяна отважно улыбнулась леди Ниле, – мне лорд Айд показался приятным собеседником. Видимо, у вас просто не было возможности поговорить.

Если стараниями герцогини Тьяна и до того была в центре внимания, то теперь это внимание стало иным, пристальным, окрашенным целой кучей оттенков – интереса, легкого удивления, раздражения, изумления, наконец. По-прежнему не все ещё заметили кольцо, а некоторые, возможно, не поняли, что это тот самый изумруд Айдов, но почти всё почув-

ствовали, что что-то происходит. Как волна от брошенного в воду камня, разбегалась вокруг Тяны волна особенного внимания. Леди Овертину волна эта, как ни странно, достигла в числе последних, но и та, наконец, не мигая уставилась на кольцо, потом на свою руку, потом опять на руку Тяны...

Уна откинулась на спинку стула и беззвучно засмеялась, прикрыв рот ладонью.

– Миледи?... – мать леди Нилы встала, сверля герцогиню негодующим взглядом.

Леди Нила без чувств сползла со стула и оказалась бы на полу, если бы её не подхватили. Тяна от души понадеялась, что если графиня и рассержена, то её дочь, придя в себя, всё же порадуется.

Поднялся переполох, забегали слуги, графиня бросилась на колени рядом с дочерью, отвергнутой невесте терли виски и брызгали в лицо водой.

– Эссина Рори, – кто-то крепко взял Тяну за локоть и отвёл от стола, – это всё даже забавно, эссина.

Это был сам герцог.

– Мне передали сейчас записку от Валантена.

– Ах, ваша милость, ваши слуги нерасторопны, – вырвалось у неё, – простите...

Потому что записку лорда Айда должны были передать куда раньше. Ведь у неё не так уж мало времени ушло на то, чтобы сменить платье и причёску!

– Да-да-да, – смеялся герцог, – значит, вы имеете твердое

намерение выйти замуж за Валантена, и даже успели склонить его к этой идее? Просто удивительно.

– Я всего лишь согласилась на его предложение, ваша милость, – сдержанно пояснила Тьяна.

– Просто взяли и согласились?

– Конечно. Разве я не за этим приехала сюда?

– Ну-ну. Разумеется. Мы поговорим обо всем завтра, леди Фан, – сказал он тётё Элле, – у вас, э... привлекательная племянница.

Та девушка, Уна, подошла к ним.

– Брат! Но что всё это значит? Эта эссина... действительно?.. – она смотрела на Тьяну не смущаясь и с любопытством.

Это сестра герцога. И сестра лорда Айда, значит, тоже.

– Тише, все объявления будут завтра, – погрозил ей пальцем его милость. – Леди, вы уже поняли, это моя сестра леди Уна Айд. А что происходит? Вот, – он с легкой усмешкой вынул из рукава и протянул Уне записку, – до свидания, леди. Надеюсь увидеть всех вас завтра в добром здравии.

Прочитав записку, Уна со смешком протянула её Тьяне. На кусочке бумаги четким и разборчивым, безо всяких завитушек почерком было написано:

«Кай, эссина Тьяна Рори – моя невеста. Даже не думай настаивать на ком-то ещё. Позволишь её обидеть – покусая».

– Он кусает герцога? – шутливо удивилась Тьяна, опять ощутив холодок на спине.

– Никогда ещё он не кусал, насколько мне известно, – ответила Уна серьезно. – Но обещал неоднократно. А вы уже испугались, эссина?

– Нет ещё, леди Уна. Доброй вам ночи.

– Доброй ночи. Я буду рада познакомиться с вами ближе.

– И я тоже...

Записка осталась у Тяны, она сжала её в кулаке. Ей теперь очень хотелось спрятаться от всех в своих комнатах. Надолго спрятаться...

Когда они вернулись к себе, тётя Элла сказала преувеличенно бодро:

– Расскажи-ка мне про своего жениха. Как он тебе показался? – не теряя времени, она ловко расстегнула на Тяне платье, помогла снять, потом сама все развесила, – и где эта девчонка, Кора? Вот я ей задам, нашла время гулять. Помогги теперь ты мне, Тин, расстегни... Так как он?

– Как я уже сказала, он приятный собеседник. Это чистая правда, тётя, – Тяна помогла той с платьем, потом надела халат и забралась с ногами в кресло.

Окно оставили распахнутым, из него тянуло влажной вечерней свежестью. Всё было другое, чужое, новое, непохожее на родной Рори. Тяна только что ступила на дорогу, с которой не свернёшь. Только идти до конца.

– Как интересно, – леди Фан села напротив Тяны. – Приятный собеседник, говоришь. А в остальном?

– Он большой. Больше любого из мужчин. Сильный. Лов-

кий. Не как человек. Он... – Тяня проглотила комочек в горле, – он действительно весь покрыт шерстью. Но меня это не волновало, когда мы разговаривали. Я ведь думала, что не могу быть его невестой. Оказывается, его мать звали Тяной, тётя. Ту, которую проклинали. Поэтому меня и не хотели. Он сам это сказал.

Леди Фан задумчиво покивала.

– Он захотел познакомиться с тобой и побеседовать, раз уж вы встретились?

– Я сама попросила его об этом! Я! – Тяня выдохнула, – из любопытства, наверное. Или... не знаю, тётя. Но я его не боялась. Я не думала... я...

– Ты уже считала, что не получишь предложения. Поэтому спокойно отнеслась к его ужасной внешности?

– Он не ужасен, тётя. Просто...

– Просто не таким ты представляла будущего жениха. Ведь каждая девушка мечтает, чтобы её избранник был красивым мужчиной, хорошо одетым, нравился её подругам, но при этом и смотреть на них не хотел. Чтобы был богатым и щедрым. Чтобы был нежно влюблен. Да?

– Да, тётя, – согласилась Тяня.

Тут нечего было возразить. Образ будущего мужа пока не имел для эссины Рори никаких конкретных черт, кроме, разве что, высокого роста и красивого разворота плеч, модного костюма, родового меча на поясе. А как иначе?

Но это точно было не покрытое шерстью чудовище.

– Видишь ли, обычно такие мечты сбываются лишь на малую часть, – заметила тётя, – вот только на какую...

– Он сказал, что делает мне предложение, потому что не видит в моих глазах отвращения.

– Пламя Всемогущее, – вздохнула леди Фан. – Да, я понимаю его. Эту несчастную леди Нилу принуждали к браку, а он ничего не мог поделать! Он всю жизнь терпит такое отношение. По крайней мере, от женщин. В семье, я полагаю, всё иначе. Его брат, сестра...эта леди Уна милая, правда? И он друг короля, говорят. Но женщины... Его устраивает даже такая, которая всего лишь не испытывает отвращения. А ты его не испытываешь, Тин? – леди Фан остро взглянула на племянницу. – Теперь, когда ты его невеста и скоро станешь женой, он не противен тебе?

Тьяна помолчала, размышляя, потом отрицательно качнула головой.

– Ты можешь смотреть на него без желания отвернуться?

– Да. Сколько угодно.

– А дотронуться до него? – продолжала допытываться тётя.

– Да, пожалуй, – Тьяна улыбнулась, – узнать, мягкая у него шерсть или жесткая... ой, тётя. Нельзя так думать, да?

– Тебе теперь можно думать всё, что угодно, моя дорогая. А за руку ты его взяла бы?

– Он брал меня за руку. Ничего особенного. У него ладони теплые и сухие, – Тьяна невольно вспомнила одного из

кузенов, у которого постоянно были потные руки, вот это действительно неприятно.

– А поцеловать его ты могла бы?

– Поцеловать?.. – теперь Тьяна растерялась.

Смотреть, трогать, гладить, держать за руку – да сколько угодно. Но поцеловать?..

Вспомнилась нечеловечески темная кайма его губ, шерсть на лице. А будь его губы розовыми, как у неё самой, это было бы вовсе нелепо.

Нет, целовать лорда Айда – пока для неё чересчур.

– Понятно, – кивнула тётя Элла.

Она легко прочитала ответ на лице племянницы, слова тут не требовались.

– Тин, ты помнишь лорда Виннисента, который в прошлом году женился на эссине Донин? Его ты могла бы поцеловать?

– Тётя! – тряхнула головой Тьяна, поморщилась и рассмеялась.

Лорд Виннисент был толстый, средних лет одышливый мужчина, постоянно мучимый отрыжкой, которая у него выходила громкой, даже раскатистой. Он уже много лет как не мог забраться на лошадь и ездил только в экипаже. Тьяна не была близка с Элель Донин, которую выдали за него замуж, и теперь впервые подумала о том, насколько она этой Элель не завидует.

– А потрогать лорда Виннисента? Погладить волосы на его

груди, если он бы снял камзол?

– Тётя, тётя! Нет, не хочу! – Тяну даже слегка передёрнуло, и она расхохоталась.

Да, это была тётя Элла. А вот мама ни за что не посоветовала бы представлять постороннего мужчину без камзола.

– А барона Сатерри тебе бы хотелось поцеловать? Хотя бы в щёку? – не унималась леди Фан.

Барон Сатерри был молод, красив, богат и, как говорили, каждые полгода менял любовниц. О, на него все смотрели. Говорят, что в него влюблялись все девушки, хотя бы ненадолго и тайком.

– Нет, – ответила Тяна решительно, – я не хочу его ни целовать, ни трогать, ни... ничего не хочу.

– Вот как. Получается, твой жених не так и плох. Его ты только целовать не хочешь, а в остальном он для тебя приятнее некоторых благородных лордов.

– Тётя! Ты смеешься надо мной? – вскинулась Тяна.

– Что ты, моя дорогая. Хотя почему бы и не посмеяться? Что нам ещё остаётся?

Леди Фан встала, прошла по комнате, остановилась у окна спиной к Тяне. Сказала:

– Говоришь, он много больше любого из мужчин?

И Пламя знает почему, но Тяна поняла, о чём сейчас думала тётя, и покраснела.

– Он сказал... тётя, он уверил меня, что принесёт не больше вреда, чем любой другой мужчина, это его слова, – про-

бормотала она, запинаясь.

– О, вот как, – леди Фан улыбнулась, оглянувшись на неё через плечо. – За это я сама охотно его расцелую. А если он и впредь будет добрым и бережным с тобой, я готова нежно его любить... как родственница, разумеется. Милая Тин, это ведь на самом деле очень важно. Когда у мужчины всё... слишком... это может доставить женщине много неудобств. От мужчины многое зависит, от его доброты и осторожности. Не смущайся, глупенькая. Ты ведь выходишь замуж.

– Да, тётя, – у Тяны жаром горели щеки, – Ты мне объяснишь? Что нужно делать, и... вообще... – отважно попросила она.

– Полагаю, ты можешь довериться мужу, – леди Фан улыбнулась. – Но конечно, я расскажу. Всё, что захочешь, милая, – она подошла, под села к Тяне, обняла её. – Я сейчас налью тебе немного своей настойки, чтобы лучше спалось. И ложись. Завтра у нас будет не самый простой день.

Гл

ава 4. Главное – правильно договориться...

Утром леди Фан сообщила Тяне:

– Дорогая, тебя сейчас осмотрит повитуха. Её вызвали из Обители Терпения, лучшие здешние повитухи все оттуда.

– Повитуха? – Тяна и удивилась, и немного растерялась, – но зачем сейчас?..

– Ну как же. Посмотреть, всё ли с тобой в порядке, здорова ли ты. Это обычное дело, не волнуйся.

– Но, тётя, я ещё не слышала, чтобы повитухи осматривали невест перед свадьбой!

– А ты много знаешь невест, которые выходили замуж за герцогов и их родственников? Брось, Тин, это не стоит волнений, – леди Фан ласково потрепала её по плечу. – Мы знаем, что волноваться не о чем.

Скоро явилась герцогиня, её сопровождала высокая полная женщина в сером платье и белом платке. Третьей была пожилая дама, они видели её за вчерашним ужином.

Леди Фан не ожидала стольких гостей, но быстро взяла себя в руки и с безмятежной улыбкой поклонилась, Тяня, повинувшись её знаку, тоже. Пожилая леди, которую тётя назвала графиней Каридан, ласково сказала Тяне:

– Не беспокойтесь, милое дитя. О, вы сейчас так трогательно взволнованы. Этот осмотр сущая формальность, а сестра Лей отлично знает своё дело. Вы можете сейчас уединиться с ней в спальне.

Это хотя бы означало, что они не будут присутствовать на осмотре. Почему-то предстоящее заранее казалось Тяне унижительным, а при стольких зрителях и вовсе.

Её милость леди Овертина выглядела донельзя угрюмой, а взгляд, которым она одарила Тяню, мог бы сквасить молоко.

– Пойдем, дорогая, – леди Фан подтолкнула Тяню к дверям спальни.

Она снова, заменив горничную, помогла племяннице раздеться до сорочки, шепнула:

– Ложись и перестань трястись.

– Вот так, миледи, – повитуха деловито сунула под зад Тяны одну из подушек, – теперь согните ножки и раздвиньте, – она сама сильными руками развела в стороны её колени, та попробовала сопротивляться, но не тут-то было.

– Очень хорошо, миледи, – сказала повитуха неожиданно мягко, – расслабьтесь, сделайте одолжение, – она ловким движением развела её ноги сильнее, и быстро провела пальцами, раздвигая *там...*

Тьяна, вскрикнув, отпрянула, съехала с подушки. Никто и никогда ещё так её не трогал!

– Всё хорошо, миледи, – покачала головой сестра Лей, – я почти закончила. А теперь вытяните ножки, я просто взгляну. Вот здесь не больно? – она несколько раз надавила на живот девушки, помяла её бедра, – очень хорошо, миледи. Теперь перевернитесь на живот. С вашим сложением легко рожают, миледи. Вы скоро подарите своему лорду множество замечательных детишек.

Тьяна дрожала, и больше всего ей хотелось заплакать. Это действительно было унижительно. Её осматривали... как лошадь. Отец брал её с собой на конные торги. Он тоже трогал лошадей, ощупывал, измерял шнурком с узелками. Конечно, не там, где сейчас ощупывали Тяну. Вовсе не там. Ноги, холку...

Всё правильно. У лошади самое ценное именно ноги и есть, а у неё... вот именно это. Чтобы производить на свет

детей. Отец платил коннозаводчикам сотни дров – он ценит хороших лошадей и покупал их. А она стоит тысячи. Точнее, её покупают за тысячи.

За десять тысяч дров.

Тьяна часто задышала, и слезы полились по щекам, прочертив две дорожки. Повитуха покачала головой.

– Когда леди начинает рожать, от её застенчивости и следа не остаётся. Я закончила, миледи, теперь доложу её милости, что Всевышний создал вас для деторождения. Ваш лорд будет доволен, – она поклонилась, – доброго дня, миледи.

– Благодарю, сестра, – в руках тёти откуда ни возьмись оказались несколько серебряных дров, – это вашей обители.

Проводив повитуху, она вернулась, села к Тьяне, обняла её.

– Это чистая правда, Тин. Когда леди начинает рожать... Всё будет хорошо, моя дорогая...

Предстоял ещё разговор с герцогом. Подписывать документы будет тётя, мать снабдила её полномочиями. Но рассчитывала ли по-настоящему баронесса Рори, что её дочь вот так выйдет замуж? Вряд ли.

А надеялась на это?..

После полудня герцог пригласил в свой кабинет их обеих. Герцогиня тоже была тут, сидела в высоком кресле у стола и по-прежнему была недовольна. Она быстро оглядела Тьяну

в голубом, скромно сшитом платье, задержала взгляд на её изумруде и отвернулась, поморщившись.

Её чем-то не устраивала Тьяна Рори в роли супруги де-веря? Может, это она сосватала родственнику бледную леди Нилу, а теперь расстроена крушением каких-то своих планов?

– Займемся, наконец, нашими делами, – потёр руки герцог, – леди Фан, эссина Рори. Документы готовы, я же пока кое-что поясню на словах. Вы понимаете, эссина Рори, что ваша главная обязанность – произвести на свет младенца мужского пола, отцом которого будет мой брат и ваш будущий супруг Валантен Айд?

Он дождался кивка Тьяны и продолжил:

– Разумеется, если младенцев будет много, мы будем только рады, но – хотя бы один, и мужского пола. Произведя на свет наследника, вы сразу получите ещё десять тысяч на свои расходы. Разумеется, это помимо суммы, которая полагается вашим родителям... э... вашей матушке, эссина, – он кинул быстрый взгляд на леди Фан. – За рождение второго и последующих сыновей вы получите по семь тысяч, за каждую дочь – по пять. Не удивляйтесь, эссина, – усмехнулся он, глядя, как широко раскрылись глаза Тьяны, – в нашей семье это традиция. Должны же у вас быть деньги на булавки. Если детей не будет совсем, через три года последует развод без отступного. Если спустя семь лет брака у вас будут только дочери – развод и отступное в размере десяти тысяч. Всё это

изложено в договоре. Вам понятно?

Тьяна кивнула.

– Разумеется, всё то время, пока вы носите имя Айдов, ваша репутация должна быть безупречна. В том числе и после развода, особенно если будут дочери. В противном случае мы примем меры.

Тьяна опять кивнула в ответ на его вопросительный взгляд.

– Есть ещё неприятное для вас условие, эссина, – герцог посмотрел с сочувствием, – до рождения первенца вы не сможете покидать Нивер, даже ради поездки куда-нибудь недалеко, будете находиться здесь под постоянным присмотром и вести себя в меру осторожно. Всё, что пожелаете, будет доставлено сюда. Зато после рождения первенца вы проведете зиму в Гарратене и сможете окунуться во все столичные удовольствия, придворные и всякие иные, разумеется, подходящие для леди Айд. Вам понятно, эссина?

– Мой супруг... то есть, будущий супруг... мы поедем в Гарратен вместе? – вырвалось к Тьяны.

Герцогиня Овертина посмотрела на неё с неприкрытым изумлением и издала легкий смешок, на что последовал укоризненный взгляд его милости.

– Полагаю, что нет, эссина, мой брат не любитель поездок, – герцог улыбнулся Тьяне, – вы уже боитесь соскучиться? Не стоит, столица к скуке не располагает, особенно зимой. Но этот вопрос вы потом, при желании, обсудите с Ва-

лантенном.

– А чем вызвана такая предосторожность, милорд? – спросила тётя, – я имею в виду запрет покидать Нивер.

– Особенно ничем, леди Фан, уверяю вас. Но поясню. Вы, конечно, знаете, первая жена моего брата умерла, к нашему прискорбию. Потом его невеста погибла из-за нелепой случайности. Нам просто хотелось бы вовсе исключить такого рода случайности по отношению к вашей племяннице.

– Потому что, учитывая всё, четвертая невеста для лорда Валантена обойдется нам много дороже третьей, – сказала герцогиня, уколов Тяну взглядом.

Если герцогиня желала уязвить, то напрасно, Тяна осталась безучастной – она сама подумала то же самое, что озвучила её милость. Она чувствовала себя так же, как утром, при осмотре – её продавали. Но задорого. И с её же согласия, кстати говоря, так что обижаться было по меньшей мере странно. В конце концов, её положение не так уж и отличалось от положения многих и многих девушек, которым приходилось соглашаться на договорной брак. Только их женихи были не из Айдов. И не проклятые.

– Собственно, вы можете поставить свою подпись, леди Фан, – любезно предложил герцог.

Тётя Элла под села к столу и подвинула к себе лист, макнула перо в чернила, взгляд её быстро заскользил по написанному... и она медленно вернула перо на место.

– Прошу прощения, ваша милость, но моей племяннице

лучше узнать об этом сейчас. Тяня, по этому договору ты теряешь права на своего сына, его родителями официально будут считаться герцог и герцогиня Нивер.

Тяня выпрямилась. Разумеется, её же покупают! За десять тысяч! То есть, за немалые деньги. Достаточные, чтобы согласиться на многие условия. Но сразу отнимать ребенка...

– Нет, – сказала она. – Простите, но нет.

– Гм. Эссина Рори. Вы отказываетесь? – уточнил герцог мягко.

– Да... ваша милость, – её голос дрогнул, – мой жених знает об этом условии?

Этот пункт договора единственный казался ей невозможным. И самым унижительным.

– Эссина. Я вас уверяю, что мой брат Валантен меньше всего помышляет о воспитании детей, – так же мягко сказал герцог. – Вы ведь его видели, верно? Мне кажется, он собирается попадаться на глаза своим отпрыскам так же редко, как и остальным жителям и гостям Нивера.

– Прошу прощения, ваша милость, но я не могу на это согласиться, – сказала Тяня, – мои дети должны остаться моими. Я никогда не буду противиться вашему участию в их воспитании, но их матерью буду я. Не могли бы вы передать вашему брату, что я хочу с ним увидеться?

– Гм, – герцог взял в руки договор, – что скажете, леди Фан?

Та слегка пожала плечами.

– Мне нечего сказать, ваша милость.

Некоторое время его милость смотрел поочередно то на бумагу в руках, то на Тяну, потом с треском разорвал лист,

– Значит, этот документ нам не пригодится. Не хочется огорчать Валантена, – он задумчиво взглянул на жену, потом на Тяну с тётей, кивнул, – я пока не смею задерживать вас, леди.

– Замечательно, – сказала герцогиня, – тогда отдайте кольцо, и будем считать ваше появление здесь маленьким недо-
разумением.

– Нет, ваша милость, я не могу вам его отдать, – отваги у Тяны как будто прибавлялось с каждым словом, она перестала робеть перед герцогиней. – Валентен настаивал, чтобы я вернула кольцо ему лично. Прошу вас, дайте ему знать, что я прошу о встрече, – и она невольно прикусила язык, сообщив, что назвала лорда Айда просто по имени, без титула.

Совершенно случайно. Так его называл герцог, вот и у неё вырвалось. Этак по-свойски, как близкого знакомого или родственника. Что в её положении пока несколько вольно. Их милости лишь переглянулись, а леди Фан легонько подтолкнула племянницу к выходу.

Они молча вернулись в свои комнаты. Тётя искоса посматривала на Тяну, но без упрека, лишь с легким удивлением.

– Будем готовиться к балу, – сказала она немного погодя. – Я всё же думаю, что мы останемся тут на все празднества,

как думаешь, Тин?

Тьяна не думала ничего. Она сидела в кресле, обхватив себя руками, и ждала, когда за ней придут и отведут к лорду Айду, чтобы вернуть ему кольцо. И понять не могла, стоит ли ей огорчаться из-за неудавшейся помолвки. Вспоминалось прикосновение рук лорда Айда, его человеческий взгляд и лицо непонятно какого зверя. Нет, не станет она его рисовать. Хотя по памяти тоже смогла бы, пожалуй. Он ведь не хочет, чтобы его видели посторонние, вот и пусть не видят, даже на её рисунке.

Платьями к балу занимались Кора и ещё одна горничная из здешних – они развешивали, утюжили, подбирали ленты и нижние юбки.

Вскоре леди Фан, теперь одну, пригласили к герцогу. Она вернулась быстро, сообщила:

– Я подписала твой брачный договор, Тин. Там теперь сказано, что никто не сможет оспаривать твои права на детей. Ты слышишь, Тин? Наверное, твой лорд Айд очень желает на тебе жениться, как думаешь?..

Похоже, так и есть, Валантен настоял на других условиях договора. Ради неё? А ему самому безразлично, что родителями его первенца, а может, и остальных детей, станут считаться брат и его жена?..

– Ты с самого начала поссорилась с герцогиней, – сказала тётя, – это нехорошо, Тин. Постарайся с ней помириться.

– Мне кажется, что герцогиня теперь всегда будет на меня

злиться, – поёжилась Тьяна.

– Всегда – это слишком долго. Но пойми, она женщина и мечтает заполучить ребенка, хотя бы таким образом.

– То есть тебе не кажется, тётя, что это была бы с моей стороны чрезмерная щедрость? – теперь, когда дело было решено, Тьяне казалось, что иначе и быть не могло.

– Да, щедрость была бы немалая, – согласилась леди Фан, – но шансов этого добиться у Айдов тоже немало. Всё, милая, что сделано, то сделано.

Вскоре явились портнихи, присланные герцогом – три девушки под началом деятельной моложавой метрессы. Метрессу звали эссина Витола, о чём та первым делом сообщила. Эссина Витола придирчиво осмотрела бальное платье Тьяны и признала, что всё не так и плохо, но велела помощницам перешить оборки на лифе и подоле.

– Главное не сегодняшней бал, леди, – объявила портниха, – главное успеть приготовить свадебное платье, и красное платье, конечно, тоже. Мы уже давно начали работу, но придётся подогнать всё по фигуре!

Свадебное платье было местами сшитым, местами сметанным на живую нитку – сливочного цвета шёлк, широкое золотистое шёлковое кружево. После того как эссина Витола сколола его нужных местах, Тьяна поразилась, насколько роскошно и изящно оно выглядело и как ей шло. Кажется, платье целиком было совершенством, до каждой, даже кро-

хотной детали.

Эссина Витола довольно улыбалась.

– Я не люблю хвалить незаконченную работу, леди, но ваше платье обещает быть удачным. Хотя этот шёлк её милость подбирала, имея в виду другую девушку, вы понимаете, – она понизила голос, – но вам этот оттенок подходит чудесно. А вот и красное...

Одна из помощниц уже доставала из ларя платье из переливчатого красного шёлка, тоже сшитое не полностью. Тяня невольно залюбовалась этим полыхающим каскадом, а кружева, широкие, искусной работы, тоже ярко-красные – дух захватывало.

Но метресса огорченно зацокала языком:

– Нет, эссина. Цвет, конечно, хорош, но нельзя оценивать платье отдельно от женщины, которая его будет носить. Вот на это взгляните, миледи! – обратилась она к тете, набрасывая на плечи Тяне лоскут другого шёлка, – лучше, не правда ли? Да, тут редкое кружево, но ведь никто не станет сначала разглядывать детали, а лишь потом вас! Нет, увидят сразу вас, вас целиком! И вы должны потрясти гостей своим великолепием, ведь это будет ваш первый выход в качестве настоящей леди Айд! И все гости должны подумать о том, что его милость не напрасно платит эссине Витоле за её искусство, – она лукаво улыбнулась, – и что лучшим дамам Нивера следует заказывать наряды только у неё!

– Это так, Тин, – поддержала тётя, – второй шёлк больше

подходит к твоему цвету лица. Но, эссина, неужели вы сможете успеть?

Та снисходительно улыбнулась.

– Миледи, нам не впервой справляться с большой работой. Мои девочки будут шить день и ночь. Свадебное платье вам доставят завтра к вечеру, и заодно примерим красное, оно будет готово к вечеру следующего дня, а второе красное... ну, полагаю, ещё два дня у нас есть.

– Второе? – неосторожно удивилась Тьяна.

– Конечно, эссина. Не можете ведь вы появляться целый месяц в одном и том же платье? Второе мы сделаем с тройной юбкой, две из шёлка разной длины, а третья, бархатная, углом. Таких пока не было ни у кого в Нивере, только у её милости Овертины. Недавно кандрийская королева появилась в таком платье на балу в честь дня рождения старшего принца. Вам ведь известно, что её милость родная внучка Ал Великолепной?

– Неужели? – неподдельно удивилась тётя, которая неплохо разбиралась в родословных знати и искренне старалась вдолбить эти знания в головы племянниц.

– Именно так! Она дочь кандрийской принцессы. Её матушка позволила себе такие мезальянсы, там была своя история... о, простите, я вовсе не хотела пересказывать сплетни, леди. Просто она внучка королевы Ал, той самой, платья которой до сих пор вдохновляют портных творить и придумывать новое!

Тьяна только вздохнула. Что ж, это объясняло необычайную красоту герцогини. Про её бабушку, кандрийскую королеву Аллиель, уже покойную, поют баллады бродячие певцы, а няньки рассказывают сказки детишкам.

Каждому свое, вот и всё.

– И где же носит обувного мастера? – волновалась тем временем эссина Витола, – пусть при мне подбирает вам туфли, эссина Рори. Под каждое платье, непременно.

Скоро мастер явился, с целым коробом туфелек, и несколько пар самых замечательных осталось у Тьяны, ещё мастер снял мерку с её ноги. Потом всё они ушли, и портнихи, и обувщик, зато настал черед парикмахера...

Наконец Тьяна переступила порог бального зала, украшенного гирляндами из цветов. И замерла.

Все смотрели. На неё. Такого ещё не бывало, чтобы её появление встречали таким вниманием. Даже шум почти стих.

– Тин! Улыбайся! – шепнула леди Фан.

Они склонились в поклоне перед герцогом и герцогиней.

– Станьте вон там, прошу вас, леди, – негромко сказал им герцог, – поручаю вас, – он показал глазами на пожилую даму... а, ну да, на всё ту же графиню Каридан.

– Прекрасно выглядите, дитя мое, – заулыбалась Тьяне графиня, – я очень понимаю выбор нашего дорогого Валантена.

Та смущенно отступила к стене, за тетю и графиню – на

неё смотрели. Нет, скорее, её разглядывали. Кто искоса, а кто и откровенно, в упор. Вот девушка в нежно-розовом платье оглянулась, их взгляды встретились, и Тьяна даже вздрогнула, – такая откровенная неприязнь была во взгляде этой девушки.

Леди Нила. Та, которая ещё вчера считалась невестой Валантена Айда и очень страдала по этому поводу. А теперь?..

Нет, Тьяна отказывалась это понимать.

Вот красавец в синем прямо встретил её осторожный взгляд, улыбнулся... загадочно так улыбнулся, как будто хотел сообщить ей много чего интересного. Графиня Каридан, шутливо нахмурившись, погрозила ему пальцем.

– Это мой племянник, лорд Вилен Каридан, – пояснила она, – он милый мальчик, дитя моё, но не поощряйте его, он может сначала делать, а потом думать, – она мягко улыбнулась, давая понять, что, конечно, всего лишь пошутила.

Тьяна узнала этого лорда, это с ним она вчера столкнулась на крыльце, когда выходила в парк. Тогда он, кажется, её и не заметил.

– Дитя, – графиня похлопала Тьяну по руке, – поверьте, много лет назад я была почти в такой же ситуации, как вы сейчас. Нужно продержаться совсем немного. Делайте вид, что вам это всё приятно, держите лицо. Ради лорда Валантена. Пусть ему завидуют.

– Благодарю вас, миледи, – от души сказала Тьяна, – я постараюсь.

Особенно ради лорда Валантена, – добавила она про себя. Ей хотелось сделать для него что-то хорошее. Он не пришёл на бал, посвященный собственной помолвке, потому что уверен, что его внешность шокирует окружающих. Он прав, шокирует. Но... это нечестно по отношению к нему. Он добр, с ним интересно поговорить, он принял её сторону в споре с герцогом.

И как же приятно было, что хотя бы кто-то здесь, на балу, на её стороне. Вот, графиня. Утешает. Поддерживает.

– Сейчас их милости откроют бал, – сказала графиня, – вас, дитя, пригласит мой племянник, после танца он подведет вас к его милости, герцог объявит радостную новость, вас, конечно, будут поздравлять, а потом можете до полуночи веселиться. Завтра будете скучать. А свадьба уже послезавтра. Или вас это не очень радует, а, дитя? – графиня взглянула на неё с любопытством.

Тьяна постаралась не погасить улыбку на лице, но в душе ощутила холодный укол. Намек был понятен, конечно. Вот только не следовало намекать. Это никого не касается, даже добрейшей графини Каридан.

– Я надеюсь на весёлую свадьбу, миледи! – прикинулась она простушкой, – и тоже будет бал. И у меня такое красивое платье.

Вот так.

– Очень хорошо, моя дорогая, – обрадовалась графиня. А музыканты уже заиграли вступление к первому танцу.

Герцог вывел герцогиню на середину зала, и они протанцевали первые фигуры торжественного менуэта. Музыка стала чуть быстрее, начали пристраиваться другие пары.

– Эссина? – Тьяне уже кланялся лорд Вилен.

Он был замечательным танцором, Тьяна тоже любила и умела танцевать. Последнее время у них не было денег на новые платья, но вечера у соседей не требовали особых расходов, и девушек из Рори приглашали по-прежнему. Танцуя, она опять чувствовала, что её разглядывают со всех сторон, и партнер то и дело кидал на неё взгляды, так многозначительно и даже, пожалуй, пылко. После танца он подвёл её к герцогу.

– Что ж, приступим к главному, – тот протянул ей руку, – я обязан спросить, не передумали ли вы, эссина?

Она отрицательно качнула головой.

Подав вторую руку леди Овертине, он повёл их обеих к возвышению в две ступени в углу зала, они поднялись на эти ступени и повернулись к толпе. Герцог сказал:

– Благородные господа, я рад сообщить вам, что мой дорогой брат, лорд Валантен Айд, попросил руки эссины Тьяны Рори и получил её согласие. Так что теперь мы отпразднуем это замечательное событие и поздравим счастливую пару!

Тьяна присела в поклоне, после которого герцог церемонно поцеловал ей руку. Зал сдержанно зашумел, как всегда при таких объявлениях. Но последние слова герцога вызвали слишком много скептических улыбок, чтобы Тьяна могла

их не заметить.

Здесь должен быть Валантен Айд. Она должна была бы стоять сейчас рядом с женихом. Праздновать помолвку без жениха было как-то несуразно. Но что делать, оставалось лишь принять всё таким, как есть.

– Маленькая дурочка! – придвинувшись, шепнула ей леди Овертина, послав в зал сияющую улыбку, – вы хоть понимаете, что такое выйти замуж?

– Я разберусь, ваша милость, – не удержалась Тьяна, – я любознательна...

Вроде и придраться было не к чему, но на щеках герцогини выступили два ярко-розовых пятна.

– Решили мне дерзить? – шепнула она.

– Что вы, ваша милость? – распахнула глаза Тьяна, – как бы я осмелилась?

Судя по чрезмерному блеску глаз её милости, перед балом она отдала должное душистому белому и могла сказать и сделать ещё и не такое.

– Вы точно глупышка, – сказала она, – больше всего им бы хотелось, чтобы этого ребенка родила я, от Валантена, разумеется. Но я не могла себя пересилить. Я и Валантен, только представьте! А вы ради любимого семейства и на такое готовы, да?

– Я всего лишь выхожу замуж, миледи, – нашлась Тьяна и даже улыбнулась, хотя сердце её пропустило удар.

Они хотели ребенка от герцогини и лорда Айда? Кто –

они?..

Герцог? Родственники? Король? А ведь если бы это случилось, все были бы довольны, пожалуй. Есть ребенок, он Айд, а который из братьев его отец – так ли важно?..

Тьяна отодвинулась дальше от герцогини. Даже не хотелось гадать, желал ли ребенка от Овертины сам лорд Валантен. Между тем леди Овертина – яркая и очень красивая блондинка. Валантену ведь именно такие и нравились, по мнению короля, во всяком случае?..

Потом опять начался танец, снова менуэт, но уже быстрый, и Тьяну опять пригласил лорд Вилен. И он улыбался и смотрел многозначительно. Правда, её это внимание скорее раздражало, и отчего-то вспомнилось, как от лорда Вилена удирала вчера горничная. Хотя, конечно, двигался в танце лорд превосходно.

А потом он вновь её пригласил.

– Благодарю вас, милорд, но... – Тьяна улыбнулась, – я что-то устала. Вот если бы вы предложили мне лимонаду?

– С удовольствием, – лорд поискал взглядом слугу с подносом, – а потом, когда вы отдохнёте, я рассчитываю на танец?

Какой же он настойчивый. Ну, раз без объяснений не понятно...

– Милорд, – вздохнула Тьяна, – простите, но это бал в честь моей помолвки. А танцевать больше двух танцев подряд невесте уместно лишь с женихом. Возможно, у меня про-

винциальные понятия о приличиях, но других я пока не приобрела, – она замахала ресницами, изображая невинную глупышку.

Дивона так делала, когда хотела увернуться от чего-то неприятного. Тётя была бы в восторге, её поучения не пропали даром.

– Прошу прощения, эссина, – лорд Вилен опять посмотрел на Тяну взглядом долгим и проникновенным, – да, я не подумал. Раскаиваюсь. А лимонад... да куда же подевались эти бездельники! Подождите, прошу вас, – он отошёл.

А Тяна вдруг с удивлением обнаружила, что очень, прямо-таки действительно очень желает выпить лимонада... или хотя бы холодной воды. Потом стены зала крутанулись в одну сторону, в другую...

Очнулась она в маленькой комнатке, на кушетке среди подушек.

– Наконец-то! – радостно воскликнула тётя, – Тин, как ты нас напугала!

Здесь были и герцог, и графиня Каридан, и какие-то совершенно незнакомые люди. Господин в мышастого цвета костюме, наверное, лекарь, держал Тяну за руку, щупая пульс.

– Повторяю, с моей племянницей такое впервые, – сказала тётя.

– Конечно, миледи, – покладисто согласился лекарь, – у молодых эссин многое бывает впервые. Она, например,

впервые празднует помолвку? Она провела в волнении последний день? Рекомендую ей поесть и выспаться.

– Как жаль, что и с вами начинаются неприятности, – вздохнул герцог, взглянув на леди Фан.

– О Пламя Всезнающее, что это? – тётя перебирала в пальцах оборку Тяниного платья.

Широкую оборку, только сегодня обшитую шёлковым венсанским кружевом, – вот здесь что-то мелькнуло, – бормотала она, – да, вот! – она торжествующе выдернула и показала всем булавку.

Просто булавку, но с головкой из граненого хрусталя, то есть не слишком дешёвую. Портнихи не забывают такие в платьях, они просто такими не пользуются.

– И что? – не понял герцог.

– Этой булавки не могло быть в платье моей племянницы. У эссины Витолы и её девушек были другие булавки, ваша милость. Поверьте, женщины обычно подмечают такие вещи.

– Позвольте, миледи, – из-за спины герцога выступил человек в черном.

Он платком взял булавку, махнул ею, присматриваясь, и убрал в коробочку, которую сунул в карман кафтана. После чего он выразительно кивнул герцогу, подошёл к Тяне и помахал вокруг неё руками, и опять кивнул.

– Какой ужас, – покачала головой графиня Каридан, – надеюсь, хоть на этот раз что-то выяснится. Бедная леди Овер-

тина так разволновалась, когда вы упали в обморок, дитя мое. Конечно, в её доме такое происходит.

– Хм. Тогда разбирайтесь, Хойр, я надеюсь на вас, – бросил герцог раздраженно, – я очень сожалею, леди, – повернулся он к Тяне и леди Фан, – если чувствуете в себе силы, возвращайтесь на бал, буду признателен.

Он ушел, уводя за собой почти всех.

– Что ж, – развел руками лекарь, – поскольку колдун ясно дал понять, что увидел порчу, мне нечего добавить. И всё же я рекомендовал бы эссине укрепляющую настойку три раза в день. Вы уже чувствуете себя лучше, эссина?

Эссина чувствовала себя совсем хорошо и не стала пить настойку, которую лекарь, во флакончике темного стекла, вручил тете. Они вернулись в зал, и Тяна танцевала почти все танцы, два из них – с герцогом. Лорд Вилен её больше не приглашал. Леди Овертина действительно была болезненно бледной, а вскоре совсем ушла, сославшись на нездоровье.

Да, Тяна чувствовала себя хорошо... настолько хорошо, насколько это возможно, если помнить, что на тебя только что пытались навести порчу. И у Валантена Айда уже была невеста, которая не дожила до свадьбы.

После бала, сильно за полночь, сам герцог с приближёнными проводили их до дверей.

– Я поставлю здесь стражника, леди, – сказал он тёте. – Не беспокойтесь. Скоро мы разберёмся, кто виновен, мой колдун занимается этим.

Когда они остались одни, Тяня предположила:

– А может, нас просто хотели напугать, прогнать из Нивера? Но если так, вряд ли они найдут виновного, и к утру, и вообще.

– Именно, моя дорогая, – задумчиво кивнула леди Фан, – честно говоря, мне что-то захотелось домой. Пока мы ничего не должны Айдам. Что скажешь?

– Не надо, тётя. Ты же понимаешь. Я выйду замуж за лорда Айда, – сказала Тяня.

Она не слишком испугалась... не настолько, чтобы убежать, на радость неведомому врагу. И вообще, теперь ей казалось, что она на шатком подвесном мостике, и часть пути уже прошла, немалую часть. Вернуться обратно значит снова идти по шаткому мостику. И ещё, ведь этим она нанесет обиду Валантену Айду. Не хотелось его обижать.

– Ладно, пора спать, – решила тётя, – надеюсь, утро принесет хорошие вести.

Глава 5. Свидание с женихом

Утро принесло вести. Первое, что услышала Тьяна, было: – Тин, милая, не могу поверить! Они нашли. Та девочка, вчерашняя горничная, призналась. Это её подкупили, чтобы она воткнула в твоё платье заколдованную булавку.

И верно, это было неожиданно. Девушка провела здесь целый вчерашний день, вместе с Корой занимаясь платьями, потом помогала парикмахеру.

– А кто её нанял, уже узнали? – спросила она, – и зачем?

– Она утверждает, что вчера в Нивер явилась некая особа и предложила ей денег, – леди Фан задумчиво гладила корешок книги, – оказывается, у этого юного создания нет мужа, но есть ребенок.

– А что за некая особа?..

– Эсс Хойр считает, что с этой стороны больше не будет проблем, – леди Фан вздохнула. – Есть две причины вредить тебе, Тин: чтобы на твоём месте оказалась другая – это раз, и чтобы у лорда Айда вообще не было жён и, следовательно, детей – это два. Ведь герцогу необходим наследник. Значит, он будет очень беречь тебя. Герцогиня верно заметила тогда, что следующая невеста окажется дороже.

Вместе с поздним завтраком – какой ещё может быть завтрак после бала? – принесли записку от леди Уны Айд: она

приглашала Тяню поучаствовать в прогулке к морю.

Это было заманчиво. И хотелось поговорить с сестрой лорда Валантена, познакомиться ближе, – девушка понравилась Тяне.

– Тин, это может быть опасно, – тётя Элла забеспокоилась.

– Но, тётя. Я всё равно не смогу сидеть взаперти, пока не родятся и не подрастут мои дети! – запротестовала Тяна, – думаю, тут все бдительны после вчерашнего. Я буду очень осторожна!

У крыльца уже собралась небольшая толпа молодежи, стояли пустые экипажи, бегали слуги. И графиню Каридан Тяна тоже увидела, та приветливо ей помахала.

– Правильно, что вы пришли, эссина. Свежий воздух у моря так полезен. Хорошо себя чувствуете?

– Да, миледи, благодарю вас.

Графиня была здесь единственной столь пожилой дамой. Но если была она, наверное, можно было прийти и тёте, которая тоже с удовольствием прогулялась бы.

– А вы тронули сердце моего племянника, милое дитя, – с улыбкой продолжала графиня, – но не беспокойтесь, он прекрасно понимает ситуацию. Он не станет докучать вам.

– Что вы, миледи. Не думаю, что я могу нравиться лорду Вилену, – она оглянулась и тут же встретила взглядом с упомянутым лордом.

– Я знаю его много лет, дитя, – улыбалась графиня, – его считают повесой и волокитой, но у него доброе сердце. Такая

девушка, как вы, только и может понравиться ему по-настоящему. Однако он прекрасно понимает ситуацию, разумеется. Но если вдруг... жалуйтесь мне! – кажется, графиня шутила, а на самом деле она обожала своего племянника.

– Хорошо, миледи, – согласилась Тьяна.

– Эссина Рори? Вы тоже здесь? – к ним подошла герцогиня Овертина, опять чем-то недовольная, – вы уже настолько здоровы?

Это герцогиня вчера ушла с бала рано и не знала, что Тьяна протанцевала половину ночи и чувствовала себя при этом хорошо.

– Со мной всё в порядке, ваша милость, – кротко ответила она.

– Эссина, прогулка утомительная. Мой супруг не одобрит то, что вы настолько себя не бережёте.

«Если с тобой, разиня, опять что-нибудь стучится...» – казалось, говорил её взгляд.

– Овертина, это я позвала Тьяну Рори! – к ним подбежала леди Уна, – пожалуйста, не возражайте, пусть она пойдет с нами. Я хочу ближе с ней познакомиться.

– Тогда сами будете объясняться со своим братом, дорогая, – герцогиня растянула губы в улыбке и отвернулась, заговорила с какой-то высокой худой дамой.

– Благодарю, леди Уна, – сказала Тьяна, – да, мне бы не хотелось сидеть взаперти. А к морю я бы ходила хоть три раза на день.

– Я понимаю, – Уна взяла Тяну за локоть и отвела в сторону от остальных, – если бы я верила, что вам может что-то грозить, не стала бы настаивать.

– А можно позвать и мою тетю, леди Фан? – попросила Тяна, – я вижу здесь и почтенных леди...

На фоне графини тётя выглядела далеко не так почтенно.

– Э... нет, не надо, эссина Тяна, – девушка слегка смутилась, – вы поймете потом. Но лучше не стоит, чтобы с нами была ваша тётя. И вот что, зовите меня просто Уной. Вы ведь будете женой Валантена, так к чему официальность? Внутри семьи мы всегда обращались друг с другом просто. А у Овертины сегодня, похоже, мигрень...

– Благодарю за доверие, Уна. Меня зовите Тяной, а ещё дома я Тин.

– Тин? – Уна улыбнулась, – да, красиво. Тогда я готова поспорить, что все в Нивере скоро будут называть вас Тин. Видите ли, и родственники, и слуги предпочитают не вспоминать лишний раз имя моей матери... нашей с Валантенom матери. Её тоже звали Тяной.

– Да... я понимаю, – кивнула Тяна.

– Она не была виновата. Просто считается, что она привлекла в семью зло. Это против неё совершили преступление. А Валантен... да, именно он расплачивается. И это так несправедливо.

– Я согласна, Уна. И мне жаль.

– Вот что, Тин, – Уна взяла Тяну за руку, – я очень люб-

лю Валантена. И если вы тоже полюбите его, хотя бы совсем немного, вот на столько, — она показала кончик своего мизинца, — я буду вам лучшей из сестер. Но если вы станете его огорчать, бойтесь меня!

— Я поняла, Уна, — Тьяна улыбнулась, — а если он начнет огорчать меня, а вы к тому времени уже станете мне лучшей из сестер?

— Тогда я хорошо подумаю, как поступить! — сестра герцога рассмеялась.

Тем временем толпа медленно двинулась по аллее, а пустые экипажи покатали впереди и позади. Тьяна и Уна тоже пошли, так же медленно, как и все. Идти, еле передвигая ноги, и ещё делая вид, что наслаждаешься этим — как странно...

Тогда, первый раз, Тьяна довольно быстро спустилась на пляж. Это было позавчера, всего лишь. Ещё и двух суток не прошло с тех пор, как она познакомилась с Валантеном Айдом.

Дорога спускалась плавно, конные экипажи без труда могли ехать по ней как вниз, так и вверх. Потому дорога эта и была длинной, зато идти было легко.

— Вы не скучаете, леди? — с ними поравнялся лорд Вилен и протянул каждой по белой розе, шипы на цветке были заботливо срезаны.

Тот цветок, что оказался в руках у Тьяны, был пышнее. А взгляд у лорда... такой же, как вчера на балу. Заинтересо-

ванный.

Она огляделась – почти у всех девушек и дам в руках или на платье были такие же цветы, а графине Каридан, бодро шагавшей рядом с герцогиней, поднесли целый букет. Видимо, розы из герцогских оранжерей предназначались для украшения прогулки, их везли в одном из экипажей.

– Благодарю, милорд, – сказала Тьяна.

– Лорд Вилен, мы тут секретничаем, – заметила Уна, прикалывая цветок к своему платью, – если и вы желаете секретничать с Тьяной, занимайте очередь, а пока...

– Я понял, милая Уна, уже исчезаю! – он широко улыбнулся, наградил Тьяну ещё одним пылким взглядом и ускорил шаг, быстро скрывшись за спинами впереди идущих.

– Лорд Вилен кузен моего жениха. И они друзья, – сказала Уна. – Он мне нравится, он весёлый, любит шутить. Но он... как бы сказать, Тьяна... очень равнодушен к женщинам, и они к нему тоже. Он нравится всем женщинам, понимаете?

– Я понимаю, – улыбнулась Тьяна.

– Если вы с Виленом друг другу понравитесь, это как раз тот случай, который огорчит моего брата Валантена.

– Это я тоже понимаю, – сказала Тьяна серьезно.

То, что младшая сестра герцога собралась присматривать за её поведением, немного задевало... но не слишком. В конце концов, леди Уна любила брата и заботилась о нём, и это, скорее, было хорошо.

– Видите ли, Уна, – Тьяна невольно понизила голос, – во-

первых, я не верю, что хоть немного нравлюсь кузену вашего жениха. Возможно, я вызвала у него любопытство, как и у многих тут. Во-вторых, он совсем не нравится мне. В-третьих, мы с Валантеном договорились о... – она помедлила, подбирая слова, – о взаимных обязанностях. И его милость герцог напомнил мне о них при подписании брачного договора. У нас будет договорной брак, Уна. И я собираюсь честно выполнить то, что обещала. Между мной и Валантеном нет никаких других чувств. Он в меня не влюблен, и я в него тоже.

Утверждая, что ей совершенно не нравится красавчик–лорд, Тяна ничуть не лукавила. Нет, возможно, при других обстоятельствах, начни кто-нибудь оказывать ей такое внимание, она бы и растаяла. Но она слишком хорошо помнила их самую первую встречу, когда лорд Вилен лишь равнодушно скользнул по ней взглядом.

Уна насупилась и некоторое время шагала молча.

– Да, договорной брак и обязанности, и вы не влюблены, – сказала она наконец. – Но Валантен всё равно будет очень недоволен. Лучше не давайте ему повода.

– Конечно, – кивнула Тяна, – я и не собиралась.

– Но вчера, на балу, когда вы так много танцевали... И он испугался, когда вы упали в обморок.

– Что? – Тяна остановилась, резко повернулась к Уне, – он всё видел? Он был там?

Конечно, лорда Валантена не было в самом бальном зале.

Значит, там есть откуда подсматривать. И было бы странно, если бы не было.

– Он не бывает на балах. Но посмотреть иногда приходит, почему бы нет, – Уна вскинула подбородок, – тем более, это ведь была его помолвка.

– Да, конечно. Спасибо, что сказали, – пробормотала Тьяна.

Кто знает, как она чувствовала бы себя на вчерашнем балу, будь ей известно, что Валантен наблюдает. Она ведь танцевала, веселилась, совсем перестала смущаться из-за настойчивых любопытных взглядов. А он всё видел...

– Пожалуйста, – чуть насмешливо ответила будущая родственница, – вот что, Тьяна. Настала пора признаться, зачем я позвала вас. Меня попросил Валантен, он хотел бы с вами встретиться, неофициально, наедине, у себя. Мы уже близко. Только с вашего согласия, разумеется. Мне продолжать?

– Продолжайте, Уна.

– Видите вон те кусты? – она показала, – незаметно зайдите за них, когда будем проходить мимо. Потом направо, через десяток шагов увидите дорожку, она ведет к владениям Валантена. Калитка будет открыта. Должно быть, вас встретит Ривер... это слуга. Что, вы согласны?

– Да, – кивнула Тьяна, – ведь если ни разу не встретиться тайно с женихом, будет как-то неправильно.

Здесь, рядом с Уной она не ждала опасности. Нижний замок, дом Валантена Айда, был совсем рядом. Наверное,

и сам он сейчас настолько близко, что видит её... как вчера на балу. И ей тоже хотелось увидеть ещё раз Валантена. Их знакомство оказалось каким-то слишком быстрым, мимолетным, что ли, а ведь завтра уже свадьба.

– Хорошо, – обрадовалась Уна, – тогда пойдемте скорее, а то заметят, если отстанем.

Они уже оказались в самом конце процессии, мимо ехал один из задних экипажей. Поравнявшись с кустами, Тьяна просто шагнула в них, скрывшись среди ветвей. Дорожка оказалась именно там, где обещала Уна, она петляла, посыпанная мелкой галькой, и вела к калитке в заборе... к приветливо распахнутой калитке.

– Миледи, – из-за забора выступил Ривер, – добрый день. Милорд ждет.

– Добрый день, Ривер, – отозвалась она.

Вот и всё, ничего плохого не случилось.

– Идите за мной, миледи, – Ривер запер калитку на ключ, – там лестница, осторожнее.

Ещё несколько шагов, дальше – лестница, вырубленная в камне, но вовсе не крутая, с широкими и удобными ступенями. Подобрав юбку, Тьяна стала спускаться следом за Ривером. И уже ближе к концу... она не сразу поняла, что произошло. Ступени выскочили из-под ног, и она скатилась с них, упала рядом со слугой, который уже был внизу.

– Миледи?! – тот в ужасе кинулся её поднимать.

Правая туфля девушки слетела с ноги и теперь валялась

рядом, каблук треснул и почти отломился. Она сама... ну, не так и пострадала, честно говоря. Бывало и хуже, но давно, в детстве. Только вот ладонь оцарапалась о что-то острое, кровь капала на платье.

Как же было неловко! Она выхватила платочек из потайного кармашка за поясом – такой удачный изыск, сотворенный портнихой, – и принялась вытирать кровь, которая всё равно текла, пришлось зажать.

Массивное тело прыгнуло откуда-то сверху, и Тяня, конечно, сразу поняла, кто это.

– Тяня? Вы целы?!

Над ними была балюстрада галереи, на высоте третьего этажа. Имея такие размеры и вес, Валантен прыгнул легко, почти неслышно. В прошлый раз у него были глаза цвета морской воды, освещённой солнцем, теперь они казались темнее от тревоги.

– О, милорд, мне так жаль, – пробормотала она виновато, – у меня просто отломился каблук, – она покачнулась, соборила сбросить вторую туфлю, переступила босыми ногами, улыбнулась, – кажется, вам досталась растяпа в невесты, не хотите ли передумать?

– А вы хотите? – уточнил он, и его голос сразу стал холодным, а глаза потемнели ещё больше.

– Нет-нет, – быстро ответила она, – ни в коем случае. Видите, шутить у меня тоже не получается.

– Шутить? – повторил он уже мягче, – просто я никогда

не шучу о важном, моя леди.

Сегодня на Валантене была не прежняя легкая куртка на голое тело... хотя, где у него голое тело? Нет, он был одет почти в такой же костюм, как все благородные господа в Нивере: штаны из тонкой шерсти, застегнутый на все пуговицы шёлковый камзол, под ним, надо думать, ещё рубашка – кто же надевает камзол без нижней рубашки.

Наверняка ему не нравилось носить столько одежды в тёплый день. И он, однако, оставался при этом босиком – как тогда, на пляже. Так ему было проще двигаться, наверное.

Он нашел взглядом Ривера, распорядился:

– Возьми туфли леди и отнеси к Хойру, прямо сейчас.

– Нет, милорд, говорю же, это просто каблук, – запротестовала она.

– Надо убедиться, – возразил он, – закройте глаза.

– Что? Но зачем?..

– Можно, я попрошу вас и на будущее всегда закрывать глаза, если я захочу?

– Хорошо, – она закрыла глаза, но не торопилась давать обещаний насчёт будущего.

Если он понял, как сам захотел – это его дело.

Валантен подхватил её на руки и понёс, по дорожке, потом по лестнице вверх, на галерею. Держал крепко, слегка прижимая к себе, и у Тяны мелькнула непрошенная мысль, что он её, пожалуй, ни за что не уронит, она слишком легка для него, и он не споткнётся и не оступится. Не то что она.

Он слишком ловкий и сильный.

И ради чего она закрывала глаза? Можно и открыть...

Валантен как раз заносил её в комнату. Поставил на пол.

– А сейчас я вас вылечу лучше лекаря. Закройте всё же глаза.

Он говорил медленнее, чем, например, герцог, и голос у него был низкий и немного хриплый – как и тогда, при первой встрече.

– А зачем мне их закрывать, милорд?

– Закройте глаза и не открывайте, – повторил он, мягко разжимая её поцарапанную ладонь, в которой она зажала платочек, – я потом отвечу.

Кровь из ранок уже перестала идти, но саднящая боль осталась.

Она закрыла глаза. Он немного помедлил, а потом она ощутила прикосновения к ладони. Он провёл прямо по ранкам... пальцем?

Нет, прикосновения казались влажными. Языком.

Поняв это, она немного смутилась, но глаз не открыла – может, как раз из-за смущения. Его язык продолжал скользить по её ладони. Сначала при прикосновениях была боль, совсем легкая, но скоро стало лишь щекотно и даже приятно.

Да нет, не просто приятно. Очень приятно. Эта осторожная щекотка, и мурашки, которые побежали от ладони к плечу и дальше...

Она не открывала глаз. Он вдруг коснулся языком тыль-

ной стороны запястья, волнисто провел, иногда останавливая язык, потом она почувствовала быстрое прикосновение губ. И ран никаких на этом месте совершенно точно не было.

Она открыла глаза. Валантен уже просто смотрел на неё, держа за руку.

– Теперь затянется очень быстро, уже к вечеру, – сказал он. – У меня есть нечеловеческие способности, моя леди. И на мне самом раны заживают вдвое быстрее, чем на других.

– Благодарю, милорд, – улыбнулась Тьяна. – Деревенские мальчишки тоже так лечат царапины, чтобы быстрее зажило. Я думаю, в этом нет ничего нечеловеческого.

– Вы близко знаете с деревенскими мальчишками? – он смотрел с интересом и руки её не выпускал, а она не отнимала.

– В моём детстве у нас в замке часто бывали дети из деревни, милорд. И именно мальчишки, девочки, наверное, больше сидели дома. Мы играли вместе, конечно... пока я не подросла и мне не запретили.

– Понятно, – кивнул он. – Мне на минуту показалось, что вам немного понравилось моё лечение. Поэтому и позволил себе капельку лишнего. Помня о том, что мы помолвлены, а завтра уже свадьба.

– Мне понравилось, – признала она, – но ведь вы и старались, чтобы мне понравилось!

– Верно. Когда старания успешны, хочется продолжать.

– Милорд! – она отступила на шаг, выдернув руку.

Они всё это время так и стояли посреди комнаты – она босиком, в испачканном кровью и пылью платье. Чудесное свидание!

Его темные губы дрогнули в улыбке.

– Не смущайтесь, моя леди. И не бойтесь. Я тоже иногда шучу неудачно. Присядьте, пожалуйста, – он показал на кресло, – я хочу, чтобы вам было удобно. Как вы ведете себя обычно... ну, скажем, у камина в вашем замке?

Все кресла здесь тоже были низкие и широкие – для него.

– Вот так, – она забралась в кресло с ногами и прикрыла ступни юбкой.

Не совсем удачная поза для благовоспитанной эссины, которая в гостях, но если она босиком, и вообще...

Даже самые воспитанные эссины, наверное, не должны ходить по струнке, когда они на свидании. А вот как она вернется в Верхний замок без туфель и в испорченном платье?

Будет видно.

– А зачем вы пригласили меня, милорд? – задала она вопрос, который давно вертелся на языке.

– Просто увидеться. Поговорить. Сегодня единственный день нашей помолвки, каждый час стоит дня. Если бы я передал вам приглашение через брата или, скажем, вашу тетюшку... я ведь не знаком с ней, кстати, – к вам, чего доброго, приставили бы компаньонку, ради приличия.

Он сел в соседнее кресло, которое жалобно скрипнуло под его тяжестью.

– А о чём вы хотели поговорить? – настаивала Тьяна.

– Всё равно. О чём хотите. Спрашивайте меня. Наконец, сегодня для вас ещё есть возможность... – он умолк.

– Возможность – чего?

– Да отказаться от свадьбы, конечно. Каждая лишняя встреча со мной может подтолкнуть вас к этой разумной мысли. А чье-то неудовольствие пусть вас вообще не беспокоит.

– Вы пригласили меня, чтобы мы увиделись, и я ещё раз подумала о том, не отказаться ли от свадьбы? – удивилась Тьяна.

– Именно так.

– Нет, я этого не хочу. Милорд, вы предлагали мне спрашивать, а сами не желаете ответить на уже заданный вопрос. Почему мне надо закрывать глаза?

Он помедлил с ответом, она настойчиво ждала.

– Это просто, эссина. Моё присутствие и мои прикосновения могут показаться вам приятней, если вы не будете меня видеть. Тогда мне этого хотелось.

– Вот как. Понятно, – она кивнула. – А сейчас вы сели прямо передо мной, чтобы я могла вас видеть и вовремя передумать?

– Да.

– Ваши желания так переменчивы милорд, – опять решилась она пошутить, – они меняются раз в несколько минут. Мне это немного сложно.

– Это не желание, – он взглянул на неё исподлобья, а голос его зазвучал глуше, – я просто пытаюсь быть честным с вами.

– Я понимаю, не сердитесь, – она легко коснулась его плеча, отчего он слегка вздрогнул.

А ведь казалось, он и почувствовать не должен был такое касание, сквозь свою шкуру и одежду.

– Знаете что, милорд, мы с тётёй вчера говорили о вас, – сказала Тьяна, – и всё само собой свелось к тому, что вы мне нравитесь больше любого из наших соседей. Считайте это тоже шуткой, если хотите.

– Хм, – он улыбнулся, клыки неосторожно блеснули, – само собой свелось? Хотелось бы мне послушать этот разговор. И даже познакомиться с вашей тётёй, пожалуй.

– Вы не планировали с ней знакомиться?

– Нет, по правде говоря. Зачем? Разве моего брата недостаточно?

– Его милость – это не вы. Вы даже не похожи, и я имею в виду не внешность.

– Верно. Мы не похожи. Но что же вы с тётёй имели в виду, когда решили, что я вам нравлюсь? Не внешность, а что?

– Ваша внешность вовсе не ужасна, – сказала Тьяна, хоть он спрашивал сейчас несколько о другом, – в ней нет отталкивающего. Я могу представить себе множество действительно ужасного, неприятного, но в вас этого нет. Ну, если серая кожа, бородавки, слюна течет... мало ли. Вот это ужас-

но. А вы даже красивы, по-своему. Не как человек. Но вы действительно мне нравитесь, и это правда.

– Не как человек, – повторил он, искоса взглянув на девушку, – да, и даже странно, что вы смотрите на меня и не пытаетесь отвернуться. Кстати, у этой медали есть другая сторона. Такое создание, как я, просто не может нравиться женщине, которая в здравом уме. Что можно думать о женщине, которой кажусь привлекательным я, а не мой брат или, тем более, лорд Вилен? У неё дурной вкус? Может быть, лучше бы мне вам не нравиться?

Странное выражение было при этом в его глазах. Он смеялся над ней?

– Вы это серьезно, милорд? – она даже слегка растерялась. – Вы рассуждаете как глупец, милорд.

Что у него в голове?..

– Простите, – добавила она поспешно.

Она пыталась объяснить, что он вовсе не урод, а он в ответ утверждает, что у неё испорченный вкус.

– Простите вы меня, Тьяна, – да, он смеялся.

– Разумеется, глупец, – это вдруг откинулась портьера, и в дверном проеме возник его милость герцог. – Вот станете его женой, эссина, чаще говорите ему такие разумные вещи. Прекрати смущать эссину, братец. И не провоцируй её, я всё равно не позволю разорвать помолвку, раз уж такое дело. Чего ты добиваешься?

Тьяна подобралась в кресле, прижалась к спинке. Герцог.

Вот ещё не хватало.

Валантен её – провоцирует? Специально?

«Я просто пытаюсь быть честным с вами».

– Обещай только возможные вещи, – отрезал Валантен, – Не обращайтесь на нас внимания, Тьяна.

– А ты теряешь нюх. Я пришёл без амулета, и хоть бы что.

– С тобой колдун. Ты полог набрасывал, Хойр?

– Конечно, милорд, – в комнату тихонько вдвинулся вчерашний колдун, – но вы иногда слышали меня и через полог.

– Вы что-то выяснили, раз пришли?

– Опять воздействие. Пыльца на туфлях эссины Рори. Эссина, ну что за неосторожность! Я ведь предупредил вас. И вам бы не следовало пока соглашаться на сомнительные свидания с моим братцем. Наслаждались бы его отсутствием до завтрашнего дня. Вам что, действительно весело вместе?

– Милорд... – Тьяна плотнее прижалась к спинке кресла и только переводила взгляд с одного действующего лица на другое.

– Прекрати, ваша милость, – бросил Валантен.

– Как и вчера, воздействие несильное, только чтобы напугать, – сказал колдун. – Хотя, конечно, все эти обмороки и падения с лестницы могут и плохо закончиться.

– Так живее соображайте, – проворчал герцог. – Эссина Рори, вы должны переодеться. Там горничная и одежда. Всё, что на вас, Хойр заберет.

Валантен шагнул к Тьяне и опять легко поднял её на руки.

– Тише, – попросил он, – не идти же вам босиком.

Он принес её в комнату с кроватью, опять поставил посередине на ковер, добавил:

– Не убегайте потом. Я вам ещё не все сказал.

Не слишком-то легко отсюда убежать...

Незнакомая горничная уже разворачивала платье и бельё, все вещи были из сундука Тьяны, и её же туфли стояли рядом, на скамеечке. Горничная молча помогла эссине переодеться, всё снятое она укладывала в корзину, а закончив, сразу ушла, унеся корзину. Тьяна огляделась. Комната была чисто прибранной и явно нежилой, лорд Айд спал где-то в другом месте. Естественно, вряд ли он привел бы её в свою спальню. А где он спит, интересно? На кровати? Или предпочитает что-то другое? У него, наверное, просто огромная кровать. Он выше герцога и явно втрое его массивней.

«Я просто пытаюсь быть честным с вами».

Быть честным – значит отталкивать в последний момент, надеясь, что всё же оттолкнуть не удастся? Не может же он хотеть от неё избавиться. С какой стати? Честными они и были с самого начала: поговорили, договорились, были откровенны. Разве этого недостаточно?

Скоро пришёл Валантен.

– Я хотел бы извиниться за это всё, эссина. Кажется, иметь со мной дело для вас означает неприятности.

– Но ведь вы и ваш брат очень стараетесь меня от них оградить?

Он кивнул. Сказал серьезно:

– А хотите, я просто подарю вам десять тысяч дреров? Или пятнадцать? Я независим от брата, у меня есть деньги. Вы сможете уехать домой.

А это уже было оскорблением. Он не понимает?..

– Нет, милорд! – Тьяна побледнела, – но я могу уехать без денег, если вы этого так желаете.

Отвернувшись, он сказал тихо:

– Нет, Тьяна, без денег вы не уедете. Вечером я пришлю к вам Ривера. Сообщите ваше решение в записке. Но пока вы моя невеста, и я хотел бы угостить вас кофе со сливками, согласны?

Похоже, он искренне считал, что может просто подарить ей деньги. Живя отшельником, не вращаясь в обществе, он просто не желает обращать внимание на условности?

– Кофе со сливками? – Тьяна вздохнула с облегчением, – это совсем другое дело, милорд. А то – десять тысяч, пятнадцать тысяч. Как будто вы действительно мечтаете от меня избавиться.

Он только фыркнул в ответ.

В той, первой комнате уже накрыли кофейный столик. Высокий кофейник, тонкие чашки, кувшинчик со сливками, вазочка с янтарно-желтым медом, сахарница с колотым сахаром, блюдо со свежими булочками.

– Налейте сами по вкусу? – предложил Валантен.

– Да, милорд, благодарю. А как вы узнали, что я люблю

с медом?

– Очень просто, я ещё вчера послал расспросить вашу горничную.

Он сел напротив Тьяны, и, прищурившись, наблюдал, как она смешивает себе напиток: ложечка меда, потом кофе из кофейника и подогретые сливки. Себе он просто налил кофе в чашку и не добавил туда ничего. Тонкая чашка в его большой руке казалась какой-то излишне хрупкой и ненадежной. Вряд ли он всегда пьет из таких чашек.

– Вы сказали, что я вам нравлюсь, но не как человек, – сказал он вдруг.

Вот, опять. Тьяна отставила недопитый кофе.

– Да, я это сказала. Вы мне нравитесь, как вы, милорд. Я в вас не влюблена. Вы не влюблены в меня. Вам в браке не нужно ничего такого, о чём поют в балладах, я тоже не стану об этом скучать. Мне приятно находиться с вами рядом, и я тоже, надеюсь, вам не противна. Мне нравятся красивые вещи. Я не совершенство, не красавица, и вкус у меня, может быть, тоже не слишком хорош, но разве такие недостатки сложно простить? – последние слова были чистым лукавством, и она не сдержала улыбки, он тут же улыбнулся в ответ.

– Мы ведь можем стать друзьями, милорд, хотя бы немного, – закончила она, – разве это плохо?

– Хорошо, Тьяна, – согласился он, – действительно, это было бы неплохое начало.

Он подал ей руку, помогая встать с низкого кресла, попросил:

– Закройте глаза. И не спрашивайте, зачем.

Она закрыла глаза.

Валантен нагнулся и легко коснулся губами её щеки.

Совсем легко.

– До свидания, Тьяна, – сказал он, – я рад, что вы решили встретиться со мной сегодня. Сейчас Ривер вас проводит.

– До завтра, милорд, – ответила она, открывая глаза.

Валантен уже ушёл...

Примерки, примерки, платья, платья... и так до вечера.

Свадебное, полностью готовое. Немного поправить подол, а так да, готово, хвала Пламени. Первое красное платье тоже почти готово, тот самый оттенок красного, и кружева, кружева! Второе красное платье. Ах, тут нужен более темный красный бархат для верхней юбки, но не страшно, время есть. Вот такой цвет, или лучше такой, что скажете, леди Фан?..

Сорочки, чулки, туфли...

В Гарратене вошли в моду красные чулки к платью новобрачной, но многие все равно предпочитают близкий к телесному. Но если красные – то темнее платья...

Ужин в столовой. Леди Овертина опять была не в духе и без конца тонко язвила, – настолько тонко, что понятно было не всем. Уна весело с ней препиралась. Графиня Каридан то и дело пыталась сказать леди Фан или Тьяне что-то ободря-

ющее. Семейство леди Нилы и она сама за столом не появились – видимо, уехали, решив, что им больше нечего делать в Нивере. Тяну мало волновало происходящее, она почти не слышала разговоров за столом.

Неужели Ривер действительно явится к ней за последним ответом?

После ужина – ванна с травами, кремы для рук и ног, душистое масло для волос, которое потом не желало смываться...

Когда Ривер явился, она вышла к нему в полотняных перчатках, надетых поверх жирного крема. Писать что-либо было проблематично, да и зачем?

– Скажите лорду Айду, что моё решение осталось прежним, – сказала она, – и передайте, что я желаю ему доброй ночи.

Потом леди Фан принесла Тяне свою чудесную настойку, разведенную в чашке, велела выпить и присела на край кровати рядом. Да, конечно, днем им так и не удалось поговорить.

– Что происходит, моя дорогая? – она смотрела строго, – бегать на свидания к лорду Айду, тайком от всех? Какое безрассудство. Ты должна была постоянно оставаться с леди Уной, на глазах у герцогини, у леди Каридан, у всех! Ты должна быть очень, очень осторожной, девочка моя, – её голос дрогнул.

Тяна невольно погладила ладонь – ранки, действительно,

уже затянулись. Так быстро.

– Я и буду осторожна, – со вздохом пообещала она.

– Зачем приходил слуга, что он хотел?

– Я должна была последний раз согласиться выйти замуж.

Или отказаться. Он затем и позвал меня... он так сказал. Чтобы я могла ещё раз посмотреть на него, подумать и отказаться.

Тётя всплеснула руками. Тьяна широко улыбнулась.

– Он даже предлагал мне деньги. Десять тысяч, а потом все пятнадцать, если я уеду.

– Тин?! – тётя вскочила, прошлась по комнате, – я не понимаю. Он хотел, чтобы ты уехала? С деньгами? Но в чём дело?

– Он не хотел, – Тьяна села в кровати, обхватив руками колени, – он точно не хотел. Если бы хотел, делал бы всё иначе. Но он сказал, что я могу уехать. И получу деньги.

– Ага, – леди Фан опять присела на кровать, – понятно. И ты не согласилась. Почему же?

– Тётя, это было бы нечестно, вот поэтому, – Тьяне захотелось спрятаться под простыню.

Тётя вдруг улыбнулась, сказала мягко:

– Нечестно, да. А потрогать себя он тебе не позволил? Чтобы ты выяснила, мягкая у него шерсть или жесткая? Тебе же хотелось, кажется?

Помедлив, Тьяна ответила:

– Достаточно жесткая. Он нёс меня на руках, тогда я и

дотронулась. Я ведь осталась без туфель, – и лукавая улыбка получилась у неё сама собой.

– О, даже так, – пробормотала леди Фан, – вот и цена вашему милому договору. Но, может, оно и неплохо.

– Тётя?.. Что ты имеешь в виду?

Леди Фан только усмехнулась. И не стала отвечать.

Глава 6. Свадьба

Каждая невеста мечтает о самом лучшем свадебном платье, и чтобы красное платье тоже было не хуже. Ещё о том, чтобы её свадьба была пышной и красивой. Чтобы собрались люди, и поздравляли, и радовались. Своя свадьба представляется чем-то особенным, хотя реальность чаще оказывается много скромнее того, что рисовало когда-то воображение...

Тьяна, собираясь в Нивер, ни о чём уже не мечтала. Её мечты остались там, в детстве, которое вдруг закончилось. Однако именно её свадьба обещала быть особенной. Не как у всех, это уж точно.

Самые лучшие платья – это обязательно. Пышность и красота – само собой разумеется. Людей в замке – не протолкнуться. Говорили, что для некоторых любителей свежего воздуха даже раскинули шатры на лужайке в парке. Разве не лучше для Тьяны Рори и Валантена Айда было бы обвенчаться в Храме вообще без гостей? Тем более жених и в этот день каким-то образом собирался не показываться на люди. А потом ещё разнёсся слух, что с часу на час ждут самого короля.

Церемонию назначили на полдень, но с утра Тьяна не выходила из своих комнат. Завтрак им принесли, но леди Фан, поддавшись приступу подозрительности, решительно заявила:

– Дорогая, у тебя наверняка нет аппетита. И потом, невесте вредно переедать, – и отправила всё обратно с объяснением, что невеста не желает завтракать.

Тьяна не возражала, ей действительно не хотелось есть. А идеально было бы выпить кофе с Валантенем, вот как вчера.

– Но голодать мы не станем, ещё не хватало, – решила тётя, и Кора была отправлена на кухню с заданием добыть еды, обязательно такой, что готовили для всех, и получила горстку серебра на всякий случай.

Скоро горничная примчалась с подносом, на котором стоял кувшин, полный горячего имбирного молочника, и горкой лежали свежие лепешки.

– На кухне только и говорят о том, не упадет ли эссина Тьяна в обморок на свадьбе! – радостно доложила она, – там даже пари заключают. На меня сразу набросились с расспросами, как эссина себя чувствует. Я возьми и соври, что лежит эссина, бледная, волнуется, дрожит вся.

– Ну, так-то не следовало, – хмыкнула леди Фан, – теперь придут справляться о здоровье.

– А сколько благородных господ слоняется здесь поблизости! – добавила Кора, – словно всем нечего делать.

– Тогда мы точно выходить не станем.

Скоро явился и эсс Хойр, герцогский колдун – герцог обеспокоился здоровьем невесты и причиной отсутствия у неё аппетита.

– У неё обычный аппетит, – заверила его леди Фан, – но

она точно будет здоровее, если немного поостережется до свадьбы. А то мне неспокойно.

– Мы принимаем меры, леди! – возразил колдун обиженно, – вы будете в безопасности, если, конечно, не станете вести себя совсем уж безрассудно. Эта ваша вчерашняя встреча с лордом Айдом...

– Мне показалось, Нижний замок совсем закрыт от посторонних, – заметила Тяна, – наверное, когда я стану жить там, всё будет проще?

– Нижний замок? – удивился Хойр, – но вам, насколько мне известно, приготовили покои здесь, в Верхнем. И прежняя супруга лорда Айда тоже жила в Верхнем. Лорд Айд будет вас навещать. А в Нижнем живет он сам, и больше никто.

– Вот как? – Тяна удивилась, – хорошо, буду знать. Просто я не привыкла к тому, что супруги живут в разных замках, но если здесь так принято...

А в душе острой иголкой кольнуло разочарование. С Валантенем до сих пор ей было проще. Лучше. А так придётся регулярно наслаждаться обществом их милостей, а Валантен станет иногда её навещать. Когда захочет. Очаровательная будет семейная жизнь.

Герцог, может, и неплох. Но вот леди Овертина!

Семейная жизнь с Валантенем. Как это будет, вообще?..

Пить с ним кофе и болтать о пустяках – это ведь далеко не всё. Но пока что разум Тяны категорически отказывался воображать себе иные подробности.

– Не то чтобы так принято, эссина, – колдун удивленно взглянул на неё, – но повелось, что лорд Айд живет один и никто его не беспокоит. Кстати, ваши комнаты смотрят окнами на море. Выглянув в окно, вы увидите главную башню Нижнего. Так захотел лорд Айд, хотя герцогиня настаивала на других комнатах. Видите ли, вам предстоит вынашивать детей, а комнаты окнами на море зимой холоднее, потому что зимой постоянно дуют ветры. Но герцогиня уже распорядилась укрепить рамы и заказала стеганные портьеры. И потом, вы всегда сможете переселиться.

– Полагаю, не стоит пока волновать мою племянницу такими подробностями, – заметила леди Фан.

– Да-да, миледи, прошу простить. А пока я быстрее доложу герцогу, что вы здоровы.

– Стеганные портьеры! – рассмеялась Тьяна, проводив взглядом убежавшего колдуна.

А стоит только представить его спящим на коврике...

– Это я тоже одобряю, – заявила тётя, – стеганные портьеры очень полезная вещь в плохую погоду.

Тьяна совершенно точно не говорила Валантену о желании иметь окна, выходящие на море. Он догадался об этом сам.

Пока только свадебное платье не вызывало сомнений, всё остальное было совсем не понятно. Кто заменит покойного отца Тьяны на этой церемонии? При других обстоятельствах

это был бы кто-то из братьев или кузенов мамы. И кто вместо жениха возьмет её за руку и поведет к Храму, если Валантен не станет показываться гостям? Его тоже заменят...

И благословение шута, которому принято придавать значение. По словам шута, сказанным на подходе к Храму, многие пытались угадать дальнейшую судьбу. А Тяна, значит, будет слушать эту волнительную бессмыслицу, стоя рядом с посторонним человеком. Потом они войдут в Храм... и там уже Валантен должен появиться, иначе никак.

Колдун вскоре вернулся и доверительно сообщил:

– На вас заключают самые глупые пари, эссина! Но дальше обмороков речи вроде нет. Конечно, это неприятно. Вы хорошо себя чувствуете, не волнуетесь? Мы с вами должны постараться...

– Мы стараемся, – сердито заверила его тётя, – главное, вы, эсс, тоже постарайтесь.

– Не сомневайтесь, миледи, даже не сомневайтесь!

Эсс Хойр явно был не намерен оставлять их до самого выхода Тяны. Зато он обошёл все комнаты, осмотрел и чуть ли не обнюхал углы и окна. И не приходилось сомневаться, что не только платье, но и каждая булавка и пуговка, любая мелочь из свадебного убора были проверены.

Когда леди Фан на минутку вышла, Тяна спросила колдуна, что удалось выяснить про вчерашнее.

– Злодей, скорее всего, тот же, – нахмурился колдун, – но нам попадаются, конечно, лишь нанятые им бедолаги, ко-

которые ничего не знают. Насчет вчерашнего мы подозреваем слугу, который срезал цветы в оранжерее. А ту девушку—горничную передали дознавателям в Ниверсолле. Я буду защищать вас, эссина, но проводить дознание не мой конёк.

— Но они не очень пострадают? — уточнила Тьяна, вспомнив слова тети про ребенка горничной, — их могли заставить шантажом.

— Эссина, вам сейчас не стоит переживать об этом.

Так или иначе, утро перед свадьбой не бывает спокойным, даже если всё давно готово. Порвался чулок, а запасная пара оказалась, вот же незадача, мала Тьяне. И вообще, лучше бы чулки были светлее.

Новые чулки, много чулок...

Парикмахер, смазывающий ей волосы каким-то особым настоем — для блеска и послушности. Перед этим колдун, конечно, проверил настой. Горничных больше десятка, и колдун над ними, как коршун...

Сорочка и юбки. Сложная прическа.

Туфли так ладно сидят на ноге, о счастье, и вообще, это чудесные туфли. Какое бы ни было платье, тесные туфли способны испортить вообще все.

— Вы так бледны, эссина.

— Тин, у тебя кружится голова?

— Всё хорошо...

Хотелось крикнуть на весь Нивер, что у неё все хорошо, но пусть уже эта свадьба начинается скорее!

Флаг на башне подняли, в знак того, что время подошло. Их выход вот-вот.

Тёте Элле очень шло её сиреневое платье. Она замерла у двери в ожидании. И где-то далеко забил барабан. Тьяна поднялась с табурета, на котором сидела, как кукла, опасаясь помять платье...

То ли она делает? Это ведь навсегда!

Это нужно маме, сестричкам, больному брату. А ведь она и не вспоминала о них последние дни, заинтересованная Валантеном Айдом, довольная дружбой с ним. Как будто это была игра. Отчего-то сомнения таяли сразу, не успев появиться. Но ведь то, что она сделает сейчас – это уже не дружба. Нечто совсем другое.

Ей стало страшно.

– Тин, – вздохнула леди Фан, – я перед своей свадьбой проплакала всю ночь. Это правда. Неизвестность всегда страшит. И неотвратимость.

– Что ты, тётя, – она приподняла подбородок, – всё хорошо.

Почти сразу в дверь постучали.

Под руку с посаженным отцом, высоким дородным человеком в сером серебристом костюме, Тьяна спустилась вниз. За ними шли леди Фан, колдун, ещё кто-то. Она не запомнила лиц.

Двери, распахнутые настежь...

Он ждал у самых дверей, человек, заменяющий жениха,

его доверенный. Посаженный отец пробормотал скороговоркой, что отдает, дескать, и сурово спросит, если суженый что-то там не оправдает, и вложил руку Тяны в чужую руку. Рука эта была узкой, сильной, с длинными пальцами и коротко стриженными, красивой формы ногтями. Узкое кружево на манжете. Кольцо с крупным рубином и золотой короной на оправе. Ошеломленная, Тяна подняла взгляд. Её держал за руку не кто-нибудь, а король Клайдергар. Короля она знала в лицо, во всяком случае, видела издали несколько раз.

– Ваше величество, – прошептала она.

Тот слегка усмехнулся, сказал:

– Должен сказать, я немного удивлён выбором Айда, но мне он нравится. Что же, пойдемте, нас ждут!

Король не просто приехал на свадьбу, он решил участвовать в церемонии, став доверенным жениха – это ведь совсем не то, если бы он был лишь почетным гостем. И он улыбался Тяне, разглядывая её с любопытством. С чего она взяла, что король непременно будет недоволен? Оттого, что она здесь самовольно, ведь он выбрал Дивону? Похоже, Клайдергара это не волновало.

Если бы здесь был Валантен, он сам повел бы Тяну в Храм, а поручитель шёл бы следом, оберегая. Традиция. Но раз не было жениха, поручитель должен вести невесту к алтарю. И этот поручитель – король...

Высокая лестница, много ступеней вниз, лица вокруг сли-

вались. Благословение тети, герцога, ещё кого-то. Много людей. Тяня никого не узнавала и никогда бы не вспомнила после. Потом – мощёная камнем дорожка по парку, длинная. Храм здесь стоял на самом обрыве, и свежий ветер с моря тут же прошёлся по невесте, подхватил её юбки, сделал настойчивую попытку растрепать тщательно уложенные волосы.

Шут ждал на подходе к Храму, прислонившись к дереву, перекинув ногу на ногу – так короля мог поджидать только шут. Однако он выпрямился, даже изобразил галантный поклон, и тут же выхватил откуда-то из-за спины и вручил Тяне белую розу. Потом он повернулся к королю, извлек из кармана старинный, потертый золотой дреннен и тоже вручил, снова принялся яростно шарить по карманам, словно в надежде отыскать завалившуюся мелочь.

– Одолжить чего, братец? – смеясь, спросил король.

Шут замотал головой, рванул карман так, что тот порвался, и извлек... что-то маленькое и невзрачное, и протянул Тяне.

Круглое увеличительное стекло для дамского рукоделия, тусклое и поцарапанное, в потемневшей серебряной оправе. С его помощью, например, можно было вдеть нитку в иглу, предварительно воткнув её в подушечку. Похожим стеклом пользовались мама и Дивона, Тяне в этом не было нужды – она и так хорошо видела.

Вручив дары, шут опять повернулся к королю и громко закричал петухом. Тот рассмеялся и забрал стекло, сказал:

– Потом верну эту драгоценность. Пока вам с ним неудобно, верно? – и сунул шутовской дар в карман, где уже лежала монета.

Именно так, Тяне, одну руку которой не выпускал король, неловко было держать в другой руке и розу, и стекло. А до дверей Храма оставался какой-то десяток шагов. Семь низких ступеней, темнота и прохлада дверного проёма.

– Эй, ты тут? Держи, это тебе, – сказал король, и её рука утонула в большой темной ладони Валантена, который вдруг откуда-то взялся рядом, а король отступил назад, туда, где были свет, звуки, ветер.

А в храме оказалось тихо и почти темно, и рука Валантена чуть сильнее сжала руку Тяны. Из-за темного костюма его было почти не видно на фоне темных стен.

– Моя леди. Возможность сбежать вы упустили вчера. Как же тихо...

– Мой лорд, – вздохнула Тяна. – Я устала уверять вас, что не хочу убегать. Признайтесь, это вы так сильно не хотите на мне жениться? – и исподлобья взглянула на Валантена.

Что с того, что ей недавно чуть не захотелось сбежать. Ведь не захотелось же...

А он рассмеялся.

– Моя дорогая, да мне просто видеть вас уже удовольствие. Я очень хочу на вас жениться. Хотя бы... – он не закончил.

– Хотя бы – что?

– Пойдемте.

Ещё несколько шагов внутрь... каблучки Тяны стучали тут непривычно громко, и платье шуршало. Там, в глубине Храма, было светлее: на алтаре горел огонь, горел высоко, рассыпая искры. Окна здесь тоже были, высокие и узкие, забранные цветными витражами, они пропускали мало света. Браслеты лежали на столике у алтаря, чтобы их надели, выходя.

– Твердое ли намерение привело вас сюда, дети мои? – священник стоял чуть в стороне.

– Да, – откликнулись они почти хором.

– А открыто ли сердце каждого из вас, Валантен и Тяна? Готовы ли вы терять, не жалея, ценить дорогое и отдавать дешёвое, и идти, не оглядываясь, чтобы найти вам суждённое? – он подошёл, встал между ними и алтарём.

Вот так, лорда и эссины здесь нет, есть лишь Валантен и Тяна. Мужчина и женщина, пришедшие в Храм.

– Да... да, – ответили они, теперь по очереди, Валантен так и держал Тяну за руку.

Он отпустит её лишь после венчания.

Священнику подали венцы, он надел меньший на Тяну, больший на Валантена, для чего тому пришлось нагнуться – священник был невелик ростом. Золотой обруч удобно и плотно лег на голову – видно, причесывали Тяну со знанием дела.

Священник заговорил, медленно, певуче и непонятно, на

древнем языке. Иногда в его речь вплетались и фразы на языке обычном, но Тяня вдруг поймала себя на мысли, что тоже их не понимает, просто слышит голос, и рука Валантена для неё – самое важное, что может быть на свете.

Самое важное сейчас, и... неужели только сейчас?

– Согласен ли ты, Валантен, быть мужем Тяны, отныне и навсегда? Любить, почитать, заботиться?

– Согласен.

– Согласна ли ты, Тяня, быть женой Валантена, отныне и навсегда? Любить, почитать, заботиться?

– Согласна.

А подписанный договор такая глупость, потому как что значит «семь лет до развода»? Что вообще значит «семь лет», если есть только «отныне», и, может быть, будет «навсегда»?

Священник подал руку Валантену и повел их вокруг алтаря, медленно повёл, и этот короткий путь показался отчего-то долгим и необычайно важным, и огонь на алтаре немного поднимался с каждым шагом, становился выше, а под конец поднялся ещё выше и осыпался искрами.

– Очень хорошо, дети мои, – священник отчего-то был доволен, – да не потеряет вас взгляд Всевышнего, и Пламя Вседержащее для вас не погаснет никогда.

А Тяне стало так хорошо и захотелось смеяться, а когда Валантен отпустил её руку, первым порывом было найти её опять.

Отныне и навсегда.

С ней что-то случилось. Мutilся разум? Чуть-чуть. И было хорошо.

А священник уже отошёл, его не было рядом. Обряд закончился, и они могли уйти. Вот ещё браслеты...

Валантен тоже улыбался, не пряча клыков, и ничего страшного и неприятного в этом не было. Он взял браслет и надел ей на руку, слышно было, как щелкнул замочек. Она тоже взяла браслет и надела ему, замочек оказался такой тугой, что она с трудом его застегнула. И вдруг – да, в этом было больше веселья и её любопытства, чем ещё чего-то, – она провела рукой по тыльной стороне его кисти, пропуская густую короткую шерсть между пальцами.

Всё остальное, кроме головы, закрывал костюм.

– Что ты делаешь? – его рука дрогнула, и голос тоже.

– Хочу дотронуться до моего мужа. Нельзя? – она шаловливо улыбнулась.

– Можно. Сегодня ночью... пока тебе не надоест.

– Прости, – она смутилась, внезапно вспомнив, как себя не ведут благовоспитанные эссины.

Хотя, она больше не эссина. Она леди. Леди Айд. Тьяна, леди Айд – вот как теперь следует её называть. Её муж – лорд Валантен Айд.

– Да сколько угодно, – тихо сказал Валантен, – отныне и навсегда, моя леди, – он поймал её руку, поднес к губам и поцеловал запястье, рядом с браслетом.

Значит, эти слова звучали сейчас и в его душе?

А тем временем двери Храма, до сих пор закрытые, кто-то распахнул настежь. Они немного не дошли до этих дверей, когда Валантен остановился.

– До вечера, моя леди.

То есть все свадебные торжества они проведут порознь. Ну, разумеется...

– До вечера, милорд.

Король ждал её на ступенях. Улыбнулся, протянул руку:

– Леди Айд.

– Ваше величество.

Они медленно пошли по дорожке к Верхнему замку. Вокруг Храма уже было не так безлюдно, как перед венчанием, но их если и разглядывали, то украдкой, и дорожка всё ещё оставалась свободной.

– Поздравляю вас, леди Айд. Мне уже шепнули, что обряд прошёл неожиданно благоприятно.

– Я не могу судить об этом, мне не с чем сравнивать. Но почему неожиданно, ваше величество?

– В вашем случае – неожиданно, согласитесь.

Тьяна лишь кивнула, решив больше не задавать вопросов. К тому же обряды как-то и не принято обсуждать.

– Я никому об этом не скажу, разумеется, – добавил король, – подробности брачного обряда касаются лишь вас и Валантена.

– Благодарю вас, ваше величество.

Как много может значить одно присутствие короля. Оно делало иным это торжество, и настроение гостей тоже. На Тяну теперь почти не смотрели со снисходительным любопытством. Король ясно показал свое отношение к происходящему, к браку Валантена Айда и к новой леди Айд. А Тяне было странно, что можно вот так идти под руку с королем и непринужденно беседовать... почти непринужденно.

– Что ж, леди Айд, раз я до вечера буду притворяться вашим супругом, попросите у меня что-нибудь, – великодушно предложил король, – у вас есть желание, которое не нанесет большого ущерба нашему не слишком богатому государству?

Король изволил шутить.

– Да, ваше величество, – не стала отказываться Тяна, – прошу вас, обещайте мне, что никогда не отнимете у нас с лордом Айдом права на наших детей. Если, конечно, Всевышний подарит нам детей.

– Что? – король даже приостановился, – разумеется, а что, кто-то на них претендует? Ах, да. Я понял, – он засмеялся, – да, конечно, я обещаю вам это, леди Айд. Но ваш сын так или иначе станет наследником Нивера, и его зависимость от дяди будет велика, вы понимаете. Есть разные моменты.

– Да, ваше величество, я понимаю. Благодарю вас, – обрадовалась Тяна.

– И больше ничего?

– Позвольте мне подумать, ваше величество. Обещаю, что моё желание не нанесёт ущерба Грету.

– Что ж, хорошо, – король опять засмеялся, – вы хитры, как женщина, а я охотно попадаюсь в расставленные ловушки!

– Что вы, ваше величество, нет–нет...

– Вам ведь известно, что ваш муж наследственных прав лишен? Он ни при каких обстоятельствах не сможет наследовать герцогство, – заметил вдруг Клайдергар.

– Я, кажется, об этом слышала, – Тьяна посмотрела на него.

– из-за заклатья, разумеется. Испокон веков так делалось. А при снятии заклатья права возвращаются. Да-да, какое-то время у его семьи и друзей была надежда. Увы, но теперь надежды нет. Вам не сказали об этом?

– Об этом речи не было, ваше величество. Я ничего не знала ни о надежде, ни о том, что её нет. А почему так, ваше величество?..

– Потому что людей, которые, по условию, могли бы заклатье снять, уже нет в живых, – король нахмурился, – простите, я не должен был говорить об этом сегодня. Я забылся. Но вы, конечно, узнаете всё потом, спросите у Валантена, может быть. Это грустная история о несчастье и разочарованиях. А сегодня не нужно грустить. Улыбайтесь, леди, мы пришли.

Король завёл Тьяну на ступени парадного крыльца, отчего

она оказалась выше всех, и сам остался рядом. К ним подходили по очереди, поздравляли, герцог с леди Овертиной, леди Уна, потом тётя, которая расплакалась, обнимая Тяну, потом графиня Каридан и ещё великое множество благородных персон. Все поздравления были многословными и очень-очень любезными, может быть, потому, что рядом возвышался король. Кто бы мог подумать, что так получится – похоже, гости тоже недоумевали. И огромный стол был завален подарками, на каждом имелась соответствующая надпись – от кого...

– Леди Айд, вы прекрасно держитесь, – заметил потом король, – я восхищен. Вот ваши сокровища, – он достал из кармана и отдал ей полученное от шута стекло, а розу она давно уже, как только выдалась возможность, приколола к корсажу платья. – Возьмите и это, для Валантена, – он протянул ей и золотой дреннен тоже, – в знак того, что вам с ним не грозит бедность.

– А что же грозит леди Айд? Ослепнуть за рукоделием? – поинтересовалась подошедшая леди Оветрина, из-за плеча которой выглядывала графиня Каридан, – я бы почла за счастье на её месте.

Чего-то иного Тяна от её милости уже и не ждала.

– Миледи! – рывкнул его милость, который, конечно, тоже был тут.

– Ах, простите, милорд, – герцогиня виновато взмахнула ресницами, – и вы, ваше величество. И вы, леди Айд, наде-

юсь, тоже не обиделись. Просто, знаете ли, Всевышний обделил меня способностью шутить мило.

– Да нет же, леди Овертина, вы можете, когда хотите, – насмешливо возразил король.

Тьяна только улыбнулась – после всего сегодняшнего колкость её милости действительно не задевала.

– Это надо отдать на полировку, чтобы можно было пользоваться, – заметила Овертина, – оно долго провалялось в песке на берегу, не иначе.

– Позвольте мне, прошу вас, – графиня Каридан взяла у Тьяны стекло, повертела его в пальцах и с неохотой вернула.

– Возможно, я должна буду рассмотреть что-то не всем заметное? Подарок шута говорит об этом? – осторожно предположила Тьяна, на что герцог и король переглянулись.

– Неплохая идея, – кивнул король.

Позже, когда Тьяна в сопровождении тёти и колдуна направлялась к тенистой беседке, где можно было посидеть, графиня её окликнула. Извинившись перед леди Фан, она отвела Тьяну на несколько шагов в сторону и тихо сказала:

– Дитя, вам, может быть, не следует показывать супругу это стекло. Я помню его на зеленой шёлковой ленте. Кайрен... то есть герцог его не узнал, но Валантен может узнать. Это стекло леди Тьяны, прежней герцогини Нивер. Я сама видела, как герцог... то есть отец Валантена, бросил его в море.

– Почему?..

– Сейчас не время. Поговорим после, если хотите. Так или иначе, это прошлое. Оно уже не стоит переживаний.

– Оно имеет отношение к тому, что когда-то лорда Айда можно было расколдовать, а теперь нельзя?

– Да, отчасти, – графиня, видимо, не ожидавшая от новобрачной даже такой осведомленности, удивленно моргнула.

– Хорошо. Я буду вам очень признательна, – сказала Тьяна.

Это было любопытно, но вряд ли она скоро решилась бы расспрашивать Валантена, и тем более ещё кого-нибудь.

– Вот и решено, – заулыбалась графиня, – такая чудесная у вас свадьба, моя дорогая. Отдыхайте и набирайтесь сил, они пригодятся. А ведь вы, кажется, понравились королю! – леди понизила голос и шутливо погрозила Тьяне пальцем, – осторожнее, ещё немного, и будет недовольна королева!

– Вряд ли я могу понравиться королю настолько, миледи, – нашлась Тьяна, хотя последние слова графини её смущали.

Король просто добр, галантен, он пожелал их поддержать. Но Тьяна понимала, насколько кстати была эта поддержка.

Тянулось время до вечера. Было обещанное герцогом угощение в парке: напитки и сладости для дам, мясные пироги и вино для мужчин – дань традиции. Тьяна теперь сидела во главе стола на «хозяйском» месте – её право невесты, леди Овертина и леди Уна расположились рядом. И герцогиня

больше не пыталась отпустить насмешки в адрес Тьяны, что было даже странно, но и радовало.

Циркачи. Певцы и музыканты. Тьяна с королем открыли бал. И был ещё длинный—длинный стол в зале, соседнем с бальным, уставленный самыми разными кушаньями, здравницы и пожелания, смех и разговоры, и снова танцы.

Торжественный менюэт, опять с королем...

—Вы взволнованы, леди Айд? Насколько я знаю моего друга Валантена Айда, он вряд ли обидит женщину. Даже в мелочах. Разве что не нарочно.

— Я в этом не сомневаюсь, ваше величество.

И герцог сказал ей чуть погодя, тоже пригласив на танец:

— Всё отлично, дорогая невестка. Я даже удивлен. И благодарен вам, разумеется. Должно быть, вы разочаровали некоторых гостей, но повторяю, я буду рад, если всё так же благополучно и закончится. Я имею в виду этот день, всего лишь.

— Я не вижу причин, чтобы было иначе, милорд...

Все верно, Тьяна то и дело ловила на себе липкие взгляды, то сочувствующие, то просто переполненные любопытства. И это естественно. Всем хочется знать, каково сейчас невесте Чудовища. И что бы она ни устроила сейчас, истерику или рухнула бы в обморок, никто особенно не удивится. Напротив, герцог прав, некоторые этого ждут, как главную пикантность свадьбы.

А за окном уже сгустился вечерний сумрак.

К Тьяне, присевшей на свое место у стола, наклонилась

одна из дам, сказала негромко:

– Вам пора, миледи.

Ей следовало уйти потихоньку. Шумно, с шутками и даже фривольными песенками, провожают жениха, позже. Но этого не будет, ведь Валантена здесь нет.

В сопровождении дам, леди Фан и колдуна Тьяна прошла коридорами и оказалась у незнакомой двери.

– Желаю тебе счастья, моя дорогая, – бледная тётя поцеловала её в щеку.

Дверь впустила новую леди Айд, и закрылась.

Глава 7. После свадьбы

Две горничные сноровисто избавили леди Айд от платья и причёски, расчесали волосы, помогли вымыться и облачиться в рубашку, всю в пене кружев, и в шёлковый халат. А потом они ушли, пожелав леди доброй ночи, и желали как-то сбивчиво, переглядываясь.

И гости на свадьбе. И прислуга. Все рассчитывали на что-то... совсем не на то, что следовало бы.

Тьяна осталась одна. Присела на край кровати. Кровать была очень большой, низкой и устойчивой, куда более массивной, чем все, виденные до этого. Правильно, вес Валантена Айда выдержит не каждая кровать.

А Тьяна... это странно, но весь день она совсем не думала о том, что предстоит им с Валантеном этой ночью. Уже вот-вот. Вспоминала лишь его шутовское предложение прикасаться к нему, пока не надоест.

Это действительно странно. Словно её разум сам, помимо воли, защищался от возможных треволнений и проблем. Но она, так или иначе, не волновалась. Не боялась Валантена. Всё, что получилось увидеть и понять в нём, говорило, что бояться вроде бы нечего.

А вот, к примеру, целоваться с Валантеном? Ей по-прежнему этого не хотелось. Действительно, не хотелось совершенно. И лишь представив, что он может на этом настаивать,

она ощутила панику.

– О чём вы думаете, моя леди?

Она вздрогнула, вскочила. Лорд Айд стоял у двери в углу, ведущей, как она поначалу решила, в гардеробную.

Разумеется, между покоем супругов почти всегда есть внутренние двери, чтобы не было нужды ходить коридором.

– Милорд.

Его костюм был похож на тот, в каком он был на берегу в их первую встречу, только сшит из синего шёлка.

– Так о чём? Я видел ваше лицо в зеркале. Оно стало беспокойным. Что вас встревожило?

– Мне можно не отвечать?

– Можно, – он подошёл ближе, – но ответьте, я прошу. Это связано с нами? Я хочу знать.

Его глуховатый голос звучал спокойно и мягко, и она вдруг тоже успокоилась, даже улыбнулась.

– А не сердиться на меня вы обещаете?

– Обещаю. Даже клянусь. Только скажите правду.

– Хорошо. Мы с вами так мало знакомы, милорд. Не смейтесь, но я подумала, что мне пока ещё было бы трудно целовать вас.

И её тревога тут же улеглась, потому что он смеялся – клыки не показывал, но смех так и брызнул из глаз.

– Миледи, ваше «пока ещё» на самом деле очень обнадеживает.

– Милорд?

– Не беспокойтесь. Если вы чего-то не хотите, этого не будет. Я могу вообще уйти сегодня и дать вам возможность выспаться.

– Нет, не уходите, – вскинулась она.

Остаться одной ей сейчас тоже не хотелось. А вот просто поговорить с ним немного?..

– Хорошо, – сразу согласился он, – и если вы по-прежнему хотите меня погладить, то я не против. Я даже за.

Скорее всего, его не тянуло лишь поговорить с ней.

Он быстро подошёл, ступая легко, неслышно – вот только что был далеко, и уже рядом. Его ловкость, легкость движений действительно удивляла.

Он него пахло, пожалуй, морем – солоно и терпко, свежим ветром и разогретыми солнцем камнями. Словно он недавно плавал в море. Возможно, так оно и было. И она погладила его опять по руке, взъерошив шерсть. Он молчал, взглядом следил за движением её пальцев.

Те радость и легкость, что появились между ними сразу после венчания, когда они даже стали звать друг друга по именам – пропали теперь, и легко им не было.

– Когда я вчера лечил ваши царапины, мне показалось, что вам немного понравилось, – наконец сказал он тихо.

– Мне понравилось, – сразу признала она.

– Сегодня вы не царапали ладоней?

– Нет, увы, – она посмотрела на свои руки и протянула их ему, тоже предлагая взглянуть, – а нужно было?

И опять пришло странное ощущение, что Валантен просто забыл снять маскарадный костюм, тяжелый и неудобный, и вовсе ему ненужный. Но вот забыл и всё.

Когда он вчера целовал ей руки, это принесло новые и приятные ощущения.

– Закройте глаза, – он взял её за запястья.

Она закрыла глаза.

Его губы мягко ласкали её ладони, сначала одну, потом другую, язык прикасался легко, почти неуловимо, скользил, словно что-то рисуя. И опять легкая дрожь пробежала от кистей и растаяла где-то в плечах...

Он не спешил, она послушно не открывала глаз, отдавшись невольно тем ощущениям, которые дарили его губы. И даже не сразу поняла, когда он отстранился, совсем ненадолго, и масляный светильник на столе погас, остался лишь тусклый свет луны из окна – она всё же открыла глаза, успела увидеть лунный свет, и массивный силуэт Валантена в этом свете...

...и он ладонью прикрыл ей глаза.

– Пожалуйста, Тьяна, я прошу, – его голос был тихий и ещё более хриплый, чем недавно.

– Хорошо, – согласилась она.

Теперь он привлек её к себе, обнимая, но не сжимал, как будто она была из фарфора, и он боялся её повредить. Перебирал пальцами её волосы, его губы легонько прошлись по её уху, ненадолго задержавшись на мочке, поднялись к вис-

ку, потом по щеке, не торопясь скользнули до шеи, и халат, как сам собой, сполз с плеч и упал на пол.

– Только то, что ты хочешь, – шепнул он ей на ухо, – только то, что тебе понравится, обещаю.

Но в том-то и дело, что пока ей всё нравилось. И это было странно и немного стыдно. Она – с чужим мужчиной, к тому же с таким необычным мужчиной. Следовало бы стесняться и бояться, и вести себя скромно. Но не хотелось, да и зачем? Кто тут станет оценивать её подобающее поведение? Точно не Валантен.

Он подхватил её на руки, отнес на кровать, уложил, сам не лег, но навис над ней, так, что она всей кожей ощущала, как он близко. Ощущала, хотя он пока к ней не прикасался.

Откладывать неизбежное было действительно ни к чему.

– Не понравится – скажи, – шепнул он, быстро проведя губами от её шеи до груди.

из-за шерсти его на лице было щекотно.

Но и приятно тоже. То, что он делал, было приятно. И захотелось запустить пальцы в его шерсть, перебирать её... она и запустила. Перебирала, даже наматывала на пальцы – там, где хватало длинны. И когда его ладонь прошла по её колену, а подол рубашки оказался много выше того места, где ему полагалось быть, она тоже ничего не имела против. И когда пальцы Валантена мягко прошли у неё между ног...

Она напряглась на мгновение, но ни отстраняться, ни протестовать не стала. В сущности, это тоже не было неприятно.

Его пальцы были осторожными и ласковыми, настойчивыми и вместе с тем неторопливыми, прикосновение его шерсти – чуть щекотным. И когда она нажал ладонями на её колени, побуждая их раздвинуть, она лишь глубоко вздохнула и задержала дыхание.

Ни к чему ведь откладывать неизбежное...

Боль... и Тяна невольно вздрогнула в руках Валантена... но деться было некуда, он теперь окружал её всю, мягко прижимал к кровати, придерживая её запрокинутую голову, быстро поцеловал в шею:

– Всё хорошо, моя дорогая... уже всё.

Она глубоко вздохнула.

Ещё несколько движений, и он остановился, замер, медленно вышел и отпустил её, немного отстранился. А она сильнее запустила пальцы в его шерсть, потянула, дернула – может быть, мстя за недавние боль и страх. Пусть и было их мало...

Он тихо засмеялся.

– Вы мой подарок, моя леди, – и быстро встал.

Кровать скрипнула.

Она открыла глаза. Луна, видимо, спряталась, и её свет больше не рассеивал непроглядную темноту в комнате.

Ощущения были... странными. Воспоминания о недавней боли, отголоски её в поврежденной плоти, раздражение – что-нибудь разбить! – и ощущение не схлынувшего пока удовольствия в теле, там, где её касались руки и язык Валан-

тена.

Но, кажется, то страшное, чего следовало бояться, случилось, и страхи оказались преувеличены.

– Милорд, вы здесь? – позвала она.

– Да, моя леди, – он подошёл, присел рядом. – Кстати, ощипывать меня бесполезно. Моя шерсть очень быстро отрастает, – она расслышала его улыбку.

– Простите, милорд.

– Да ничего страшного.

– Мне очень понравилось... запускать пальцы в вашу шерсть милорд, – добавила она быстро.

– Вот как? Понравилось?

– Да, как в пушистый меховой ковер, – пояснила она, снова решив пошутить, – простите, милорд...

– Вот как? – теперь он расхохотался. – Но я готов, сколько угодно. Если пожелаете. Быть для вас ковром, одеялом, подушкой. Только скажите. А сейчас отдыхайте. Закройте глаза.

– Разве недостаточно темно? – заметила она, но глаза закрыла. – И... вы уходите?..

– Да. Говорю же, просто отдыхайте. Увидимся завтра.

И ощутила легкое прикосновение его губ к щеке.

– Доброй ночи, Тьяна.

– Доброй ночи, Валантен.

Он поднялся, опять легко и неслышно, как тень, и исчез за портьерой, закрывающей дверь.

Его намерение уйти не удивило Тяну, как и не пришлось в голову просить остаться. Того, что уже случилось, было достаточно, и теперь стоило, пожалуй, побыть одной.

И поспать, наверное. Сегодняшний суматошный день свалил бы с ног кого угодно. А завтра с утра сюда явится толпа народу их приветствовать, и каково ей тут будет одной слушать то, что обычно творится под дверью новобрачных? И простыню за дверь должен бросить муж, не самой же ей...

Вообще, молодожены вольны оставаться в постели хоть до обеда, но мало кому этого захочется под гвалт, песенки и петушиные крики.

Но это будет только завтра. И завтра она наденет красное платье.

Она плотнее завернулась в легкое одеяло, удобнее подтолкнула подушку, закрыла глаза.

Пока не спалось. Но все равно, она закрыла глаза...

– Миледи, вы уже проснулись? Вам не дурно? Миледи! – и в нос ударила резкая вонь.

Тьяна так и подскочила на подушках, что-то толкнула перед собой, кто-то вскрикнул...

Она сидела на постели, а рядом стояла и испуганно моргала женщина в сером с зелёным платье горничной, и ещё две жались в сторонке.

– Простите, миледи. Вы хорошо себя чувствуете?

– До вашего появления – замечательно. Во всяком случае,

я спала. А что случилось?

– Эсс колдун. Он предупредил, что вам может быть дурно, а это поможет, – она показала флакончик, который сжимала в кулаке, – ох, напугали вы нас, миледи. Нам показалось, что вы бледная, миледи.

Да, это было смешно, в сущности.

– Я всегда такая, – сказала Тьяна, – это мой обычный цвет лица. А здесь пока не очень светло. Всё равно, не нужно больше травить меня по утрам нюхательной солью. Это ведь нюхательная соль? Можно? – она протянула руку, горничная отдала флакон.

Из флакона пахло ужасно и узнаваемо. Такая соль была у Дивоны, которая, повзрослев, стала периодически падать в обмороки, пока тётя Элла не привезла в Рори хорошего лекаря. Назначенная им микстура со временем помогла.

– Вам угодно вставать, миледи? – горничная развернула перед Тьяной халат.

– Благодарю, – та выбралась из постели, нырнула руками в рукава, затянула пояс.

Что поделать, уснуть уже не получится.

– Так с вами всё хорошо, миледи? – не унималась горничная.

– Я слышала о пари на кухне. Вы ставили на то, что я не доживу до утра? – невинно поинтересовалась Тьяна.

– Как можно, миледи! – замахала руками старшая горничная, а девушки за её спиной дружно давились смешками.

– А откуда у вас вообще такие опасения? – Тьяна требовательно посмотрела на неё, – и вообще, почему тут так тихо? – она поискала взглядом часы, – разве ещё очень рано?

– Нет, миледи, но, миледи, – горничная малость растерялась, – вы ведь... о, миледи. Но ведь эсс колдун сказал. И прежняя леди Айд... А тихо потому, миледи, что коридор закрыли, и там стражники стоят, его милость велел. Чтобы вас не беспокоить с утра.

Значит, утреннего свадебного переполоха перед дверью не будет. Ну, не очень и хотелось.

– Я поняла, – кивнула Тьяна, – так что там было с прежней леди Айд?

– Было всё хорошо, миледи, – старшая горничная опомнилась и строго посмотрела на молодых.

Всё правильно, прислуга и не должна сходу сплетничать про хозяев, про покойных в том числе, если дорожит местом, конечно. Вот позже, когда Тьяна узнает тут кого-то ближе, и её узнают, можно начать осторожно расспрашивать.

– Так кто из вас ставил на меня? – не удержалась она.

– Как можно, миледи...

По взглядам, которыми обменялись девушки, было ясно, что так и есть.

– Надеюсь, лично вы не много потеряли, – подавив нервный смешок, заметила новая леди Айд, – а поскольку меня ни за что, наутро после свадьбы, вместо букета роз заставили нюхать эту гадость, я теперь желаю компенсации. Подайте

кофе с медом и сливками, сыр и булочку. Только уточните, пожалуйста, много ли проиграла кухарка, а то я, чего доброго, рискую получить булочки, от которых у меня заболит живот.

– Как можно, миледи, – ахнула старшая горничная. – Нет, нет, не надо о нас так думать. К тому же тётушка Митт, булочница, никогда не ставит на деньги, миледи!

– Замечательно, – обрадовалась Тьяна, – тогда принесите мне две булочки. И не волнуйтесь, я, конечно, ничего такого не думаю...

Что ж, они и с Валантенем уже выяснили, что шутит она так себе.

Увидев, что эсс колдун дожидается в передней комнате, Тьяна отпустила горничных, уточнив, чтобы кофе и булочки принесли и ему тоже.

Да, он дожидался. Сидел в кресле и задумчиво покачивался. И своё красное платье она увидела сразу, в другом углу, на манекене, всё в дорогих широких кружевах... она нехотя отвела взгляд от платья.

– Доброе утро, эсс Хойр.

– Миледи, – он вскочил, всплеснул руками, – простите дурака. И тех дур, конечно, тоже простите. Я дал соль, чтобы применить при необходимости. А они применили, потому что я дал! Вот что с этим делать?

– Ничего страшного, – она улыбнулась, – я охотно всех прощу, а вы за это расскажете мне про прежнюю леди Айд.

Что с ней случилось наутро после свадьбы? Почему все так странно относятся к тому, что я не в обмороке?

— Миледи... — колдун развел руками, — вот, позвольте-ка, — он достал из кармана маленький стеклянный кубик, поводит у лица Тяны, посмотрел, кивнул, — то есть, ваш брак с лордом Айдом осуществлен. Я должен с радостью доложить его милости.

— Доложите, раз должны, — Тяна понадеялась, что если и покраснела, то не сильно, — но как же мой вопрос? Я не прошу у вас подробностей, это нескромно, понимаю. Но хотя бы скажите, что тогда случилось?

— Ну, миледи! — он покачал головой, — вы ведь сами уже поняли! Хотя, может быть, именно вам и стоит знать некоторые подробности. Леди Венель было дурно наутро. Началась нервная горячка, и бедняжка проболела почти неделю. Но в этом, видите ли, нет вины лорда Айда... его прямой вины, я хочу сказать. Но на нём это сказалось тяжело. Видите ли, он был влюблён в леди Венель. Он влюбился, переживал, было сделано предложение и получено согласие, свадьба состоялась. Но, увы, девушка согласилась на это под давлением родственников. Так мало того, она ещё была напугана, взвинчена, наслушалась глупых предположений, истерик некоторых старших родственников. Она очень боялась. Их брак — я надеюсь на вашу скромность, миледи, — был осуществлен много позже и с помощью моих средств. Потому, собственно, и с вами тоже... герцог не исключал и такую воз-

возможность. Что вы в последний момент... ну, вы понимаете, — он выразительно посмотрел на Тяну, та кивнула.

Он продолжал:

— И рожать она тоже боялась, не веря, что ребенок будет здоровым. То есть, я хочу сказать, без заклатья. Не покрытым шерстью. Положение Айдов, их богатство, родство с королем, близость к трону... Многие приходят к мысли, что ради такого одной из дочерей, сестер или племянниц можно и пожертвовать. Но каково это для самой жертвы? Вы понимаете, миледи.

Понимала она, конечно. Вспомнился подслушанный разговор, слова дядюшки.

«Рискнуть одной дочерью, чтобы спасти пятерых? Разве оно того не стоит?»

Именно так и есть. Всё правильно.

— Мне так жаль, — сказала она, — бедная леди Венель.

Её предшественницу стоило пожалеть. Ужасная судьба, ужасная смерть: она рожала ребенка, боясь и ненавидя его, не веря, что он будет здоровый и красивый — по-человечески красивый. И, что уж совсем странно, леди Венель так мучилась рядом с Валантенем, с которым ей, Тяне, было вовсе неплохо.

«Мне не хотелось бы видеть рядом женщину, которой я буду причинять страдания уже тем, что существую».

— Согласен, леди Венель не повезло, — закивал колдун. — Миледи, я, конечно, рассчитываю, что этот разговор оста-

нется между нами.

– Разумеется, эсс Хойр.

– После Валантен как-то обронил, что ни за что не станет влюбляться и тем более жениться на той, к которой хоть малость равнодушен, – он виновато взглянул на Тяну, – простите, миледи, может, я не должен был этого говорить, но ведь между вами и не может быть никакой влюбленности, это подразумевалось изначально, правильно?

– Правильно, эсс Хойр.

Это было правильно, конечно, но Тяна всё же ощутила какой-то укол глубоко в душе. И что-то, видно, отразилось на её лице, потому что колдун добавил, опять как-то виновато:

– Но женщины всё равно желают, чтобы их любили, это конечно. Такова их природа. Даже если они понимают, что никогда и ни за что не ответят взаимностью.

– Может быть, – согласилась она, опустив взгляд, – я не знаю. Вы лучше меня разбираетесь в женщинах, эсс Хойр.

Тут как раз принесли кофе и булочки. Тяна сама разлила напиток по чашкам.

– Составьте мне компанию, эсс Хойр, пожалуйста.

– Я польщён, миледи, – он выглядел несколько ошарашенным, несмотря на это опустошил свою чашку почти залпом.

Вздыхнул и опять посмотрел на Тяну виновато.

– Миледи, я буду оберегать и защищать вас, это теперь первейшая моя обязанность. И я тоже любопытен. Прошу,

объясните, почему вы так явно не боитесь лорда Валантена, так спокойно приняли его как мужчину. Это будет не слишком с моей стороны, миледи? У меня чисто научный интерес. Если вы не желаете отвечать, я, разумеется, прошу прощения.

Тьяна лишь пожала плечами.

– Но тут нет секрета. Я увидела его, и не нашла, чего бояться. Это всё.

– Э–э ... – покачал головой колдун, – но другие, между тем, находят.

Тьяна встала, прошлась по комнате – сама себе при этом она напостила тётю Эллу, которая тоже все раздумья сопровождала ходьбой. Действительно, так легче думается.

– Эсс Хойр, – сказала она, – когда я впервые увидела лорда Валантена, я считала, что уже не могу быть его невестой, поэтому и пугаться мне было особо нечего. Возможно, это – первое. Второе то, что я, видите ли... я очень давно узнала о нём. Я была ещё малышкой. У нас в Рори не так много забав для детей, особенно зимними вечерами. Так что мы развлекались тем, что болтали, сочиняли небылицы. И да, небылицы про лорда Чудовище тоже. Какой он, на каких зверей похож. Я его рисовала, и не раз – нас всех учили рисовать, но мне это больше нравилось. Так вот, на моих рисунках Валантен действительно был страшный, просто ужасный. Некоторые рисунки сжег мой отец и очень сердился, потому что младшие сестры пугались всерьёз и плохо спали ночью. Не

смейтесь, эсс, это правда. Для нас это было просто баловство, шалость. Теперь мне очень совестно. Но так вот, когда я увидела настоящего Валантена, он вообще не показался мне каким-то ужасным. Даже напротив. По сравнению с моими рисунками он красив, весьма красив. Да, не по-человечески. Но он не страшный. Вот и всё.

– Ох, миледи, – эсс не смеялся явно, но в его глазах заиграли смешинки, – дорого бы я дал, чтобы поглядеть на ваши рисунки. Да, я знаю, что те, кто рисует, многое видят иначе.

– Нет, эсс Хойр, – сказала Тьяна серьезно, – отправляясь сюда, я сожгла их все.

О третьей причине, о том настойчивом ощущении, что она видит человека, а не чудовище, человека необычно одетого, Тьяна не стала упоминать, потому что ей было бы сложно высказать эту мысль словами. Да и незачем, должно быть.

– В сущности, это кое-что и объясняет, – сказал эсс Хойр, – ведь тут вам пришлось сравнить реального лорда Валантена с другой персоной, пусть и придуманной, и сравнение получилось в его пользу. Любая сваха знает, как выдать замуж некрасивую девушку: нужно представить её мужчине в паре с ещё большей дурнушкой.

– Вы не шутите? – Тьяна рассмеялась.

– Какие шутки, миледи. В каждом деле есть свои тонкости. А уж у свих и вовсе их должно быть немало, ведь им, к примеру, колдовать закон запрещает.

Тьяна налила колдуну ещё кофе.

– Ещё один вопрос, эсс Хойр. Раз уж мы решили секретничать. Мне кажется, что я долго не осмелюсь спросить об этом у супруга или у герцога.

– Да, миледи, – он подался к ней, – я внимательно слушаю.

– Эсс Хойр, – она вздохнула, решаясь, – расскажите мне о проклятье Валантена, и почему его сначала можно было снять, а потом стало нельзя? Король вчера упомянул об этом, но вскользь.

Да, об этом Тьяне обещала рассказать и графиня Каридан, но ведь её взгляд на это дело может оказаться совсем иным. Так что жаль было бы не расспросить колдуна, с которым сегодня так хорошо складывалась беседа.

– Ох, миледи, – Хойр покачал головой, размышляя, взял в руки чашку и уставился в неё, словно пытаясь разглядеть что-то в кофейных глубинах. – А почему бы и нет, ведь вы об этом и так узнаете. Начнем с того, что вы путаете понятия. Хотя, их многие путают. Проклятье – это воздействие направленное и осознанное, но не отмеренное, не определенное точно, так сказать. Проклясть может и торговка на рынке, имеющая очень малые способности, которые могут случайно отчего-то и возрасти на короткий момент. И каждый раз не ясно, что получится в результате. Одно и то же проклятье может как сделать калекой или даже убить, так и вызвать легкую головную боль, это от многого зависит. Излечивать от проклятья может быть и сложно, но чаще всего даже среднему мастеру это по силам, при некотором упор-

стве. Вам понятно, миледи?

Тьяна закивала.

– Заклятье, миледи, это сложное и точное колдовское воздействие, – продолжал колдун. – Оно не накладывается случайно, только осознанно, тут требуется искусство. Оно чаще всего составляется заранее. Некоторые заклатья совершенно невозможно снять, если не знать точных условий, определенных при их наложении. Это самые сильные заклатья. Если же условия снятия изначально не определены, заклатье, вероятно, получится слабее и при должном мастерстве и упорстве может быть снято. Вам понятно, миледи?

– Да, эсс Хойр. Значит, на Валантена было наложено именно заклатье с условиями снятия?

– Именно, миледи. Кем это заклатье создано, неизвестно, но непосредственно его наложил безумец, влюбленный в молодую герцогиню. То есть, в мать лорда Валантена, миледи. Они знали друг друга с детства, и между ними, надо думать, возникли чувства. Молодой человек был беден, его семья владела толикой земли поблизости, отец леди Тьяны, маркиз Дассар, благосклонно к нему относился. Но не до такой степени, чтобы выдать за него единственную дочь. Вы понимаете, миледи? И этот человек счел, что его сначала обнадежили, а потом обманули – когда леди Тьяна Дассар вышла замуж за герцога. А тот, влюбленный, был вторым сыном и моряком, стал им в надежде разбогатеть. Откуда-то из Джубарана, или ещё дальше, он и привез пропись заклатья, купил

или выиграл, должно быть. И с досады применил к любимой когда-то женщине, – и он опять залпом выпил кофе.

– Какая уж тут любовь, – тихо заметила Тьяна, выливая ему в чашку остатки из кофейника. – Когда мстят тем, кого якобы любят, то о любви уже говорить не приходится.

– Да, миледи, пожалуй. Но тут... это ещё не всё. Он, определенно, не намеревался наказать её на всю оставшуюся жизнь. То есть, предполагалось, что она будет расколдована спустя короткое время, что куда гуманней, конечно.

–И что же помешало?

– Началось с того, что, как человек в этом деле неопытный, он не мог предугадать, как подействует заклятье. Он считал, что её внешность сразу станет ужасной, все испугаются, и он сможет торжественно её расколдовать, а она будет потрясена и оценит. О, я понимаю вашу улыбку, миледи. Это глупость, именно глупость.

Он вскочил, забегал по комнате, потом снова сел и продолжал:

– Но кто не бывает глупцом хотя бы иногда? Он написал записку леди Тьяне, в которой сообщил, что её смогут расколдовать либо он, либо её супруг, а именно тот, кто любит её больше, причём у каждого будет только одна попытка. Герцогиня записку получила. Но она к этому времени ничуть не изменилась, только расцвела ещё больше, была в положении и чувствовала себя отлично. Негодяй решил, что заклятье не подействовало, помянул недобрым словом его изго-

товителя и ушёл в плавание, надеясь развеять печаль. Через год узнали, что его корабль затонул. Герцогиня родила раньше, и... вы понимаете, миледи. Всё выяснилось.

Тьяна встала, подошла к окну. Уже взошло солнце и осветило край парка, море вдали, голубое и безбрежное, видна была башня Нижнего замка и никаких флагов на ней. Чем же, интересно, занимается сейчас Валантен?..

– Это неудивительно, миледи, – добавил Хойр, – любой знающий человек учел бы такую возможность: если женщина в положении, заклятье скорее всего падет на её дитя, нужно особо позаботиться, чтобы этого не произошло. Такие случаи уже были и описаны. Но тут – увы.

– Я поняла, эсс, – вздохнула Тьяна, – но герцог ведь мог попытаться заклятье снять? У него не получилось?

– Ах, миледи, – покачал головой колдун, – в записке была лишь часть необходимого. Сам способ снятия заклятья, как было сказано в той же записке, скрыли как Тайну в одном из Храмов, для герцогини. Герцог долгие годы искал по храмам Тайну, оставленную на имя жены, и не только в Грете, в Кандрии тоже, а может, и ещё где. Бесполезно. Потом, вскоре после рождения леди Уны, умерла леди Тьяна. Но герцог до самой своей смерти на что-то надеялся. А когда и он умер... никто больше не надеялся, миледи. В записке было четко сказано, что лишь два человека могут снять заклятье: сам тот несчастный, заклявший герцогиню, и герцог. И то в определенный момент это удалось бы лишь одному из них, –

колдун с грустью взглянул на пустой кофейник.

– Я теперь тоже Тьяна Айд, – сказала задумчиво Тьяна. – Но не леди Тьяна Айд, титула при имени у меня нет. Если при запечатывании Тайны в храме имя было записано полностью, со всеми титулами... Или – леди Тьяна Дассар?

– Ах, оставьте, миледи! – замахал руками колдун. – Поверьте, никто не обрадуется, если вы хотя бы заведете об этом разговор. Это слишком горькая тема, вы ведь понимаете. А вы не колдунья ли, миледи? – он хитро взглянул на Тьяну, – никакого зелья не добавили мне в этот дивный кофе? Я не собирался поначалу быть таким разговорчивым с вами. Такое больше не повторится, миледи.

– Тогда мне повезло, – с улыбкой ответила она, – и нет, я не колдунья, к сожалению.

– Не надо сожалеть, – покачал головой эсс, – быть колдуньей трудная судьба. Я оставлю вас, миледи. Вызывайте, если понадобится.

Он ушёл, Тьяна осталась одна. Она вернулась в спальню, забралась с ногами на кровать. Можно было подумать немного о том, что рассказал колдун.

Способ расколдовать Валантена есть, но его так и не нашли. Точнее сказать, он был, пока были живы родители Валантена. Если Тайна оставлена для герцогини, никто больше не сможет её получить. А она, новая Тьяна Айд, если бы Тайна вдруг нашлась?..

И ещё, должно иметь значение, как тот негодяй написал

имя при запечатывании свитка, и указал ли титул. Любое несоответствие сделает бесценный свиток недоступным.

До сих пор Тяня слышала лишь об одном случае, когда в Храме оставляли Тайну: хромая леди Раннель, племянница графа Скарата, сюзерена Рори, к потрясению всех родила ребенка вне брака, скрыв имя его отца. Но говорили, что об этом оставлена Тайна в Храме, и в один прекрасный момент ребенок сможет ею воспользоваться. Покойный отец, барон Рори, как-то сетовал, что Тайной нельзя делать денежные дела и всё, что касается завещаний – после того, как умер его дядя и принадлежавшие тому угодья достались не отцу, а другому родственнику. Барон был убежден, что продажный стряпчий подменил завещание. Маленькая Тяня однажды спросила у матери, почему та не оставит Тайну в Храме, и вообще, почему их так редко оставляют, мама только махнула рукой и велела не задавать глупых вопросов. Тётя Элла потом объяснила, что Тайн, может, оставляют и немало, но об этом никому не известно, кроме тех, кого это непосредственно касается.

И вот, это касается её. Потому что имеет самое прямое отношение к её мужу. Даже представить сложно, какую внешность имел бы Валантен, будь он не заклётым. Можно посмотреть семейные портреты Айдов и попробовать представить себе его, настоящего...

В дверь постучали, Тяне пришлось самой идти открывать. Принесли корзину чудесных белых роз, от герцога. По-

чти сразу явился Ривер, тоже с корзиной роз, но розовых – от Валантена.

– Как мило, – сказала Тьяна, – передайте мою благодарность лорду Валантену. Добавьте, что я предпочла бы один цветок, но из его рук.

– Я передам, миледи, – невозмутимо кивнул слуга. – И милорд ещё велел справиться, хорошо ли вы себя чувствуете?

Тьяна рассмеялась, склонив лицо к цветам.

Розы пахли сильно. Розами.

Глава 8. Печали свои и чужие

Едва ушёл Ривер, доложили о приходе эссины Витолы, которая желала лично убедиться, всё ли хорошо с платьем. Метресса тоже явилась с корзиной роз, алых, под платье. Тяна опять послала на кухню за кофе и булочками, чтобы угощать всех, включая портних эссины Витолы – почему бы и нет, в самом деле? И парикмахер, который порхал вокруг Тяны с расческами, тоже прихлебывал время от времени кофе из чашечки.

Платье, как и ожидалось, село идеально, а второе метресса пообещала прислать через пару дней. Когда пришла леди Фан, отчего-то в компании графини Каридан, Тяна, уже готовая, так и этак вертелась перед зеркалом, а в комнате всю пахло розами и кофе, это поднимало настроение.

Тётя и графиня расположились за кофейным столиком, а портнихи и парикмахер поспешно откланялись. Тяна послала заказать на кухне очередной кофейник с кофе и блюдо с выпечкой, и побольше сливок, разумеется.

– Вы прекрасно выглядите, моя дорогая, – заметила графиня, – весьма похожи на счастливую новобрачную.

– Благодарю, миледи, – Тяна улыбнулась, – но ведь так и должно быть. Я новобрачная, и вполне счастливая.

Про себя она подумала, что графиня не стала справляться о её самочувствии, и это уже добрый знак.

– О, вот как? – бровь графини на мгновение взлетела вверх, – но это же чудесно, моя дорогая. Лорд Айд уже преподнес вам утренний подарок?

– Да, мне прислали цветы от него.

– Только цветы? – графиня засмеялась, – насколько мне известно, у Айдов в таких случаях принято дарить что-то более существенное. Вероятно, Валантен решил вручить подарок лично. Ах, дорогая, мне бы так хотелось, чтобы и Валантен был счастлив. Он ведь ничем не заслужил свою печальную участь. Собственно, я обещала рассказать вам об этом как-нибудь позже, – она понизила голос и виновато улыбнулась, – но обстоятельства вынуждают меня покинуть Нивер. Я зашла попрощаться и пожелать вам всего наилучшего, леди Айд.

– Вы уезжаете, миледи? – непритворно огорчилась Тяня.

Не так много здесь было людей, действительно с ней приветливых.

– Мне придётся. Важные домашние дела, – графиня вздохнула. – Но я нередко гощу в Нивере, дитя мое, мы ещё не раз увидимся. А пока я вкратце поведаю вам, что именно за несчастье случилось с бедной леди Тяняй. Просто чтобы вы не терзались любопытством. Леди Фан, я хочу, чтобы и вы послушали. Я ведь могу рассчитывать?.. – она посмотрела многозначительно.

– На мою скромность? Конечно, – тут же согласилась тётя.

– Это история несчастной любви, – тихо и торжественно.

но сказала графиня. — Бывший возлюбленный герцогини, оскорбленный изменой, пожелал наказать её, раздобыл составленное кем-то заклятье и применил. Бедный сумасшедший.

— Герцогиня изменила возлюбленному с собственным супругом? — зачем-то уточнила тётя, и Тяна расслышала иронию в её голосе.

— Да, — графиня улыбнулась, — милая леди Фан, разве любовь может рассуждать? Итак, это было сделано, но тот человек рассчитывал вскоре снять заклятье, и прислал герцогине письмо. Но с ней внешне ничего не случилось, поэтому письмо приняли за угрозу безумца. Удивительно, что оно сохранилось. Я помню леди Тяну в это время, она чудесно выглядела до самых родов, даже ещё больше похорошела.

Графиня повторяла то, что Тяна уже знала, только гораздо короче.

— И вот ужас открылся, герцогиня произвела на свет ребенка-чудовище. Она так страдала. Долго не могла заставить себя просто подойти к этому созданию. Согласитесь, многие на месте герцога просто... вы понимаете. Младенцы часто умирают без причин. Но герцог так мечтал о втором сыне. Он бы не постоял ради него за любой ценой. И Валантена растили и воспитывали, он был здоровым и умным ребенком. Со временем его полюбили в семье. Но долгие годы отец искал возможность расколдовать его.

А Тяна с жалостью подумала о том, насколько безрадост-

ными были первые дни жизни Валантена Айда. Наверное, не только мать его боялась. Да и вообще, должно быть, тут такое творилось – лучше не представлять.

– Заклятье было условным, как я понимаю? – практично поинтересовалась леди Фан, – раз его не сняли. Вы упомянули, что письмо сохранилось, в нём было что-нибудь полезное?

– О, вы понимаете такие тонкости, – отметила графиня, – да, к счастью, письмо нашлось, и кое-что важное в нём было. Там было сказано, что снять заклатье могут или сам заклявший, или герцог – тот из двоих, кто будет больше любить герцогиню. Но самого способа снятия в письме не было, его скрыли в Храме, как Тайну. Герцогине следовало самой догадаться, в каком именно Храме. Видите, всё ужасно. Тайну не нашли, хотя обшарили все Храмы.

– Вот как, – тётя задумчиво крутила в пальцах кофейную ложечку, – расколдует тот, кто будет больше любить заклятую, страшную на вид герцогиню, которая при этом вряд ли пребывала бы в добрых чувствах. Тот безумец был так в себе уверен? Это ведь означает, что её, возможно, никто и не смог бы расколдовать.

– Вероятно, вы правы, – закивала графиня, – тем более что и попытка была возможна всего одна. Как ужасно, когда колдовство доступно безумцам.

– Вот бы узнать, что в точности было написано в том письме, – заметила Тьяна грустно.

– Пожалуй, это возможно, – сказала графиня неуверенно, – видите ли, мой супруг с герцогом были друзьями. А когда герцог занимался поисками той Тайны, он сделал с письма несколько копий, одна была у нас и могла и сохраниться в бумагах. Я узнаю. Если найдется, пришлю её вам, – графиня тепло улыбнулась, – я же вижу, как вам любопытно, дорогая моя леди Айд. Только не терзайтесь напрасными надеждами, и не обижайте ими Валантена.

– О, я буду так благодарна вам, миледи, – воскликнула Тьяна. – Пожалуйста, найдите для меня то письмо. Прошу вас...

– Хорошо, хорошо, дитя, – графиня потрепала её по руке. – я постараюсь, по крайней мере. А теперь мне пора.

– Позвольте, я сделаю для вас букет, миледи! – Тьяна вскочила, бросилась к цветам.

Она принялась вынимать их из корзин по одному, складывая в букет – белые, розовые и алые, получалось красиво. Леди Фан улыбнулась и вызвала горничную, велела принести нож и шёлковой бумаги – подровнять стебли и завернуть букет.

– Осторожнее, дитя, не поцарапайте руки о шипы, – заботливо заметила графиня, – вам сегодня весь день предстоит быть на глазах общества.

– Конечно, миледи, – и Тьяна подумала, что поцарапать руки ей было бы даже и кстати...

Огромный, искусно завернутый и перевязанный шёлко-

вой лентой букет вручили графине.

– О, моя дорогая, – та была тронута, – давно я не получала таких подарков от чистого сердца.

С букетом в руках она подошла к окну.

– А погода сегодня дивная. Уверена, вы не будете скучать в Нивере. Постарайтесь подружиться с Овертиной, она умеет устраивать веселье. Да-да, я уверена, что спустя некоторое время вы подружитесь.

Тьяна была отчего-то уверена в обратном. И ей очень захотелось спросить у пожилой дамы, за что Овертина невзлюбила Валантена, что за кошка пробежала между ними? Но она не решилась. Отчего она сама не понравилась герцогине, Тьяна и без пояснений понимала.

Графиня погладила пальцем упругие лепестки роскошной алой розы в самом центре букета, невзначай скользнула пальцем с чашечки на стебель и вдруг тихо вскрикнула.

– Я, кажется, укололась, но не поняла, обо что, – она принялась рассматривать цветок, – леди Фан, взгляните, боюсь, что мои глаза слабы. Что это такое?

Конечно, под самой чашечкой цветка у роз не бывает шипов.

Тётя быстро подошла, раздвинула цветы, испортив любовно сложенный Тьяной букет, присмотрелась, тронула пальцем...

– Как странно. Это очень похоже на самое остриё булавы, которая находится внутри цветка, – решила она, – Тин,

дорогая, звони, вызывай своего колдуна.

– Ах, – графиня Каридан уронила букет, который подхватила леди Фан и аккуратно положила на стол. – Ах, дитя, это ужасно. Но вы же понимаете, этих цветов касались многие руки. Сомневаюсь, что Валантен сам срезал их в оранжерее. Он просто распорядился.

– При чём здесь Валантен, миледи? – ответила рассеянно Тьяна, слишком потрясённая случившимся, – алые розы от эссины Витолы, портнихи.

В самый первый момент её, как ни странно, расстроила не обнаруженная в букете булавка, может быть, заколдованная, а возможность лишиться своего чудного платья, которое тоже дело рук эссины Витолы.

Но это невероятно. Не хотелось верить. Зачем ей?..

– Портниха Айдов? – поразилась графиня, – не может быть. Овертина будет расстроена, она её очень ценит.

– Эссина Витола, возможно, тоже не срезала эти цветы, – сказала леди Фан, подошла к звонку и позвонила сама. – Я даже рада, со вчерашнего дня жду неприятностей, а неприятность оказалась довольно безвредной. Чего же лучше.

– Ах, леди Фан, мы не знаем, что было бы, останься этот цветок здесь, у леди Айда.

– Конечно. Я надеюсь, колдун объяснит.

Уже скоро в комнате всё было вверх дном. Эсс Хойр сразу признал булавку заколдованной, мало того, она и на вид была такой же, как и та, первая, на балу. Теперь колдун про-

сто вытряхивал розы из корзин, осматривая и их, и корзины, и каждую мелочь. Из корзины, присланной Валантенем, выпала бархатная коробка, колдун поторопится поднять её и подать Тяне. Там был гарнитур из жемчуга и бриллиантов с рубинами...

– Наденешь с утра браслет и серьги, – решила леди Фан, – а вечером остальное. Замечательное кольцо, и рубины как раз к красному платью. Прекрасный утренний подарок.

– Нет-нет, леди, – запротестовал было колдун, – платье следует сменить. Мы не можем рисковать...

– Здесь нет риска, – устало возразила леди Фан, – с платьем всё в порядке. В крайнем случае осмотрите ещё раз. Можете осмотреть прямо на ней? Не усугубляйте проблемы, эсс.

– Но решать будет герцог.

Расстроенная графиня ушла, ещё раз пожелав Тяне всего наилучшего, а колдун отправился с докладом к герцогу.

– Пламя Всезнающее, – сказала тётя, – как мне это не нравится. Безумие какое-то. Твой муж заперся в отдельном замке, а вокруг тебя то и дело ловят какие-то колдовские мерзости. Вам следует поселиться вместе, и пусть он сам тебя охраняет. Разве я не права? Раз уж так... Кстати, девочка, брачная ночь тебя не огорчила, мне показалось?

Тяна была краткой:

– Не огорчила, тётя.

– Вот и хорошо, – леди Фан смерила племянницу внима-

тельным взглядом. — Значит, дальше будет только лучше.

Когда Тьяна появилась в зале в красном платье новобрачной, на балконе под потолком заиграл оркестр, гости рукоплескали, а герцогиня улыбалась даже не слишком ядовито. Герцог был галантен, поцеловал Тьяне руку и сказал несколько комплиментов, но, когда он оставил её в покое и отошел, она вздохнула с облегчением. Представила на секунду, что творилось бы тут, зайдя она в зал под руку с Валантенем — забавно! Такой шок для гостей. Но тут же она представила, каково было бы Валантену...

Интересно, смогли бы все эти люди просто привыкнуть к его внешности? А он — к нескромному, может быть, навязчивому вниманию? Так или иначе, для него неминуемо это внимание. Но способ жить, который он избрал для себя, тоже не назовешь хорошим.

— Дорогая Тьяна, — к ней опять подошёл герцог, — сейчас будет морская прогулка для гостей, но я прошу вас воздержаться. Просто из осторожности.

— Хорошо, ваша милость.

— Кстати, вы не страдаете морской болезнью?

— Не знаю, ваша милость. Я никогда не была на корабле.

— Ну, это ещё успеется. Валантен точно захочет прокатить вас. Он много ходит под парусом, у него лодка.

— Я буду рада, ваша милость.

— Видимо... э... это будет после рождения наследника.

Мы ведь действительно опасаемся за вашу безопасность.

– Я буду очень стараться, ваша милость, – сказала Тьяна, – родить наследника, я имею в виду. После этого я смогу даже прокатиться на лодке.

Герцог засмеялся, уловив её сарказм.

– Конечно, придется, – согласился он, – что поделаешь. Кстати, наедине вам не обязательно обращаться ко мне так официально. Можете звать меня Кайреном. Попробуйте.

– Хорошо, ваша милость... Кайрен.

– Вот-вот. И не обижайтесь на Овертину. Играть злюку – это для неё баловство, не более.

– Конечно, ваша милость. Кайрен.

Называть герцога по имени было как-то неожиданно.

– Ваша милость, что-то уже узнали про эссину Витолу, портниху? Она ведь ни при чём?

– Кто вам это сказал? Насчет платьев не беспокойтесь, а об остальном и подавно. Мы всё решим.

Гулянье по парку, с шутами и представлением, в сущности, было очень скучным. Где веселье, предсказанное графиней Каридан?..

Как и все, Тьяна бродила по дорожкам парка, в компании то тети, то дам из окружения герцогини, от них она постаралась потихоньку сбежать, не в силах выносить нарочитый разговор о погоде. Может быть, дамы просто не понимали, о чём ещё говорить в присутствии новой леди Айд, а брать инициативу на себя той не хотелось, она тоже не знала, о чём

с ними говорить. Ужимки шутов не казались смешными. Её бы порадовала возможность просто посидеть на скамейке с книгой. В Нивере должна быть библиотека, и вряд ли маленькая. И вообще, дожждаться бы вечера.

А вечером Валантен придет к ней опять? И что будет между ними теперь, и как? Повторение вчерашнего? И он принесет ей розу, как она попросила?..

Она опять немножко боялась того, что будет. Ну, совсем немножко.

А во время бала станет он наблюдать за ней в то неведомое окошко?..

Тьяна шла одна по аллее и увидела в стороне, на скамье у боковой дорожки, знакомый силуэт. Леди Уна, сестра герцога. Та сидела в одиночестве и казалось такой потерянной. Тьяна решила подойти.

Уна беззвучно плакала, слезы катились по её щекам одна за другой, губы дрожали.

– Уна? Что-то случилось? – Тьяна присела рядом.

– Тьяна. Зачем вы здесь? – Уна принялась ладонями вытирать мокрые щеки, и казалась совсем юной, обиженным ребенком.

– Вы не должны, одна... Вы не должны ходить в одиночестве! Брат будет недоволен, – бормотала она, шмыгая носом.

Убитая каким-то горем девчонка, и какая разница, сестра герцога она или дочка кучера. И вздумала учить Тьяну уму-разуму, выговаривать, что та ходит в одиночестве.

– Уна, что произошло? – повторила Тьяна. – Кто вас так огорчил?

– Ах... это семейное дело!

– Может, я ещё и не стала настоящим членом семьи, – заметила Тьяна негромко, – но считать меня другом вы уже как-то обещали. Правда, там было условие, конечно.

– Да-да, – девушка последний раз шмыгнула носом, глубоко задышала и выпрямилась, – простите, Тин. Моя жизнь кончена.

– Никакое горе не означает конца жизни, кроме самого конца жизни...

– Король решил расстроить мою помолвку и объявить другую. Король имеет право, вы знаете.

– Да, – кивнула Тьяна, придвинулась ближе и обняла девушку, – Уна, дорогая. Я сочувствую. Но помолвка уж точно не конец жизни.

– Но я люблю! Клайда Каридана. И он любит меня! А короля не переубедишь, если он решил! Наверное, он поэтому и явился, объявить о решении. Я должна буду уехать в Кандрию.

– Кто же новый жених?

– Второй принц.

То есть король решил, что Уна Айд должна выйти замуж не за второго сына графа Каридана, а за второго сына короля Кандрии. Конечно, это куда лучшая партия для единственной сестры герцога Нивера. Кто же станет в таком слу-

чае брать в расчет, скажем, любовь? А король приехал не только поучаствовать в их с Валантеном свадебной церемонии, но и решить с помолвкой Уны.

– А вы сказали об этом герцогу? – спросила она. – О нежелании выходить на принца.

Та закивала, и её глаза опять налились слезами.

– Не надо плакать, Уна, – Тяня крепче обняла её. – Это совсем не помогает. Зато можно надеяться, что всё ещё повернется хорошо. И даже принц может оказаться... – она осеклась, сообразив, что говорит совсем не то.

Безразлично, каким окажется принц, если её юная золовка влюблена в другого.

Уна отодвинулась, искоса взглянула на Тяню, провела по носу тыльной стороной ладони. А ведь наверняка гувернантки когда-то твердили ей о недопустимости таких жестов. Сколько же в жизни условностей!

– Тин. Скажите мне. Вы действительно довольны, что вышли за Валантена?

– Да. Я кажусь вам недовольной?

– Вы были незнакомы. И приехали сюда, зная о нём ужасное! И вам так просто было смириться.

– Я не знала о нём ничего ужасного. Только о его внешности, но стоит ли тут настолько ужасаться? И мы с ним договорились. Вы же знаете, Уна.

– Да. Но вы можете быть такой бесчувственной. Я просто завидую вам, Тин. Вы вышли замуж из-за десяти тысяч...

такая небольшая сумма. За моего брата, хотя за него никто не желал выходить замуж. И вы довольны.

Да, леди Уна сказала лишнее. Но она искренне так считает. И все так считают, а сказать или промолчать – так ли это важно?

Тьяна села прямее.

– Получилось, что судьба моей семьи зависит сейчас от этой небольшой суммы, леди Уна, – сказала она. – И жизнь моего брата тоже зависит. Видимо, лучше было бы мне скончаться от избытка чувств сегодня к утру. Все так этого ждали. Меня бы радостно похоронили, ну и...

– Что вы говорите? Радостно похоронили? – раскрыла глаза сестра герцога. – Ну и шутки у вас, Тьяна.

– Какие шутки? Здесь собралась знать Грета, чтобы веселиться. Неужели ради такой мелочи, как мои похороны, они изменили бы своим планам? – Тьяна улыбалась, потому что она шутила, конечно. – Моих друзей нет здесь. Я думаю, это были бы весёлые похороны. Может быть, только Валантену бы взгрустнулось... чуть-чуть. Но знаете, Уна, на излишне чувствительной мне он бы и не женился.

Не плакать же ей, в самом деле. Поэтому придётся смеяться. И шутить, в меру способностей.

– Но вы не должны так думать.

– А откуда вы знаете, как должны думать те, кто согласен выйти замуж за десять тысяч? – Тьяна поднялась со скамьи.

– Тин, простите! Я не хотела обижать вас, правда, – Уна

тоже вскочила, – пожалуйста. Мне просто больно, вот и всё.

– Пустяки, Уна, я не обиделась. А почему уехала графиня Каридан, вы знаете?

– Я даже не знала, что она уехала! – девушка пожала плечами.

Хотя, причина отъезда графини теперь была понятна, – конечно, это расстройство помолвки сына. Но она навестила их утром, и ни словом не обмолвилась, не пожаловалась на неприятность, была равна и приветлива. Пришла ради Тьяны, обещала помочь. Настоящая леди, что тут скажешь.

– А король уже уехал из Нивера?

– Да, рано утром, – дернула плечом Уна, давая понять, как не хочется ей говорить о короле.

– Может быть, король ещё передумает, и у вас будет прежний жених?

– Ах, если бы! – на мгновение лицо девушки осветилось надеждой, – я и не мечтаю о другом. Но король не передумает. Хотя однажды моя помолвка с кандрийским принцем уже сорвалась, из-за мамы. В Кандрии побоялись, что её заклятье опаснее, чем принято думать.

– Вот видите. А если бы что-то случилось со мной, это представили бы как последствия заклятья, и... – Тьяна внезапно замолчала, улыбнулась.

Остаётся надеяться, что до этого додумалась она одна. Да и не так глупы короли, чтобы верить басням.

– Вы шутите? – Уна побледнела.

– Да. Пожалуйста, не говорите этого никому. Вас ведь мне не стоит опасаться, Уна? Это я опять шучу.

И она отметила заодно, что сестра герцога больше не кажется такой несчастной и бледной. Хотя это хорошо.

– Благодарю вас, Тин, – сказала Уна, – мне уже легче. Вы умеете развеять печаль, да... хоть и немного необычно. Не обижайтесь, пожалуйста. Могу я что-то сделать для вас?

– Можете, – сразу согласилась Тяна, – одолжите мне книг, или покажите, где в Нивере библиотека. Иначе я действительно тут погибну, но не от чувствительности, а от скуки.

– Библиотеку вам лучше Хойр покажет. Я слышала, как они с братом говорили о том, что вам не стоит одной ходить по замку. А из меня, согласитесь, плохая защита. У меня есть книги, выбирайте что хотите.

– Отлично, – обрадовалась Тяна, хоть и отметила попутно ещё одно сокращение своих свобод.

Ей теперь не только нельзя, согласно договору, покидать Нивер, но и по самому Ниверу дозволено передвигаться лишь под конвоем. И трудно винить за это герцога, учитывая последние события.

– А можно ещё кое-что, Уна? Покажете мне, где находится секретное окно, в которое Валантен может смотреть на бал?

– Нет, Тин, простите, – заулыбалась Уна, – вдруг он рассердится.

– Хорошо. Тогда ответьте, он умеет танцевать? Или это

тоже секрет?

– Умеет. Раньше умел, во всяком случае. Когда был младше и не так выделялся ростом. У нас три раза в год устраивали бал в масках, специально затем, чтобы и Валантен потанцевал.

– А сколько ему лет? – немного смущенно спросила Тьяна.

Отчего-то до сих пор ей не приходило в голову этим интересоваться, а ведь Валантен – её муж.

– Двадцать шесть, – ответила Уна, – как и Овертине.

Получается, Валантен хоть и старше восемнадцатилетней Тьяны, но не слишком. Её брату двадцать три...

Герцогский замок был огромен, это не то, что можно считать просто своим домом. Здесь заблудиться не составило бы труда. И людей вокруг, как муравьев в муравейнике. И стража всюду. Рори, если сравнивать, казался теперь таким маленьким и уютным. Там все лица знакомые, не бывает чужих. Там никто никого не проклиняет и не заклинает, и не подкидывает зачарованные булавы.

В холле Уна подозвала мальчика-слугу, сказала:

– Передай эссу Хойру, что леди Айд побудет со мной. Я покажу ей книги.

Тьяна только улыбнулась. Как бы ни желал колдун даже спать неподалеку от неё на коврике, это не помешало ей в одиночестве погулять по парку, и идти сейчас куда-то в компании Уны. Или, может быть, упасть с какой-нибудь лестни-

цы, не говоря о том, чтобы свалиться в обморок.

Если постоянно беспокоиться, можно сойти с ума. Так что Тьяна решила, что лучше она не будет сильно беспокоиться. Она шла и старалась запомнить расположение залов и коридоров, и размышляла, как, к примеру, добраться оттуда до её собственных комнат?

Комнаты Уны напоминали Тьянины, но узкая дверь вела не в гардеробную, а в короткий коридор, который заканчивался просторной... нет, не комнатой. Это было что-то вроде большого балкона. Беглому взгляду предстал высокий шкаф с книгами, несколько кресел, рама с начатой вышивкой, раскрытый сундучок с нитками, много маленьких скамеечек – точно, это было место не для одиночества.

– Читаю я обычно здесь, – сказала Уна, – а осенью эсэ Ри, наш библиотекарь, лично явится забрать книги, чтобы их не забыли в сырости. Никому не доверяет. Конечно, в нашей библиотеке есть редкие и ценные книги, но не у меня. Я люблю читать интересные истории. Только такие, знаете, без благорассуждений и поучений на каждую половину страницы.

– Я тоже люблю именно такое, – согласилась Тьяна, – истории, и без поучений.

– Значит, выбирайте, – девушка радушным жестом показала на шкаф.

Заглянула горничная и передала Уне записку, та быстро пробежала её взглядом.

– Я отлучусь, не возражаете? Сюда никто не придет. Подождите меня.

– Конечно, Уна, – Тьяна уже оценила прелести этого места: размер шкафа, удобство кресла, великолепный вид во круг.

Главное, чтобы её не хватились из-за примерок платьев или других подобных «важных» дел.

Она листала книгу, присев на краешек кресла, когда звуки шагов и знакомый голос заставили её вздрогнуть.

– Вот, лучше здесь, – заговорил герцог совсем рядом. – А вообще, вся эта чушь про привидение у меня в кабинете! Ещё не хватало. Хойр, ты действительно не можешь разобратся?

– Я стараюсь, милорд. Но, возможно, должен буду просить о содействии.

– Ладно. А отчет я прочитал. Не вижу, чему порадоваться. Опять шаги. Скрипел пол.

– Хотел бы я, чтобы было иначе, милорд.

Они были рядом, за тонкой деревянной стеной. Как видно, там продолжался балкон, просто для Уны огородили его часть.

Тьяна затаила дыхание. Как же некстати. Если Уна сейчас вернется...

Кто-то шумно что-то передвинул, что-то хлопнуло и покатилося.

– Ах, осторожнее, прошу вас, – страдальчески простонала

герцогиня.

Ещё и она тут.

– Дорогая, если у вас опять мигрень, пойдите к себе и прилягте, – раздраженно бросил герцог, – Хойр, приготовь, наконец, для моей жены что-нибудь действенное!

– Я всё уже испробовал, – ответил колдун, – вам лучше обратиться к тому, кто специализируется на лекарском деле.

– Боюсь, мне поможет лишь палач короля, – заявила Овертина.

– Да, это очень эффективно, – невозмутимо согласился эсс Хойр.

– Ну и шутки у вас, дорогая. Я бы попросил немного думать, что говорите, – кислым тоном заметил герцог, – и тебя тоже, Хойр.

– Простите, милорд.

– Приготовь что-нибудь для сестры. Чтобы она была спокойна. Чтобы с ней можно было разговаривать.

– Мы только что встретили её на лестнице, милорд. Она казалась спокойной.

– Но посмотрела на меня, как на злейшего врага.

– Что я могу тут поделать, милорд?

– Сделай её послушной, наконец!

– Даже лучшее снадобье имеет и нежелательные свойства, милорд. И лучшие заклятья тоже. Я бы посоветовал справиться какими-нибудь простыми житейскими средствами.

– Какими? Запереть на замок?

– Да. И успокоительный эликсир, несколько капель, дней десять. Никакого колдовства, только Создателем данные целебные травы. Ещё миледи могла бы с ней побеседовать, как старшая сестра, скажем. Отсутствие матери и старших родственников плохо сказывается на характере вашей сестры, милорд.

– Как будто я без тебя этого не понимаю.

– Последнее время она не ладит с воспитательницами. Хорошо бы пригласить ей в дуэньи тётушку нашей леди Айд. Мне кажется, эта особа легко совладеет с любой взбалмошной девицей, даже не повышая голоса, и вы никогда больше не услышите жалоб на этот счет, милорд.

Тьяна сидела, боясь пошевелиться. Но улыбку не сдержала. Тётю Эллу сделать дуэньей Уны? Это было бы забавно. И уж она, Тьяна, не возражала бы.

– Леди Фан? Только через мой труп! – громко заявила Овертина. – Не хватало здесь ещё и её родственников. Ой, как болит, – простонала она со слезой в голосе.

– Дорогая, никто не настаивает, – сказал герцог, – к тому же Уна должна выйти замуж ещё до осени, так желает кандрийский дом. И идите отдыхать, прошу вас. Вечером бал, вы ведь не можете его пропустить? Хотя это не страшно, Тьяна попробует себя в роли хозяйки бала.

– Вы насмехаетесь надо мной, милорд? И не говорите так громко...

– Но кто-то же должен быть хозяйкой бала, миледи? – ска-

зал герцог тише, – ей следует учиться и такому. Она жена моего брата.

– Она только опозорится.

– Я бы этого не утверждал.

Тьяна перевела дух. Как ни обидны были слова герцогини, заменять ту на балу ей не хотелось. Это только кажется, что всё просто – встречай гостей и улыбайся.

Нет, не хотелось.

– Кстати, где она, эта ваша прекрасная леди Айд? – проныла Овертина, – я не видела её в парке. Я послала леди Лиамату – та её не нашла. Мне кажется, я забочусь о ней больше всех!

– Должно быть, у себя, – спокойно отозвался колдун, – была с леди Уной, мне доложили. Сегодня я повесил на неё такое мощное охранное заклятье, что повредить ей просто невозможно. Сниму, когда закончатся свадебные торжества.

– Тогда зачем его снимать? – удивился герцог.

– Побочный эффект, милорд. Под действием этого заклятья забеременеть невозможно. Но если это уже случилось, хвала Огню Животворящему, то вреда от него тоже не будет. Видите ли, бывает так сложно учесть все побочные эффекты, милорд.

– Так зачем вы накладывали такое заклятье? – сердито воскликнула Овертина, – что за легкомыслие? Помните, как вы наложили заклятье хорошего настроения на мою горничную? Она потом улыбалась, как безумная, целых полтора го-

да, и ничего нельзя было поделывать! Если вы так же не сможете расколдовать жену Валантена, зачем она будет нужна вообще?

— Этого не случится, миледи! — уверенно заявил колдун. — Тогда получилось сложение побочных эффектов, потому что девушка уже пользовалась одним снадобьем, я ведь объяснял...

— Хойр, да я тебе шею сверну за такое! — пообещал герцог. Как же непросто быть личным колдуном герцога Нивера.

— Все будет хорошо, милорд. Закончится празднество, гости разъедутся, станет тихо и спокойно. И тогда... Леди Айд прекрасно понимает, что требуется осторожность, милорд. Уверяю, с ней и без заклятий не будет проблем.

— Искренне на это надеюсь.

— Кстати, я бы советовал поощрять общение леди Айд и леди Уны. Мне кажется, это будет полезно вашей сестре. Уне не помешала бы такая подруга, милорд.

— Это какая же? — опять вмешалась Овертина. — Вы все как помешались, не видите простых вещей. Ах, эта леди Айд! Просто особа, готовая на все, раз ей заплатят! Её недалекий братец проиграл семейное добро, она без пяти минут нищенка. Из-за неё я потеряла лучшую портниху! И при этом она ведет себя, как принцесса крови! Хойр, да дайте мне уже вашего несчастного эликсира!

— Сейчас, миледи...

Тьяна нещадно комкала драгоценное кружево платья, не

замечая этого. Спокойный голос Валантена Айда прозвучал как-то слишком неожиданно:

– Овертина, ещё что-то подобное, и я выкину вас в окно. Это тоже вылечит мигрень.

Он там, оказывается. Молчал до сих пор, но был там, причём сидел у самой стенки, ближе к Тяне, чем герцог и остальные. И это не он топал и ронял что-то – Валантен без обуви двигается бесшумно...

– Кайрен, вы слышали, что он мне сказал? – со слезой в голосе простонала Овертина.

– И не смейте задевать мою жену, все равно как, вам понятно? За мой счёт можете развлекаться и дальше, мне безразлично, – он говорил спокойно и немного насмешливо.

– Овертина, любовь моя, – утомленно сказал герцог, – он уже столько раз мог выбросить вас в окно, что я не беспокоюсь. Но тоже прошу всячески избегать, э... неосторожных высказываний в адрес нашей невестки. Ведь она может стать матерью наследника. Прошу вас, отдохните и перестаньте киснуть.

Ещё какие-то голоса, шум... Слышно было, как удалилась Овертина.

Если некоторое время назад Тяна прикидывала, как тихонько сбежать, чтобы не скрипнуть половицей, то теперь она сидела, не шевелясь, и ждала, что они скажут ещё. Подслушивала, да. Неподобающее для леди занятие. Для воспитанной эссины тоже неподобающее. И сейчас вернётся Уна,

уже вот-вот, наверное.

– Ты наведишь жену сегодня? – спросил герцог.

– Не собирался. А что?

Чуть хриплый, негромкий голос Валантена, и приятный, раскатистый баритон герцога.

– Почему не собирался?

– Ты малец несмышленный, чтобы я тебе объяснял, а, старший братец?

– Просто миндальничаешь? Других причин нет? Ну и зря тогда. Не такая она нежная фиалка. По крайней мере, не желает такой казаться, а?

– Брат. Я женился потому, что это нужно тебе, – четко, раздельно сказал Валантен. – Только поэтому. Но тебе не нужно говорить мне, что делать с женой.

– Я и не собираюсь. Но хочу услышать о её беременности хотя бы к Новогодью. Постарайся.

– Постараюсь.

Это было лишь для мужских ушей. Тяне казалось очень странно слышать, как о столь личном так деловито и откровенно говорят мужчины. Не нужно ей было вообще сюда приходить...

Подумаешь, книги.

– Не задевай Овертину лишний раз. У неё теперь мигрень чуть ли не ежедневно.

– Я её задеваю? Я сидел тихо, как мышь под метлой.

– Как считаешь, для неё действительно так мало значит

твой вид, или она умелая комедиантка? – продолжал герцог, теперь, конечно, имея ввиду Тяну. – Многие ждут, когда же она себя выдаст хоть чем-нибудь. И когда все уже разъедутся, наконец?

– Я не знаю, – сказал Валантен. – Брат, отстань, а? Тебе что, тоже любопытно?

– Мне всё равно. Пусть я узнаю о её беременности к Новогодью. И достаточно.

Они ушли, кажется. Стало тихо.

Итак, он не собирался увидеться с ней сегодня. Потому что. У него есть свои соображения, о которых старший брат, видимо, должен догадываться. И он миндальничает с ней, как с фиалкой. А она то ли не фиалка, то ли комедиантка.

В сущности, она ведь не услышала ровным счётом ничего действительно нового или неожиданного. Но... как глупо было просить у него розу, одну, но из его рук. Решила поиграть. Но она так мало смыслит в правилах этой игры!

Не надо придумывать то, чего нет. Не надо усложнять. Пусть будет что будет, вот и всё. Согласно подписанному договору. Наследник для Айдов...

Уна вбежала радостная.

– Тяна, простите, простите. Я задержалась. Приехал Клайд, ненадолго, – она понизила голос почти до шёпота, – мы поговорили немного. Он надеется. Он почти уверен. Тяна, неужели это возможно?

– Что помолвка с принцем расстроится? Наверное, раз он

уверен, – пробормотала Тьяна, – я очень рада за вас.

Она так и продолжала держать в руках одну из книг, уже забыла, какую.

– Вы выбрали книгу, – заулыбалась Уна, – о, я одобряю, забирайте. Там привезли бальное платье, я тоже хочу посмотреть, можно?

– Можно, конечно. Пойдемте.

Кто бы мог подумать, что примерять новые платья так быстро надоедает?..

Да, и не стоит всё-таки леди подслушивать чужие разговоры. Это только портит настроение, а толку никакого.

Глава 9. Первый бал и ненужные новости

На бал, первый свой бал в качестве леди Айд, идти не хотелось. Даже в чудесном платье. Но избежать этого было совершенно невозможно.

Когда парикмахер закончил возиться с прической Тяны и ушел, леди Фан, наблюдающая за приготовлениями, отпустила горничных. Сама она тоже была полностью готова – ей на это требовалось удивительно мало времени.

– Что с тобой, девочка? – она подошла, положила руки на плечи племянницы. – Что тебя огорчило?

– Ничего, тётя. Это глупо, поверь.

На этот раз её волосы слишком сильно стянули. И следовало сказать об этом сразу, чтобы быстро поправить, она отчего-то не сказала. Теперь уже не поправишь, но ничего, ощущение неудобства скоро должно пройти. К этому привыкаешь.

– Эсс Хойр утверждает, что мы, женщины, хотим, чтобы нас любили. Даже если не собираемся любить сами, – сказала она.

– Может быть, и так, – тётя посмотрела с интересом, – он полагает, что мужчины этого не хотят. Ладно, его право. Но при чем здесь твоя грусть?

– Я не знаю. Правда, не знаю.

– Ты усомнилась, что твой муж полюбит тебя? Сама же при этом любить не собираешься, и считаешь, что тут ты в своем праве? Да, есть отчего огорчаться.

– Тётя, я разве говорила такое?

– Ты ничего не говорила. Так что же случилось?

– Я их случайно подслушала... – и она быстро пересказала всё, это оказалось несложно, потому что запомнила она почти дословно.

И не хотела, а запомнила.

– Так. Девочка, твой муж нравится мне всё больше, – с улыбкой сказала леди Фан, – а что тебя огорчило, я не поняла. Так что же? Просто то, что они говорили о тебе? Или слова герцогини? Но я пока не ждала бы от неё чего-то иного. Сожалею, но это так.

– Я тоже не ждала.

– Значит, твой муж и герцог. Знаешь, мужчины между собой иногда говорят о женщинах так. Отцы и старшие братья считают нужным поучать младших в этом вопросе. Валантен ведь много младше герцога. Это всё достойно улыбки, и не более того, дорогая. К тому же, лорд Айд не стал откровенничать. Ты разве никогда не слышала, как твои кузены, к примеру, небрежно рассуждают о девушках? Я надеюсь, они не делали этого слишком небрежно.

– Нет, – Тьяна тоже улыбнулась, – не слишком. Но... тётя, они, то есть Валантен и герцог, обсуждали, посетит он меня

сегодня или не посетит. Валантен... не посетит. Но почему он говорил об этом с братом? И... почему?

Леди Фан не выдержала, рассмеялась.

– Он просто ответил на вопрос. Возможно, потом передумает. Но лучше бы не передумал. Видишь ли, отчего-то недалекие мужчины считают, что если женщине и бывает больно первый раз, то уж во второй он может ни в чём себе не отказывать, а она должна испытать восторг. Но любая рана обычно заживает дольше одного дня. Скорее всего сегодня тебе тоже будет больно, и придётся потерпеть, и может пойти кровь. Ты этого хочешь?

Тьяна не ответила, потому что не знала ответа. Вчера ей было не только больно. Было ещё кое-что, ради чего она могла бы и перетерпеть некоторые неприятные моменты. Но... ей, да, не хотелось, пожалуй.

Действительно, так очевидно. А она даже не подумала о самом простом объяснении.

«Ты малец несмышленный, чтобы я тебе такое объяснял, а, старший братец?»

И что имелось в виду под «миндальничать» и «не миндальничать», теперь тоже стало понятно.

Да, конечно, то, что они говорили вот об этом... О ней...

Тьяна отвернулась, чтобы тётя не видела её покрасневших щек. Теперь бы ещё суметь без смущения посмотреть на герцога.

Они ведь говорили не с ней и не для неё. И о любой жен-

щине можно сказать в точности то же самое. А она... да, она нежная фиалка.

Тётя отошла, присела на край кресла.

– Тин, – тихо сказала она. – Сложно, конечно, судить о том, кого не знаешь. Но вот что я думаю. Любой другой мужчина был бы достаточно хорош для того, чтобы ты с чем-то смирилась, как и любая женщина – по его мнению. А Валантен Айд, должно быть, полагает... Я хочу сказать, что, возможно, он пытается быть для тебя лучше, чем кто-то другой, хотя бы в том, что в его силах. Он не желает допустить, чтобы тебе с ним было плохо или больно. Если это так, то тебе могли бы завидовать многие женщины, Тин.

Тьяна смотрела недоверчиво.

– Тин, вы пока ничего не должны друг другу, – добавила леди Фан, – кроме того, что написано в договоре. Радуйся, если можешь, и не придумывай причины огорчаться. А любовь... её вообще никто и никому не должен. Мало ли чего хочется. Мир стоит на том, что люди помнят свои долги и обязанности, – она встала, подошла к зеркалу, поправила платье, поёжилась, словно откуда-то потянуло холодком.

Нет, не потянуло. За окном стоял тёплый летний вечер.

Женщина из зазеркалья вдруг взглянула на неё с упреком, и скорбная складка легла меж её бровей.

То, что она объяснила сейчас этой девочке – это ведь правильно?

Ну, да. Нежная фиалка...

Ничего, она повзрослеет. Она и без того не так уж наивна. Но лучше бы ей взрослеть быстрее. Одно дело, выйди она замуж за сына соседей, и совсем другое вот так. Богатое герцогство Нивер, родство с королевским домом, титул, пусть и недоступный лично ей, но обещанный её сыну – это всё не обещает покоя и безопасности.

Леди Фан было тревожно. И причины ясны, тут и гадалка с бубном не нужна.

Гадалка с бубном. А хорошо бы спросить у такой гадалки. Их ответы трудно бывает понять, но иногда и удаётся. И леди Фан знает одну такую, у которой точно следовало бы спросить. Конечно, про секреты заклатья лорда Айда тетка Айнора ничего не скажет, но это и не интересно. Леди Фан не интересно, во всяком случае.

Только когда ещё получится с ней поговорить?..

В дверь постучали. Им пора.

Музыка, волна ароматов, сияние свечей в огромной люстре. Свечи здесь горят так долго, не иначе эсс Хойр посоедействовал. Тётя Элла, кажется, размышляет о чем-то своём. А взгляд герцога – внимательный, и одобрительный, пожалуй.

– Не перестаю восхищаться вами, дорогая невестка, – это так искренне прозвучало.

– Благодарю, ваша милость, – и в ответ на поощрительную улыбку она поправляется, – Кайрен.

Он её родственник, брат мужа, но для неё было бы есте-

ственно обращаться к нему официально ещё много лет... всегда, может быть. Он герцог Нивер.

Она... она теперь невестка герцога.

Леди Айд приглашают на каждый танец, сначала герцог, потом лорд Вилен, племянник графини Каридан – он не уехал. Это и понятно, зачем ему менять планы?

– Тьяна, позвольте представить вам моего жениха. Лорд Клайд Каридан. Дорогой, это леди Айд, супруга моего брата...

– Миледи, я счастлив, – молодой человек в синем шёлковом костюме кланяется.

– Очень приятно, милорд.

Тьяна привычно ожидает ещё немного пустых любезностей, но он молчит, рассматривает её с улыбкой, с осторожным интересом. Ему лет двадцать или немного больше. У него приятное лицо, даже красивое, пожалуй, и серые глаза, а во взгляде, брошенном на невесту – теплая ласка и легкая горечь. А как посмотрит на Уну второй сын короля Кандрии, кто знает?

– Тьяна, позвольте Клайду потанцевать с вами, пожалуйста. Не надо, чтобы всё время со мной...

– Миледи, – он с поклоном протянул ей руку, она подала свою.

Танцевать так танцевать.

Где-то в середине круга, кланяясь в очередной фигуре медленного менуэта, Тьяна так отчетливо ощутила щекот-

ку между лопатками, что едва не обернулась. Потом обернулась, подгадывая движение к фигуре танца, и увидела напротив, в нескольких шагах, картину, изображающую черного дракона над одиноким замком. Старую, темную от времени картину.

Окно для подглядывания скорее всего за одной из картин, где же ещё? Но – за этой ли? И где отверстия, посреди полотна, где-нибудь на раме?

Еще поклон, смена кавалеров, и снова щекотка между лопатками... Когда рядом опять оказался Клайд Каридан, они, танцую, как раз подошли к той картине близко. Тяна не удержалась и внимательно оглядела полотно. Ничего не видно. Нужно приблизиться ещё...

– Всё правильно, миледи, – тихо сказал лорд Клайд, – именно здесь. Если вы, конечно, имеете в виду... – они обменялись понимающими взглядами.

– Пошутить над Валантенем мне всегда в радость, миледи, – шепнул он, – мне от него тоже доставалось. Если выйти из зала с этой стороны, там коридор, третья дверь, и Ривер точно где-то поблизости. Он не захочет пустить без доклада. Как бы вам помочь? Скрутить Ривера и выломать дверь? Там только задвижка.

– Ничего не надо, – улыбнулась Тяна, – благодарю вас. Проводите меня, пожалуйста, вон до тех кресел, у меня что-то кружится голова.

Она вовсе не была уверена, что поступает как надо. Но то,

что Валантен прятался от неё на праздновании их свадьбы, тоже было неправильно. И она вовсе не обязана поступать только правильно, и никак иначе – в договоре об этом ни слова, во всяком случае. Значит, можно расслабиться и не обдумывать каждое слово и каждый шаг.

У двери в коридор ей преградил дорогу стражник.

– Я леди Айда, жена Валантена Айда, – сказала она твердо, – мне нужно пройти.

Если бы ещё и чувствовать себя так же уверенно...

Её пропустили.

Ривера нигде не было видно. Третья дверь оказалась приоткрытой, Тьяна толкнула её. Они оба были там, Ривер и Валантен, оба повернулись на звук её шагов.

– Миледи! – воскликнул Ривер, а Валантен махнул рукой, приказывая ему уйти.

Тьяна осталась.

Они стояли друг напротив друга. В его глазах была то ли растерянность, то ли... но сердитым он не был точно.

– Тьяна, – сказал он, наконец, тихо, – это заговор против меня?

– Похоже на то, милорд.

– От Кариданов можно ожидать...

– Я виновата не меньше. Вы не хотите меня видеть, милорд? Я нарушила ваши планы?

– Тьяна. Мне очень приятно вас видеть, – он осторожно улыбнулся.

– Тогда я могу присесть? – она пересекла комнату и села в кресло, – а можно попросить у вас немного лимонада? – она показала на кувшин на столе.

– Это вино, Тьяна, – он налил ей в стакан, – очень легкое, но вам не стоит увлекаться. Всё же попробуйте. Это из наших виноградников. Оно из лучших в Грете.

Она отпила немного из стакана. Вино было золотистым и пахло фруктами и совсем немного медом. Вкусное вино.

Валантен подошёл к двери, приоткрыл, что-то сказал, вернулся и стал позади Тьяны, за креслом.

– Сейчас принесут лимонад, – сообщил он. – Вы понимаете, миледи, в том, чтобы очаровывать женщин, я полная бесполочь.

– Я понимаю, – охотно согласилась она, развеселившись, – но теперь есть я. Упражняйтесь сколько угодно. Или я не гожусь вам в этом качестве?

– Вполне годитесь, – он улыбался, она слышала это по голосу, – даже более того. Очаровать вас, должно быть, увлекательная задача, миледи. Поможете мне её решить? Я хочу сказать – подсказывать будете?

Он принял её игру.

– Подсказывать? – она стремительно обернулась к нему, едва не вскочив, он мягко удержал её, вынудив снова отвернуться.

Она ощутила еле уловимое прикосновение к волосам, к завиткам, выпущенным из причёски. И подчинилась. Эта его

блажь, чтобы она не смотрела на него... очень странно, конечно, но если ему так проще...

Его туфли валялись в углу, из мягкой дорогой кожи и устрашающе большого размера, и чулки там же. Значит, он пришёл сюда, зачем-то одевшись как подобает. И снял всё это, чтобы не мешало. И наполовину расстегнул камзол, была слишком видна рубашка, отделанная тонким кружевом. Рядом с женой необязательно застегиваться на все пуговицы. Он и не стал.

– Мне не хотелось бы сильно вам докучать, – начала она, соображая, что можно сказать, – правда, не хотелось бы. Говорят, вы любите одиночество. И чтобы вам не мешали. Но всё же мне бы хотелось видеть вас чаще, чем теперь. Перед свадьбой вы устроили нам свидание. А после свадьбы вам уже не хочется свиданий? Видеть меня иногда в спальне – этого достаточно?

– Как вам сказать, Тьяна... – кажется, он ощутил легкое замешательство.

– Я понимаю. Тогда вам хотелось уговорить меня отказаться от помолвки. А теперь, получается, не о чем уговаривать? – это сошло бы за речи очаровательной простушки, если бы не лукавый взгляд, который она бросила на него через плечо.

– Не о чем уговаривать?.. – повторил он, – нет, причины я придумаю, конечно.

– Вот видите. Так почему бы нам иногда не встречаться,

чтобы поговорить, и выпить кофе, например. Я хочу узнать вас получше, раз вы будете отцом моих детей. Как-то странно заводить детей с незнакомцем, вы не находите?

– Хм. Даже не знаю, что тут возразить, – и опять она почувствовала легкое прикосновение к волосам, – то есть вы не боитесь узнать меня получше?

– Боюсь ли я? – она опять чуть не обернулась, но его руки на мешали, – мы вроде это уже выясняли. Милорд, вы сказали как-то, что не кусаете юных эссин. Вы солгали? Или кого вы кусаете?

– Хм. Никого, Тьяна.

Она прикусила губу, чтобы не спросить, кого он выбрасывает в окно...

– Так вы ничего ужасного не вытворяете тайком от всех под покровом ночи? И готовы поклясться в этом?

– Нет, Тьяна. Клянусь честью Айдов, – кажется, он сдерживался, чтобы не смеяться, но улыбался определенно.

Это было даже интересно, догадываться по голосу, что он чувствует, смеётся или нет.

– Тогда чего мне нужно бояться? Если я вышла за вас замуж и задолжала вам детей, это должно означать, что я вам доверяю и не боюсь?

– В идеале конечно. Но в нашем случае...

– Вы мне солгали. Вы все-таки кого-то кусаете, должно быть.

– Тин, я пытаюсь понять, вы постоянно смеётесь надо

мной?..

Она вздохнула:

– Совсем немного, милорд. Но сказать всё это серьезно мне отчего-то трудно. Говорить это со слезами на глазах вроде бы нет повода. Остается так. Вам не нравится?..

– Как раз нравится. Продолжайте, миледи. Хотите ещё вина?

Она согласилась. Лимонад им нести все равно не торопились, а пить хотелось.

Валантен опять налил немного вина в стакан и подал Тяняне, оставаясь позади.

Опять прикосновение к волосам...

Он забавлялся её локонами, но трогал их почти неуловимо.

– У вас дивные волосы, Тяняна. Но их испортили такой прической.

И она почувствовала, как выскользнула одна шпилька, другая... медленно.

И третья тоже, все шпильки, державшие на волосах фероньерку с изумрудной подвеской: золотая цепь с крупными плоскими звеньями, подвеска в виде капли с изумрудами, из шкатулки, присланной Тяняне к балу от герцогини и тщательно проверенной колдуном.

– Мне казалось, было красиво.

– Ужасно. Возможно, мой вкус оставляет желать... но ужасно, правда, – Валантен погладил пальцем её шею, от за-

витков на затылке до выреза платья, — если их освободить...

Он бросил фероньерку и шпильки на стол, и потянул следуюшую шпильку.

— Милорд, — попробовала обернуться к нему Тьяна, он опять не позволил.

— Не беспокойтесь, миледи. И не возражайте, мы всё потом поправим. Позовем парикмахера, горничных.

Ещё одно на сегодня испытание парикмахером Тьяна охотно уступила бы кому угодно. Но она подчинилась, сидела не шевелясь, пока он не спеша вынимал шпильки из её причёски, и локоны распадались. Иногда его пальцы, словно забывшись, проходились по её шее, и приятная щекотка разбегалась легкой дрожью по спине и плечам. Освобожденные волосы, до этого слишком перетянутые причёской, рассыпались под его руками, кожу головы покалывало. Затейливую плетенку из волос по бокам, на которую ушло больше всего труда, Валантен распустил также не торопясь, пропуская волосы между пальцами. На мгновение его ладонь мелькнула перед её лицом — гладкая коричневая кожа, короткая бурая шерсть с тыльной стороны, темные, почти черные когти. Вспомнилось, как эти когти вдруг удлинились, оставив борозды там, на берегу, покрытом смесью песка и мелкой гальки. Она отчетливо вздрогнула от этого воспоминания, его ладони тут же легли ей на плечи.

— Что такое, Тьяна?

— Ничего, милорд. Совсем ничего.

Она сказала ему, что доверяет. Значит, не надо думать о таком. Какая разница, есть ли у него страшные когти, если эти когти лишь иногда царапают песок и гальку?

Только песок и гальку.

– Вот так гораздо лучше, – сказал он наконец, – у вас действительно чудные волосы, Тьяна. И их так много.

– Согласна. Мне тоже так больше нравится. Кстати, ваши волосы тоже длинные и их много, но вам не нужно делать причёски – да вы просто счастливчик, милорд.

– Странно, это как-то не приходило мне в голову, – похоже, он опять смеялся.

И вдруг сказал:

– Я весь день думал о вас, Тьяна. Вспоминал. Кажется, и минуты не было сегодня, когда я не думал о вас.

– Вы ждали вечера, чтобы со мной увидеться, – сказала она, чуть запнувшись.

Вспомнилось, как эсс Хойр заявил, что Валантен «чует» его даже из-за какого-то магического полога. А тогда, на балконе, он был так близко – и что же?..

– Нет. У меня есть кое-какие дела сегодня. Простите.

– Хорошо. Я понимаю. У мужчин бывают дела.

Герцогу он сказал: «Ты малец несмышленный, чтобы я тебе такое объяснял?..» и это был намек не на дела. Но ей он, конечно, не скажет об этом. Хотя её это прямо касается, в отличие от герцога.

– Правильно, Тьяна. Бывают дела. Но вряд ли даже дела

заставят меня не думать о вас. Мне так кажется.

– Мне это приятно, милорд.

Он взял её руку с подлокотника, быстро поцеловал пальцы.

– Почему вы хотите видеть меня, Тьяна?

– Мне просто скучно без вас, милорд.

– Мне это тоже приятно, – и легкая такая усмешка...

Тогда, в храме, после венчания, им ведь точно хорошо было вместе. Недолго, да, несколько минут, а потом пришлось расстаться.

Говорят, иногда обряды в храме оказывают необычное, подчас неожиданное действие. А в этом даже не было ничего неожиданного, это ведь было венчание, они стали мужем и женой. И всё так непросто, в то же время.

– Значит, вы не против иногда заниматься со мной вместе чем угодно, кроме выполнения супружеского долга.

– Именно так. Разумеется, если это не опасно. Например, его милость сказал, что мы не должны кататься на лодке.

– Он считает, что кататься на лодке со мной опасно? – кажется, Валантен всерьез удивился, – Тьяна, но это чепуха. Конечно, я буду катать вас на лодке, если хотите.

– И даже эсса Хойра с собой не возьмем?..

– Что? – он легонько сжал её плечи, – Тьяна, это вы опять смеетесь?

– Я же объяснила, что заплакать у меня не получится.

– Тьяна.

Его руки были сухими и очень теплыми, и она больше не вспоминала, какие на них когти.

В дверь постучали:

– Лимонад, милорд!

Валантен подошёл, принял из рук слуги кувшин, вернулся на место.

– Милорд, мне бы хотелось, чтобы вы всегда находили время выпить со мной кофе и поговорить немного. Даже если у вас дела. И всё.

– Хорошо, Тьяна. Так и будет, – он опять пропустил её волосы между пальцами.

Они действительно были густыми, пышными и длинными. Пожалуй, были лучшим, что ей досталось из внешности.

Тем временем отзвучали уже несколько танцев. Начался опять менуэт, последний за вечер. И самый затейливый.

– А вы можете пригласить меня на танец, милорд?

– Э... на танец? Здесь?

– Но мне ведь нельзя появиться в зале растрепанной. Значит, придётся здесь.

Она притворилась, что причина в ней, а не в нём – тоже шутка, если угодно.

Он колебался.

– Тьяна, это плохая идея. Я тяжелее любого из ваших прежних кавалеров, и если наступлю вам на ногу...

– Я проведу завтрашний день в постели с книгой. У меня будет повод. Пожалуйста, милорд.

Он не стал утверждать, что не умеет танцевать, Тьяна это отметила. Наверное, все тут знают, что он умеет, вся семья, во всяком случае. К тому же во время менуэта не много шансов отдавить ноги.

– Вы позволите мне не обуваться? Так ваши ноги будут в большей безопасности.

Неправда, просто ему легче двигаться без туфель. А может, всё так и есть, если обутый он неловок...

– Сколько угодно, милорд. Хотите, я тоже разуюсь?

– Зачем?..

– У меня острые каблуки. Вдруг я тоже наступлю вам на ногу.

Он не таясь расхохотался, обошёл её кресло и поклонился.

– Миледи. Позвольте пригласить вас.

– Да, милорд.

Она потянулась за шпильками, чтобы собрать волосы в узел, он отвёл её руку, помешав.

– Не надо. Пусть будет так. Я прошу, Тьяна, – и поклонился опять, этот поклон уже был фигурой танца.

И она подала ему руку, тоже присев в танцевальном поклоне.

Валантен явно умел танцевать, но сбивался поначалу, как человек, который мало занимался этим последнее время. Его размеры и высокий рост тоже были непривычны Тьяне, но очень скоро перестали мешать. Он двигался очень легко, он

вообще легко двигался. Музыка звучала, и они танцевали.

Два танца спустя в дверь забарабанили.

– Милорд! Важное письмо, милорд! Вас срочно ожидает герцог!

Они остановились посреди комнаты, растерянно глядя друг на друга.

– Что-то случилось, милорд?

– Не думаю, – он пожал плечами, и Тьяна опять отметила, как велики его плечи, и как странен этот человеческий жест в его исполнении, – что бы могло случиться?

– Бал всё равно скоро закончится. Велите кому-нибудь проводить меня до покоев, пожалуйста, – она все-таки собрала волосы в узел, прихватила со столика остальные шпильки и фероньерку.

Он поймал её незанятую руку, быстро поцеловал ладонь:

– Спасибо, моя леди. И доброй ночи. Увидимся завтра. И вот что ещё, назовите меня по имени. Прошу вас.

Тьяна смутилась, сообразив, что весь вечер звала его лишь милордом.

– Валантен, – сказала она, – доброй ночи, Валантен.

Следующее утро опять началось с визита колдуна. Когда Тьяна вышла в свою переднюю, там пахло кофе, Хойр сидел в том же кресле, мотал ногой и прихлебывал из чашечки – видимо, сам посылал на кухню за угощением.

– Доброе утро, миледи. Как спали?.. – он поспешно поста-

вил чашечку и вскочил, поклонился.

Кофе на доньшке был густой, чёрный.

– Доброе утро. Благодарю, эсс Хойр, я замечательно спала, – она присела на стул напротив и попросила кофе и всё, к нему полагающееся.

Первая мысль, что в любой момент можно заказать себе и это лакомство, и много чего ещё, была, конечно, приятной. Но сразу же она подумала и о завтраке в компании важных персон, который грядет следом... и отнеслась к этому довольно спокойно. Ну, герцогиня скажет что-нибудь не слишком любезное. Или не скажет. Даже интересно, как всё получится на этот раз.

Её муж безо всяких словесных экивоков пообещал выкинуть герцогиню в окно, если она станет «задевать» Тяну, зато предложил сколько угодно «развлекаться за его счет». То есть он прекрасно знает, как она «развлекается», и смотрит на это спокойно. Конечно, он не станет никого выкидывать на самом деле, но...

Было приятно, что он так сказал. Хотя Тяна никому бы в этом не призналась.

Накануне она действительно сразу уснула и спала без сновидений. Конечно, сказалось и выпитое вино, которое перед этим подогрело их с Валантенем свидание...

Они разговаривали, Тяна его дразнила, интересовалась, не кусает ли он кого-нибудь. Наверное, в другой ситуации она вела бы себя скромнее. Он распустил ей прическу... он

умудрился так распустить ей причёску, что это было сродни тому памяtnому лечению царапин. И, собственно, ради этого всего и стоило ходить на свидания. Исполнение супружеского долга всё же не казалось настолько привлекательным, чтобы иметь собственную ценность. А вот прочее...

– Очень рад, миледи. Могу только позавидовать, – вздохнул Хойр. – У меня для вас сообщение, миледи.

– Не очень приятное, как я понимаю?

– Как сказать. Собственно, у меня два сообщения. И одно может означать нечто очень радостное. Второе же, пожалуй, неприятное, но я пока не понял, насколько оно вас касается.

– Начните с неприятного, – предложила Тьяна, – а хорошее пусть будет десертом.

– Привидение, миледи, – колдун виновато посмотрел на неё, – по замку, кажется, бродит привидение. Его видели здесь, на верхних этажах. Вчера в кабинете герцога, а потом ещё вечером, в спальне одной гостыи.

– В спальне? – Тьяна поёжилась, – да, неприятно. Но почему это может иметь отношение ко мне, эсс Хойр?

– Оно объявилось с вашим появлением. С вашим появлением в семействе Айдов, я хочу сказать. Не хочу пугать, миледи, но лучше вам знать: незадолго до кончины леди Тьяну... вашу свекровь, то есть, тоже навещало привидение, она очень его боялась.

– Понятно, – Тьяне уже расхотелось кофе со сливками, – а вообще, в Нивере есть приведения?

– Это скользкая тема, миледи, – колдун опустил глаза, – мне рассказали здесь об одном древнем привидении, но я так и не смог обнаружить его след, хоть и пытался. Думаю, его больше нет, остались лишь легенды. Но то привидение, шестнадцать лет назад – оно имело место быть, миледи. Оно оставляло отчетливый след. Я полагал, что благополучно изгнал его из Нивера. Возможно, теперь появилось оно же, хотя не факт, конечно. Но пока оно для вас не опасно. Ничего не бойтесь, мы решим этот вопрос. Просто, если заметите, сразу скажите мне. А сами постарайтесь к нему не приближаться.

– Хорошо, эсс, – сразу согласилась Тьяна.

Она не сомневалась, что вполне обойдется без близкого знакомства со здешними привидениями. Дома, в Рори, тоже была своя легенда про привидение, якобы старую даму, то ли жену, то ли бабушку владельца замка. Тьяна считала, что в то привидение никто не верил всерьез, хотя по вечерам у камина истории о нём охотно слушали все.

Кто же верит в истории, которые рассказывают вечерами у камина?

Кофе принесли, и Тьяна всё-таки налила себе чашечку, положив меда и сливок. И добавила черного в чашку колдуна, тот благодарно кивнул.

– Эсс, вы сказали, что привидение пока не опасно. Временно не опасно? Почему? – уточнила она.

– Видите ли, миледи, – колдун посмотрел ещё более вино-

вато, – пока длится празднество, и в Нивере много гостей, я для вашей безопасности наложил на вас охранное заклятье. Не думаю, что для вас сейчас что-то может быть опасно, тем более привидение, которое бесплотно. Хотя, конечно, некоторые способны тянуть силы, что плохо. Но вы защищены. Главное, просто не бойтесь.

– Хорошо, – согласилась Тьяна, – а потом вы снимете заклятье, потому что оно чему-то мешает?

Главное про заклятье она уже знала, но пусть колдун скажет сам, чтобы не пришлось прятать от него эти знания.

– О да, миледи, – закивал колдун, – оно защищает вас и от беременности в том числе, что недопустимо. Поэтому его следует снять. И ещё одно...

– Ещё?..

– Ваш супруг пожаловался, что не чувствует вас должным образом, и ему это не нравится. Например, он не услышал ваше приближение вчера... вы понимаете. Вечером, во время бала. Пожалуй, я всё-таки с вами излишне разговорчив, миледи.

– Понятно, – кивнула Тьяна, – спасибо, что объяснили, эсс.

На самом деле она поняла также и то, почему Валантен не почувствовал её раньше, на балконе, когда она подслушивала. Он ведь был так близко. А дело в охранном заклятье.

Вообще, а как он «чувствует»? Ощущает запах? Как животные? И каково ей будет рядом с мужчиной, чутьё которо-

го острее человеческого? Ей стало как-то неудобно.

– В натуре лорда Айда немало звериного, миледи, – мягко объяснил колдун, словно подтверждая её мысли, – в этом, вероятно, и есть смысл его заклатья. Но он умеет это прятать, практически не показывая. На нём, вообще, чрезвычайно интересное заклатье, миледи, хотелось в нём разобраться.

– Вы считаете, что заклатье всё-таки можно снять?

Колдун помолчал, рассматривая свои руки, потом сказал:

– Мой интерес сугубо научный, миледи. Нам известно лишь то, что было в записке, полученной герцогиней. И разобраться в заклатье не означает его снять. Если существуют другие условия, о которых не упомянуто в той записке – тогда конечно. Пока нам известно, что снять заклатье могли двое: покойный герцог и влюбленный в покойную герцогиню негодяй. Собственно, как раз об этом хорошая новость, которую вы отложили на десерт. О снятии заклатья с лорда Айда.

– И что же? – Тяне даже дышать расхотелось, – выяснилось, что есть неизвестные условия?

– Нет. Но появилась надежда, что тот человек жив. Да, тот, который наложил заклатье.

– А есть вероятность, что он до сих пор любит покойную герцогиню?

– А?.. О да, миледи. Это самое сложное. Вы правы. Я не знаю. Пока лишь известно, что некое лицо попросило о встрече, и его милость бросил все дела и уехал в Гарратен.

С лордом Айдом.

– Они оба уехали в Гарратен, герцог и лорд Айд? – отчего-то эта часть новости удивила и задела Тяну сильнее всего, – они уехали?!

– Да, миледи. Я же говорю. Герцогская шнекка отошла ещё затемно. Они вернутся завтра, я полагаю, если другие дела не помешают. Его милость ещё при дворе могут задержать, конечно.

– Значит, лорд Айд все-таки иногда покидает Нивер.

– Очень редко, миледи. В исключительных случаях.

– Значит, лорд Айд может вернуться... совсем другим?..

– Я бы на такое не рассчитывал, миледи. Я понимаю, что это, должно быть, предел ваших мечтаний, но... Всё равно мы должны надеяться. К этому так стремился покойный герцог, и нынешний тоже хотел бы освободить брата от заклатья.

– Благодарю, эсс Хойр. Я поняла.

Это означало, что появилась какая-то реальная надежда. Раз герцог оставил всё и бросился в Гарратен. И ей бы, действительно, тоже следовало радоваться хотя бы немного... может быть.

Завтрак... Ничего, обошлось. Герцогиня сидела прямая, хмурая, всего лишь смирила Тяну равнодушным взглядом. Вообще, за столом было уныло – возможно, из-за плохого настроения хозяйки. Потом – прогулка в парке, шуты и ак-

робаты, живые картины на площади перед Верхним замком. Справедливости ради следовало признать, что раньше, оказись Тяна в таком месте, особенно с Дивоной и подругами, она бы не скучала. Зато сейчас её не веселили ни шуты, ни живые картины.

– Вы тоже не хотите играть в картины, Тин? – Уна подхватила её под руку и повела в боковую аллею, – вам Хойр рассказал про привидение? Какой ужас!

– Наверное, мы его и не увидим, – попробовала она утешить девушку, – и оно может оказаться безвредным, разве нет? Почему вы его боитесь?

– Говорят, оно приходило к моей маме и довело её до смерти.

– А если это уже другое привидение? Уна, скажите, а когда Валантен женился в первый раз, в Нивере тоже появлялось привидение?

Девушка удивленно взглянула на Тяну.

– Нет, не появлялось.

– А ведь тогда всё сложилось печально. Может быть, появление привидения не означает ничего печального?

– Вы так считаете?

– Конечно.

Тяна, если не лукавить, просто хотела бы на это надеяться.

– Тин, Клайд сказал мне вчера, что вы пошли к Валантену и после этого не вернулись на бал. Вы нашли его?

– Да.

– Правда? И чем же вы занимались? Хотя, прошу прощения, конечно...

– Мы разговаривали. Танцевали.

– Вы не шутите, Тин? – Уна восхищенно уставилась на неё.

– Уна, вы ведь знаете, что Валантен умеет и разговаривать, и танцевать. Разве что я помешала ему сидеть в одиночестве. Но он не сердился.

– Как интересно, жаль, что я не пошла с вами, – девушка хитро прищурилась.

– Мне зато не жаль, – рассмеялась Тяня.

Леди Фан стояла посреди аллеи и смотрела вслед племяннице и сестре герцога, когда звук шагов заставил её обернуться.

– Доброе утро, эсс Хойр.

– Леди Фан. Мои лучшие пожелания.

Колдун торопливо рассказал ей то же, что и Тяне накануне, про привидение и про отъезд герцога и лорда Валантена. Последнее леди Фан уже знала, а про привидение выслушала со всем вниманием.

– Повторяю, охранное заклятье на вашей племяннице исключает воздействие на неё подобных существей. Думаю, я изгоню его довольно скоро, – заверил Хойр.

– Меня беспокоит совпадение имен, эсс, – сказала леди

Фан, – Ведь получается, что в Нивере опять появилась Тьяна Айд. И пусть мою племянницу не называют леди Тьяной, всё равно.

– Вы тоже об этом подумали, – кивнул он, – да, конечно. Миледи, поверьте, я разбираюсь в вопросе и не оставлю без внимания намерения этой сущности. Если они у неё есть.

– Надеюсь на вас, – она вздохнула, – я хотела бы съездить в Ниверсолл, эсс. Ненадолго. Говорите, с ней пока ничего не может случиться?..

– Именно, миледи. Кстати, мне тоже нужно в город. Если вы окажете мне такую любезность, я не стану просить себе карету.

– Буду рада вашей компании, эсс.

– Тогда я сейчас же пошлю сказать управляющему. Будьте готовы, миледи, – он торопливо отошёл.

Оставшись одна, леди Фан только вздохнула. В этой поездке колдун герцога был несколько лишним, но отказать ему она бы не решилась. В городе придётся как-нибудь от него улизнуть. Ей ведь нужна гадалка с бубном, а от гильдейских колдунов они бегут, как от огня. Хотя, наверняка не одна такая явилась в Ниверсолл, привлечённая празднеством, ярмаркой, скоплением народа – герцогские свадьбы без этого не обходятся.

Гадалки с бубнами, или Чтицы, а кое-где их зовут Видящими. С некоторых пор их вынуждают служить королю и государству, вступив в Колдовскую гильдию при Большом

Храме Грета и пройдя там обучение. Но это не просто. Гадалки с бубнами не любят подчиняться. Это бродяжки, которые, невзирая на границы, ходят по всему Побережью, и за его пределами, говорят, тоже...

Их бывает сложно понять, этих гадалок. Но леди Фан знала, как надо спрашивать.

Глава 10. Предсказание гадалки с бубном

Для родственницы новой леди Айд в карету запрягли отличную четверку гнедых.

– Собираюсь пройтись по лавкам, – объяснила она удивленной Тяне, – хочешь чего-нибудь?

– Разве что поехать с тобой. Но зачем тебе понадобилось в Ниверсолл?

– Гадалка с бубном, – не стала лукавить леди Фан, – хочу кое-о-чём спросить.

– Но тётя, отец считал, что все они обманщицы, – Тяня удивилась ещё больше.

– Не все, – леди Фан улыбнулась, – что бы ты хотела узнать?

– Про привидение в замке.

– Хорошо. А про то, как расколдовать твоего мужа? Разве не это самое важное?

– Тётя, если бы гадалки могли ответить на этот вопрос, ещё отец Валантена переловил бы всех, чтобы спросить. И потом, возможно, мы уже завтра что-то узнаем.

– Тогда будь умницей, – улыбнулась леди Фан, – не оставайся в одиночестве.

Колдун ждал, переминаясь у кареты. Посторонился, про-

пуская, сам устроился напротив, стукнул в стенку, давая знак кучеру. Он казался озабоченным, и вопреки ожиданиям не пытался завязать разговор. Леди Фан это поначалу устраивало, она просто смотрела в окно. Но уже на подъезде к городу ей надоело молчать.

– У вас какие-то важные дела в Ниверсолле, эсс Хойр? – поинтересовалась она.

– Не то чтобы важные, миледи, – он махнул рукой, – не слишком люблю эту обязанность, но не отвертеться. Обряд проверки колдуньи не проводят в одиночку, так что мы с городским колдуном делаем это вместе. Он присылает мне сообщения, когда есть такая надобность.

– Проверки... кого, эсс?

– Колдуньи. Точнее, бродячей гадалки, какая там из неё пока колдунья. Вчера стража поймала девчонку на ярмарке. Возможно, обманщица. Так чаще и бывает, – он мягко улыбнулся, – всё равно мне следует сосредоточиться перед проверкой. Так что сейчас я плохой собеседник, простите, миледи.

– Конечно, эсс, я понимаю, – кивнула леди Фан, огорчаясь, что всю дорогу была столь нелюбопытна, – она совсем юная, эта гадалка?

– Да, лет тринадцать. Самый лучший возраст для обучения. Хотя и более старших мы тоже проверяем. Вот только нормально обучить их уже не удаётся, но на что-то и они годятся, конечно.

– А самые старые и опытные тоже нужны вашей гильдии, эсс? – не сдержалась она.

– О, миледи, – колдун улыбнулся, – эти умеют не попадаться страже. Как правило, их способности к тридцати годам и раскрываются, а до тех пор они только в паре ходят, молодая со взрослой, опытной. А эта была одна. Скорее, обманщица. Вторую пока не нашли, хотя ищут. Вознаграждение ведь полагается стражникам, помимо жалованья, от нашей гильдии.

Леди Фан кивала, стараясь скрыть разочарование. Получается, она и впрямь ехала в город, чтобы просто пройтись по лавкам. Если там и есть гадалки, они попрятались так, что даже стража за вознаграждение их найти не сможет. А поискать Айнору можно лишь по пути домой, отсюда до её последнего пристанища день езды.

– Если проверка покажет обман, девочку просто отпустят? – спросила она, хотя колдун опять замолчал и насупился.

– Конечно, – вздохнул тот, – сначала накажут, само собой. Обманщиц нельзя поощрять, так что это обязательно. Тридцать-сорок розог обычно. Невредно, но чувствительно. Но их это не останавливает, стремятся скрыть дар. Видите ли, им милее бродяжничать по жаре и холоду и зарабатывать мелочь, водя за нос простой люд, чем учиться в хорошей школе, а потом служить за жалованье! – он отчего-то разволновался, – такое воспитание, миледи! Просто дурость! Уж про-

стите. И это в наш просвещенный век!

– А покойный герцог спрашивал у гадалок про сына? Я лорда Валантена имею в виду.

– Спрашивал, конечно. Получил ответ, что истинный облик сына он не увидит никогда.

– Но это не тот ответ, – быстро заметила леди Фан, – это ответ не про лорда Валантена. Вероятнее, он был о скорой смерти герцога.

– Двойной смысл, миледи, да, – вздохнул колдун, – и об этом, и о другом, и о чем-то третьем, возможно. Вот поэтому я бы не стал задавать гадалкам никаких вопросов. Образованные колдуньи бывают более конкретны. Хотя также доказано, что абсолютная достоверность предсказаний невозможна, миледи, – и он со вздохом отвернулся к окну, быть может, опять настраиваясь на предстоящий обряд.

– А образованные колдуньи что говорят про лорда Айда? Эсс Хойр лишь пожал плечами. В молчании они миновали городские ворота и поехали по широкой улице.

– С вашего разрешения, миледи, я выйду за ратушей, там как раз караульная стражи, – сказал колдун, – девочка там. Вам же стоит проехать чуть дальше, увидите лавки, ателье, а ещё левее – ярмарочную площадь.

Леди Фан согласно кивнула, но, когда карета остановилась и эсс Хойр вышел, она выскользнула следом.

– Хочется размять ноги, эсс, – безмятежно объяснила она удивлённому колдуну, – о, не обращайтесь на меня внимания.

Девочку леди Фан нашла сразу, в большой клетке неподалеку от дверей в караульную, та сидела на дощатом полу, присыпанном старой соломой и мусором, и была в этой клетке одна. А прямо на стене караульной, возле двери, висел бубен, небольшой, почти новый, из светлой кожи. Бубен у Айноры был большой и давно потемнел от времени.

Рисунок красной краской по краю бубна вдруг притянул взгляд леди Фан, заставив её вздрогнуть и подойти к клетке.

Девочка была маленькой и худой, почти изможденной на вид и довольно-таки грязной, но с удивительно милым личиком – если отмыть. Простое платье из крашеного полотна старое, а передник и вовсе рваный. Её длинные косы были украшены мелкими красными бусами, а сложного плетения ожерелье из тех же бусин леди Фан узнала сразу, потому что могла сама сплести такое же. Айнора когда-то научила.

А ведь Айнора всегда стремилась одеваться хорошо, ве-тошь не носила, и могла голодать, но городские бани никогда не обходила стороной. Да с гадалок нередко и денег в банях не берут...

Девочка так и сидела не шевелясь, не поднимая на неё взгляд – ей, как видно, уже порядком надоели любопытные. Рядом на полотняной салфетке лежал нетронутый кусок сдобного пирога – наверное, дал кто-то из прохожих. Леди Фан подумала, что, не будь тут поблизости стражи, нашлись бы желающие отпустить девочку. Народ по-прежнему сочувствует гадалкам, невзирая на короля и колдунов.

Она спросила, приблизившись к решетке вплотную:

– Айнора здорова? Где она сейчас?

Вот теперь девочка на неё посмотрела. Недоверчиво посмотрела.

– Она жива вообще? – уточнила с сомнением леди Фан, – я Элла. Ты слышала обо мне?

Девочка кивнула, кто знает, на какой вопрос отвечая. Медленно она встала, подошла.

– Элла?.. Айнора в Рябиновой обители. Это близко. Там приют. Возьмите. Я прошу, – и она быстро протянула что-то через прутья, леди Фан подставила ладонь.

У неё в руке оказалось маленькое дешёвое колечко. Она быстро сунула его за рукав – как будто и не было ничего.

– А в школу к колдунам не хочешь? – спросила она девочку, – попробовала бы. Сбежать сможешь и потом, если что. Мне никогда не нравилось, что Айнора бродяжничает, особенно теперь.

Девочка молча отвернулась, опять отошла на середину клетки и села спиной к леди Фан. А к той уже поспешал пожилой стражник, весьма строгий и недовольный.

– Что вы желаете, эсса? Что вам здесь нужно? Ступайте себе.

– Я просто спросила у девочки, не купить ли ей воды. Мне её жаль, вот и всё, – ласково сказала она, – я приехала с эссом Хойром, меня зовут леди Фан, леди Айд – моя родная племянница.

И с удовольствием отметила, как простое звучание некоторых имен обладает поистине волшебным свойством: недо-вольство на лице стражника почти мгновенно перетекло в глубокую почтительность.

– Польщён, миледи. Всегда к вашим услугам. Я лишь хотел предупредить, что с ними, – он ткнул пальцем в сторону маленькой гадалки, – нужно осторожнее, они, чтобы сбе-жать, кому угодно голову заморочат.

– Благодарю за беспокойство. Проводите меня к эссу Хой-ру, милейший.

Стражник кинулся исполнять, но эсс Хойр и так уже спе-шил к ним. Она отвела его в сторону.

– Это скользкий момент, эсс. Можно попросить вас о до-верии?

– Да, миледи.

– Эта девочка, гадалка... ваш обряд, наверное, покажет, что силы у неё нет. Не спешите её наказывать. Проверьте ещё раз. У неё есть сила. Я хочу, чтобы она попала в эту вашу школу.

– Миледи? Неожиданно, должен заметить, – взгляд кол-дуна разом стал острым, внимательным, – объяснитесь?

– Я знакома с её наставницей, – спокойно сказала леди Фан, – она позволила нанести на бубен девочки свой рису-нок. Значит, дар есть. И она наверняка учила девочку дер-жаться от вас подальше. Я же не уверена, что в этом непре-менно есть смысл. Могу я помочь? Скажем, ей пригодятся

деньги?

– Некоторая сумма не помешает. И кое-что купить. То, что обычно требуется девушке в закрытой школе, миледи. Она все получит от гильдии, но это будут, так сказать, сиروتские вещи.

– Хорошо, я поняла. Не буду вам мешать, эсс.

И ничего удивительного, что он смотрел ей вслед.

У неё есть сапфировые серьги, дорогие и довольно бесполезные. Если их продать, денег хватит. И колдун теперь, конечно, выяснит, что у леди Фан есть родная тетка, которая всю жизнь проходила с бубном по Побережью. И эта тетка, получается, двоюродная бабка леди Айд.

Кольцо, отданное девочкой, как раз и означало, что та собралась прятать силу. У гадалок так считается: если отдать кому-то свою вещь, лучше кольцо или браслет, силу на время легко можно скрыть. Тетка Айнора как-то объяснила, что это не колдовство, просто ритуал, который помогает самой гадалке настроиться должным образом. Получается, девочка уже согласилась на порку ни за что, но леди Фан искренне считала, что это не лучший выход.

Она вернулась к своему экипажу, опять велела кучеру ждать, разрешив сходить в трактир, и отправилась искать стоянку наемных карет, возле ярмарочной площади непременно должна быть хоть одна. Конечно, свой экипаж во всех отношениях лучше, но незачем давать кучеру повод любопытствовать, да и в обители могут узнать герцогский выезд.

А так узнает только колдун, и то если захочет.

По дороге она выяснила, что до Рябиновой обители добираться не более получаса, если не на клячах, конечно. Что ж, она и наняла не совсем кляч, когда нашла эту самую стоянку, а полчаса – это не день пути.

Действительно, доехали быстро. Пожилая монахиня в зеленом отворила калитку и указала леди Фан дорогу. Здесь лучшим пропуском были деньги на нужды обители, врученные прямо на входе, и явная принадлежность посетительницы к благородному сословию. Имя Айдов леди Фан решила без нужды не упоминать.

Как во всех старых монастырях, очаг для ритуального огня располагался во дворе, недалеко от входа, этакий огромный камин с дымоходом, но на улице. Рядом были аккуратно сложены дрова и пучки хвороста, и огонь, конечно, горел – он горел тут всегда. Как полагалось, леди Фан взяла несколько поленьев и положила в огонь.

Никакой приют для бедных не подразумевает роскоши. Сумрачный полуподвал, несколько комнаток, в каждой нары вдоль стен, на которых лежали соломенные тюфяки, прикрытые серыми, простого полотна простынями, валялись толстые стеганые одеяла. Голые стены и закрытые мутными стеклами окна. Прохладно и даже сыро, несмотря на теплый летний день, но никому бы и в голову не пришло в это время года затопить здесь печи. Ни столов, ни скамеек – для еды

есть трапезная. И людей никого, что тоже понятно, приюты при обителях не место для бездельников. Днем здесь всем полагалось заниматься какой-то работой. Всем, кто держался на ногах, конечно.

В одной из комнат леди Фан всё же обнаружила спящую молодую женщину, рядом с ней посапывал спелёнутый младенец. А в самой дальней комнате она нашла Айнору. Старуха, похоже, эту каморку занимала одна, потому что на нарах лежала только её постель. Был ещё один тюфяк, скатанный – наверное, на нём когда-то и спала девочка, теперь сидящая в клетке в Ниверсолле. И ещё здесь был табурет, а над постелью на стене висел большой бубен.

Сама Айнора неподвижно сидела на нарах, свесив руки между колен. И внешне она почти не изменилась. Она вообще не менялась последние годы. Только глаза, казалось, стали какими-то неподвижными и пустыми, а руки слишком безжизненными.

Всё это было понятно. Никого в комнате – люди предпочитают не ночевать рядом с гадалками, старый предрассудок. В то же время никогда не обидят и слово поперёк не скажут. И монахини прекрасно знают, кто такая Айнора, и настоятельница должна бы поставить в известность Храм в Ниверсолле, но явно не сделала этого. Если формально, то зачем гильдии такая старуха? А скорее настоятельница искренне полагала, что, если можно не трогать бродячих гадалок, лучше их не трогать. И про девочку монахини тоже не

донесли, если тут была та девочка, конечно.

– Здравствуй, тётя Айнора, – громко сказала леди Фан. – Это я, Элла.

Гадалка ответила не сразу.

– Здравствуй, – и повернулась, всматриваясь, – ты? Давненько тебя не было. Уже стала тебя вспоминать.

– Давненько, – немного раздраженно согласилась леди Фан, – может быть, мы виделись бы и чаще, но ты ведь ото-всюду уходишь, не прощаясь, и приходишь незваной. А о том, что в Грете есть почта и можно писать письма, и не подозреваешь, наверное.

Старуха раздвинула губы в беззвучном смехе. Её зубы были на месте почти все, хотя в такие годы мало кто из стариков мог бы похвастать подобным.

– Я что, благородная леди, чтобы писать письма по каждому глупому поводу?

– Ты была дочерью благородного лорда, как и моя мать. И тебя учили писать.

Айнора опять засмеялась. Леди Фан присела на табурет, сначала приглядевшись, чист ли.

– И что ты забыла в этой дыре, тетушка? – сказала она, недовольно оглядываясь.

Зябко так. И впрямь, затопить бы печку.

– Ты могла бы уже жить у меня. Или у Мерит в Рори, если хочешь. Или хотя бы останавливаться ненадолго. И не пришлось бы мне думать, куда тебя занесло в очередной раз.

Да, только она и умудрялась находить эту вздорную старуху, помогать ей деньгами, и лекаря к ней звать тоже случилось. И всегда та лишь язвила, не благодарила никогда. Тем не менее, их встречам тётка радовалась.

– У Мерит? – рот старухи скривился в усмешке. – У неё тем более. Ещё не хватало. Я откуда ушла, туда больше не вернусь. Реку вспять не повернёшь.

– Тебе уже можно бы осесть на одном месте. Эссы твоих лет нянчатся с внуками у камина...

– Не будь дурой, Элла, – прервала Айнора. – Твои мерки не для меня, ты знаешь. Если оставишь пару монет, скажу спасибо.

– Оставляю.

– Вот и хорошо. А пришла зачем? Чего хочешь от меня?

Вот, как всегда. Хотя сегодня впервые Элла Фан была всерьёз озабочена и пришла просить помощи. Нет, она и раньше задавала вопросы, конечно. А Айнора бывала и добродушной, и разговаривали они подолгу о разном. Только давно.

– Хочу, – признала она, – хочу просить помощи, Айнора. Ты ведь помнишь старших дочек Мерит? Дивону и Тяну.

– Темноволосая и блондиночка, – кивнула Айнора, – да, я обеих помню. А вот которую как зовут...

– Тяна темноволосая. Её выдали замуж в Нивер, – леди Фан исподлобья смотрела не тётку.

– Далековато, – только и обронила та.

– Она вышла за лорда Айда, заклятого. За Чудовище.

– А, вот оно что, – теперь старуха усмехнулась. – Дочек благородные семьи продавали во все времена. Некоторые уверены, что только ради этого девочки и рождаются на свет.

– Ты когда-то сбежала со своей свадьбы и гордишься этим, тётушка, – сказала леди Фан, – но Тяна сама захотела свадьбы. Добровольно.

– О, даже так, – Айнора прикрыла глаза.

Какое-то время она сидела молча, так что леди Фан забеспокоилась и, кашлянув, заговорила:

– Видишь ли, на Мерит свалились такие несчастья...

– Про твою сестру мне неинтересно, – резко прервала гадалка, – говори лучше про девочку, раз за этим приехала. Что, хочешь знать, как расколдовать её мужа? Так это не ко мне вопрос, сразу говорю.

– Этого не нужно, – махнула рукой леди Фан, – кажется, он и в таком обличье человек добрый и умный.

Рот старухи расплылся в едкой ухмылке.

– О, да ты тоже поумнела, как я погляжу, Элла.

– Видимо, так, – смиренно признала та, – за столько-то лет! Вот послушай меня. В Нивере появилось привидение. Это не опасно для Тяны? А ещё вот...

Леди Фан вкратце рассказала обо всём: о празднике в Нивере, о глупых и странных покушениях на Тяну, о вздорной герцогине, о колдуне Хойре, который на первый взгляд не слишком впечатлял своим искусством, и о герцоге Кайрене Айде...

Гадалка дослушала её и долго молчала, прикрыв глаза. Потом сказала:

– Если хозяин забудет рыбу на столе и уйдет, кому из котов она достанется? Самому шустрому, или тому, кто легко подерет остальных. А ещё возможно, что два кота переделаются, а рыбку тем временем утащит другая кошка.

– Тётя?..

– Ты ведь не дуручка, Элла. Должна понимать. Твоя племянница только тем и вредна кому-то, что должна родить наследника. А кому достанется герцогство, если наследника не будет?

– Это я понимаю. Думаю, там немало наследников, – леди Фан усмехнулась, – включая детей сестры, но это по решению короля. Формально дети леди Уны не наследуют впереди кузенов по мужской линии. Кого ты имела в виду, когда говорила о другой кошке?

– Никого, – отрезала гадалка, – откуда мне знать? Как будто я бываю при королевском дворе. Ты хочешь, чтобы я прочитала в отражениях судьбу твоей племянницы? Смотри, – она протянула руки, показывая.

Руки были больные, с распухшими суставами и старчески набухшими венами.

– Я простудилась весной, – сказала она, – с тех пор не могу играть на бубне. К тому же мне надо бы видеть того, о ком ты спрашиваешь. А ты можешь сыграть о том, что тебе нужно. Попробуй, а я постараюсь увидеть.

– Я? – изумилась леди Фан, – но я никогда не делала этого. Я не умею! Даже не представляю себе, как надо играть на твоём бубне о чём-то!

– Просто бей в него пальцами. И думай. Думай о том, что хочешь узнать, вспоминай племянницу и тех, кто с ней рядом. Иначе ничего не выйдет, Элла.

Леди Фан с опаской посмотрела на бубен. И всё же подошла, легонько ударила по темной, туго натянутой коже, бубен отозвался звуком глухим, еле слышным. Она ударила опять, прислушиваясь.

– Сними его, – с насмешкой велела старуха. – И играй.

– А что на это монахини скажут?

– Думаю, что ничего. Но посмотрим.

Снятый бубен издал звук более чистый и звонкий. Надо бить так, чтобы получалась мелодия. И думать о Тьяне.

Играть о том, что нужно. О, Пламя!

– Что ты хочешь узнать? – спросила Айнора. – Скажи сразу. Я ведь не могу разом увидеть всё, так что скажи.

– Я хочу знать, приживется ли она в Нивере, и родит ли ребенка. И какие её ждут опасности. И как к ней будет относиться муж...

– Довольно. Я поняла. Играй.

Бубен глухо зарокотал под пальцами Эллы Фан, но это была никакая не мелодия. Слишком беспорядочно, некрасиво. Тревожно. Они все мелькали перед её внутренним взором: Тьяна, герцог, герцогиня, колдун Хойр. А пальцы стучали по

краю кожаного круга...

Она догадалась поправить бубен на коленях и стала ударять ближе к центру, так получался уже другой звук, гораздо звонче. Разное место удара – разные звуки. Она разобралась. Скоро стало похоже на мелодию, но всё равно нестройную.

– Играй, Элла! – прошипела Айнора, когда леди Фан на несколько мгновений остановилась, – думай и играй.

Мелодия становилась постепенно стройнее и звонче, а пальцы всё больше немели.

– Хватит, – наконец велела Айнора и затрясла головой, – больше не могу, Элла.

Та мгновенно остановилась.

– Я видела того ребенка. Будет ребёнок, наследник Айдов, но его рождение перестанет быть слишком важным. И ещё будет сын, потом дочь. Будет смерть. Будут зло. Трудно быть прозорливой и не держать зла на невиновного. И у неё скоро попросят прощения – пусть простит, теперь это нетрудно, – гадалка говорила, уставившись в одну точку, а леди Фан в панике старалась всё запомнить и горько жалела о том, что нет под рукой пера и бумаги.

Хотя, в сущности, не так и трудно было запомнить.

Айнора заморгала, словно просыпаясь, и добавила:

– Она ведь не такая дурёха, как Мерит? Тогда выживет. А ты уезжай, ты не нужна. Она не должна ждать от тебя совета, ей надо слышать себя. Тогда, может, и обойдется.

– Что обойдется? – уточнила леди Фан враз охрипшим

ГОЛОСОМ.

– Зло её не убьет. Она выживет и родит сына. Но зло будет. И будет смерть. Чтобы ей выжить, не надо вести себя, как глупая курица... я хотела сказать, как истинная леди, достойная своего положения. И пусть простит. Скажи ей обязательно.

– Кого надо простить?

– Кто попросит. И не всегда будет легко. Это ты понимаешь. Всегда легко не бывает. Ей будет хорошо, очень хорошо, и если бы не зло... И другие чувства, которые мешают. Ты это тоже понимаешь. Она будет купаться в любви.

– В любви мужа? – рискнула уточнить леди Фан.

– Не знаю. Ты не показала мне мужа, – сердито заметила гадалка и опять заморгала, – повесь бубен на место, – резко велела она, – я сказала всё. Поняла? Простить. Слушать себя. Радоваться тому, что есть. И поменьше слушать, что велят другие. Пусть ей поменьше велят! А сын будет. Об этом пусть не беспокоится. Повесь бубен!

Леди Фан поспешно вернула бубен на стену.

– Вот, возьми, – Айнора сняла с шеи шнурок, на котором висело несколько колец, явно неподходящих для её изуродованных болезнью пальцев.

Она выбрала одно, с коричнево–желтым камнем, – вот, это золотое, и камень хороший, уместно для знатной женщины. Говорят, что этот камень обостряет способность слышать себя и видеть мир в отражениях. Его такие, как я, часто

носят. Вранье! Ничего он не обостряет. Просто камень. Но ты ей скажи, что обостряет. Пусть не боится себя слышать, и ни у кого не спрашивает советов.

Леди Фан взяла кольцо. Красивый камень, изящная оправа. Старое. И недешёвое, да. Такое на руке у леди Айд не вызовет вопросов.

– Это означает, что у Тяны есть твоя сила? Твои способности? – спросила она с трепетом.

– Они у всех есть, – старуха захрипела и закашлялась, потом продолжила, – у кого-то больше, у кого-то меньше. Но есть у всех. У неё, может, и больше, наша ведь кровь. Не все умеют слушать и слышать. А она пусть учится. Но она обычная, без силы, поняла? Иди, Элла. Я устала.

Леди Фан достала кошелек и отсыпала половину монет, вложила в ладонь Айноры.

– Возьми. И не исчезай пока. Может, попробуем устроить тебя лучше?

– Только попробуй. Не хватало ещё, чтобы ты вмешивалась мои дела. Прощай, Элла, – монеты исчезли в складках её юбки.

– Я видела в Ниверсолле твою ученицу. Её поймала стража.

Айнора сидела теперь с закрытыми глазами и покачивалась.

– Ничего, ей тоже пора не слушать советы, – уронила она. – Иди, милая. Я действительно устала.

Леди Фан изумленно распахнула глаза, подумав, что ослышалась – милой тетка не называла её уже очень много лет.

– До свидания, Айнора, – сказала она, – я ещё приеду к тебе.

Та не ответила.

Во дворе было теплее, чем в тех ужасных комнатах, и леди Фан с удовольствием задышала, – душистый, теплый воздух летнего дня бальзамом вливался в её грудь. И ещё она поняла, что отчего-то очень устала, устала так, что было тяжело идти и захотелось сесть прямо на траву посреди двора.

– Миледи? – к ней спешила монахиня в зеленом платье, – вы уезжаете? Вы всем довольны, миледи?

– Да, вполне. Пожалуйста, позаботьтесь о ней, – она показала за спину, туда, где остались унылые комнаты приюта, – может, ей лучше проводить больше времени во дворе?

– Она никого не слушает, миледи, – покачала головой монахиня, не уточняя, о ком речь, – вы так бледны. Чем-нибудь помочь?..

Чуть позже, сидя на жестких подушках наемной кареты, леди Фан вспоминала, расставляя в уме: простить, слушать себя, радоваться тому, что есть, не подчиняться тому, что кажется неверным. Что там ещё?

Тьяна выживет тут и родит сына. Её будут любить. Зло и смерть – это случится не с ней, потому что исключает рождение детей. Значит, всё будет не так и плохо.

Уже легче.

Тьяна, выслушав рассказ тёти о поездке, была изумлена.

– В нашем роду есть гадалка с бубном? Самая настоящая?!

– Настоящая, – усмехнулась леди Фан, – но не это важно. Вот её кольцо, оно разбудит твои способности чувствовать и предвидеть. Немного, но лучше, чем ничего. У него особый камень, – она протянула снятое со своей руки кольцо Айноры, – а это то, что она сказала про тебя, – и подвинула Тьяне листок бумаги, на, котором, вернувшись, сразу все записала.

Кого-то простить. Слушать себя. Не подчиняться тому, что кажется неверным – это вместо пожелания не вести себя как глупая курица, то есть покорная родне, воспитанная леди. Передавать выражения Айноры буквально не следовало. Ещё надо быть смелее, потому что никакое нарушение условностей не бывает страшнее истинной опасности. Какое-то зло придётся преодолеть. Будет сын, а потом ещё сын и дочь. И любовь, если они окажутся её достойны – да, более чем вольная и осторожная формулировка.

Айнора ведь даже не сказала, чья там любовь, кто будет любить Тьяну. Оставалось надеяться, что всё-таки муж. И в кольце на самом деле нет никакой колдовской силы. Оно просто призвано помочь доверять себе, точно так же как девочка-гадалка отдала свое дешёвенькое колечко незнакомке, чтобы суметь скрыть свою силу от колдунов. Доверилась племяннице своей наставницы. А та доверие обманула, хотя

и из лучших побуждений. Теперь вся надежда на мудрость Всевышнего и на Пламя Творящее, чтобы действительно всё получилось к лучшему.

О девочке она тоже рассказала, и отдала Тяне то колечко, попросив сохранить. Его она на палец не надевала – такое украшение на её руке вызвало бы удивление. Пояснила:

– Думаю, к тебе она будет ближе, их школа где-то в Нивере. Найдет, если нужно будет. Вряд ли, конечно.

– Как она узнает, что искать надо меня?

– Не забывай про эсса Хойра. Он, думаю, станет её немного опекать. Я попрошу, во всяком случае.

– Хорошо, – кивнула Тяна, – тогда я тоже его попрошу. А как зовут девочку?

– Не знаю, до знакомства у нас не дошло. И Айнора, кажется, не хотела о ней говорить. Её, Айнору, вообще понимать трудно.

– Да уж! – покачала головой Тяна, – а предсказание странное.

– Не тебе жаловаться, – усмехнулась тётя, – ты как раз получила хорошее и понятное предсказание. Помни и старайся следовать. А мы все будем молиться за тебя. Всё будет хорошо, девочка моя.

Она подошла к своему сундучку, достала оттуда маленькую плоскую шкатулку для мелочей, раскрыла и подала Тяне.

Та уже не раз видела эту шкатулку, под её крышкой скры-

вался портрет юной девушки в платье старинного кроя, и семейное сходство было налицо – с мамой, с тётёй Эллой, с младшими сестренками. Якобы сестра деда, умерла молодой, перед своей свадьбой.

– Это она, – сказала леди Фан, – Айнора. Эссина Айнора Вилери. Шкатулку сделали для подарка её жениху, но дарить не пришлось. Она ушла из дома. Не захотела выходить замуж за очень знатного и богатого человека. Мой отец говорил, что она уже тогда была необычной, уже чувствовала силу. Она никогда не жалела, что ушла на Дорогу... так они это называют. Нашла наставницу, стала учиться. Наш дед её так и не простил, а вот отец принимал хорошо, когда она приходила. Она приходила часто, когда я была маленькой. Он и меня просил ей помогать. Это бывало непросто, и трудно не замечать её характер. Я привыкла.

– А если пригласить её поселиться здесь? – предположила Тьяна, – как считаешь, мне не откажут?

– Не нужно. Лучше попроси для неё десяток–другой дреров у мужа, если получится.

Сама леди Фан парой часов ранее всё-таки продала свои серьги ювелиру в Ниверсолле, за двести дреров. Хорошая цена, она ожидала выручить меньше. Когда денег в кошельке несколько больше, чем мало – гораздо спокойнее и лучше на душе.

– Получится, – Тьяна улыбнулась. – Он предлагал мне десять тысяч ни за что, просто чтобы я уехала домой. Ему, на-

верное, можно что-то рассказать из этого?..

– Попробуй. Решай сама, – это было почти претворение в жизнь рекомендации тетушки Айноры.

Да-да, той самой рекомендации: не давать советов. А ведь с непривычки трудно бывает совсем никогда и ничего не советовать. Почти невозможно, наверное.

– Тётя. А что она сказала про Валантена? Его заклятье удастся снять?

– Ничего не сказала, – покачала головой леди Фан. – Со-
всем ничего.

Перед сном Тяна долго читала, забравшись с ногами в кресло и пристроив тяжелый том на коленях. Пять толстых витых свечей в подсвечнике горели ровно и ярко, вокруг них вились налетевшие в комнату ночные мотыльки, шуршали крылышками, некоторые падали, опалившись о пламя. В Нивере были отличные свечи, толстые и давали много света, а уж приложил ли к этому руку колдун Хойр, неважно.

Тяна читала невнимательно. Мысли её где только ни витали, а иногда она доставала вложенный между страниц лист, исписанный тётей, перечитывала...

Кого-то простить. Слушать себя...

Наверное, потом что-то станет понятнее, решится само собой. Главное, будет сын. Им всем нужен её сын. И ей тоже хочется, чтобы был сын. Интересно, как Валантен относится к этому? То есть, желает ли он, чтобы появился на свет их

ребенок, а не просто долгожданный наследник Айдов? Она пока не спрашивала.

Её сын. Может быть, он будет похож на Валантена – на того, каким тот мог бы быть в детстве. Но не был. А если?..

Нет, что её ребенок может унаследовать черты сегодняшнего Валантена, она даже не могла себе представить. Не желала представлять. Такого просто не может с ней случиться, значит, и беспокоиться незачем.

Сегодня будет последняя её одинокая ночь, потому что герцога и Валантена ждут обратно уже завтра. Если, конечно, им не придет в голову задержаться. А захочет ли Валантен навестить её завтра, или найдет причину этого не делать? Так или иначе, на свидание она попытается его как-нибудь выманить. Как – завтра будет видно. Тьяна ровно ничего не имела и против исполнения супружеского долга, надо значит надо. Но их свидания и то, чем они сопровождались – было куда лучше. Это ещё и увлекательно, и приятно.

Глава 11. Незванный гость

За ужином Тяну ожидало небольшое испытание. Точнее, это после она сочла, что испытание было небольшим, но когда подошёл мажордом и тихо доложил, что в Нивере неожиданный и почетный гость, граф Валади, Второй министр Грета, следующий в Гарратен из поездки по южным странам, и ей необходимо его принять...

Дело в том, что леди Овертина, опять мучимая мигренью, не вышла к столу. Тяна метнулась взглядом к сидящей напротив Уне, но та лишь виновато улыбнулась и развела руками. Всё правильно, незамужняя сестра герцога не может играть роль хозяйки за столом, если здесь жена её старшего брата. Это сегодня прямая обязанность леди Айд. Но Тяна только и знала, что есть в Грете графский дом Валади, а как принимать министров, как их приветствовать, что говорить, а чего не стоит... Она понятия не имела, как это делается.

– Не трусь, – шепнула тётя, нашла её руку, постучала пальцем по кольцу Айноры. – Делай что хочешь в пределах разумного, не такая уж ты у меня глупышка. Даже если всё получится не так, в Хал тебя не вышлют, им же наследник нужен.

И Тяна не удержалась, улыбнулась. В Хал, монастырь, который уже много веков служил исправительной тюрьмой для преступниц из высшей знати Грета, её за какую-нибудь се-

годняшнюю неловкость действительно не вышлют. И стало нестрашно.

А леди Фан досадливо прикусила губу и тоже улыбнулась. Да, это и впрямь трудно – не советовать. Но ничего, не всё сразу.

Тьяна встретила министра, выйдя на середину зала, поприветствовала, сдержанно поклонилась – как леди Айд. И всё. Граф Валади, возможно, понимая и предвосхищая затруднения, был приятен, разговорчив, и уже через пять минут беседовать с ним стало очень легко. И быть хозяйкой за столом Тьяне понравилось, она даже переговаривалась и шутила с дамами, которые обычно составляли свиту леди Овертины.

После ужина управляющий на пару с Хойром представили ей девушек-горничных.

– Вам давно следовало назначить себе постоянную личную горничную, миледи. Так что выбирайте, какая понравится. Я проверил всех. Любая будет стараться, быть личной горничной при хозяйке – это повышенное жалованье, миледи.

– Какая же я хозяйка, – заметила Тьяна, но колдун лишь улыбнулся.

– Стоит ли придирается к понятиям, миледи. Конечно, леди Овертина, вы и леди Уна – хозяйки в Нивере, и вашим личным горничным положено повышенное жалованье. Конечно, старшинство здесь за леди Овертиной, кто же спорит.

Но жалованье у её горничной не выше, чем будет у вашей.

Отчего-то теперь Тьяна смутилась больше, чем принимая второго министра. И быстро выбрала одну из девушек, светловолосую, невысокую Энну.

— Она постоянно будет при вас, миледи, — сказал колдун, — ночевать должна в вашей передней. Она давно служит, и её умения стоят её жалованья. Доброй ночи, миледи.

Этим вечером леди Айд раздевалась, мылась и причесывалась с помощью личной горничной, и теперь, когда хозяйка пыталась читать перед сном, девушка шила у свечи в передней. Сначала Энна спрашивала, когда миледи желает лечь, потому что, дескать, она должна сама погасить свечи и помочь миледи устроиться в кровати. Тьяна на это рассмеялась и велела девушке идти спать. Энна больше не заглядывала, но и не ложилась, дожидаясь, когда всё-таки уляжется её неугомонная леди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.